

ЛАТИФ МАХМУДОВ

ХОЛМ С ТЮЛЬПАНАМИ

П О В Е С Т Ъ

*Перевел с узбекского
О. Тихомиров*

РИСУНКИ
О. ПАРХАЕВА

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1984

Махмудов Л.

М36 Холм с тюльпанами: Повесть/Пер. с узбекск.
О. Тихомиров; Рис. О. Пархаева.— М.: Дет. лит.,
1984.—176 с., ил.

В пер.: 55 к.

Современный узбекский писатель рассказывает о восьмиклассниках, которые участвуют в строительстве школьного спортзала, о непростых взаимоотношениях подростков. Судьбы некоторых героев повести связаны с драматическими событиями давних лет, когда в узбекских кишлаках в острой борьбе начиналось социалистическое строительство.

Предисловие С. Баруздина.

М 4803010200 — 392/477—84
М101(03) 84

С(Узб)2

© Перевод на русский язык. Предисловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

О повести Латифа Махмудова «Холм с тюльпанами»

Узбекская литература имеет давние добрые поэтические традиции, а после Великого Октября в республике появилась и серьезная проза. Сейчас далеко за пределами узбекской земли известны имена поэтов и прозаиков Х. Хакимзаде, Г. Гуляма, Айбека, Х. Алимджана, Ш. Рашидова, А. Каххара, С. Азимова, А. Якубова, П. Кадырова, А. Мухтара, Т. Пулатова и других. Многие известные писатели создавали и создают книги для юных читателей, выросли в Узбекистане и свои детские писатели.

Латиф Махмудов — один из них.

Он автор широко известных и любимых узбекскими ребятами книг — «Тайна бурной реки», «Два друга», «Приключения двух лентяев», «Беркут», «Смелые ребята», «Таинственное письмо», «Тайна старого дутара», «Чинара» и многих других.

На сценах театров идут его пьесы: «Мальчик, украденный беркутом», «Али-Вали», «Таинственное письмо». Произведения Латифа Махмудова переведены на языки народов СССР.

Новая повесть Латифа Махмудова «Холм с тюльпанами» рассказывает о событиях необычных, увлекательных и очень интересных. Есть в повести и загадочные путники, и странная история в одном из тихих городских дворов, и таинственные исчезновения, и необычные поиски. Очень естественно и закономерно вписывается в повествование легенда о Девичьем роднике. И уже поэтому повесть читается с увлечением.

Но конечно, дело не только в приключениях. Куда важнее, что повесть рассказывает о борьбе добра и зла, о том новом, что дала Советская власть людям Узбекистана, о хороших, умных, пытливых и добрых сердцами людях — взрослых и ребятах.

Есть в повести и еще одна очень важная мысль.

Маленькая Гюльнара случайно попадает в мечеть. Она сталкивается со страшным религиозным дурманом. И спасает ее не кто иной, как учительница, русская учительница Раиса Максимова.

На страницах повести живут очень разные и чуткие мальчишки и девочки, наши современники. Это Равшан и Аскар, Шахло и Минура, Озода и Нартаджи. Все они не похожи друг на друга, у них разные характеры и пристрастия, но объединяет их одно — честность и крепкая верная дружба.

Удались автору и образы взрослых — Муминджана, Мулладоста, мастера Ашура.

Латиф Махмудов — тонкий художник, и он умеет хорошо показать все оттенки человеческого характера, настроения.

При чтении повести Латифа Махмудова «Холм с тюльпанами» меня не покидала мысль, что это проза поэта. И впечатление это далеко не случайно. Латифу Махмудову присуща задушевность интонации, какая-то особая теплота в отношении к своим героям. Это-то и позволяет читателю увидеть их живыми, полнокровными. И в этом одна из причин того, почему юные читатели так любят книги писателя.

Сергей Баруздин

Глава I

НОЧНЫЕ ПУТНИКИ

Было уже близко к полуночи. Луна, поднявшаяся из-за хребтов сонных гор, на миг осветила бледным светом извилистую, как след змеи, дорогу, две могучие чинары, что росли вдоль обочин, и тут же скрылась за густым покровом облаков.

По дороге время от времени проезжала машина, и тогда нарушалась тишина, а фары своими лучами вспарывали густую тьму, и тени деревьев затевали невообразимую пляску, словно сказочные чудовища.

Возле арыка за стволом одной из чинар сидел человек. Когда на дороге появлялась машина, он вставал и скрывался за деревом, а затем возвращался на прежнее место. Испуганно прислушиваясь к звукам ночи, будто хотел уловить что-то знакомое ему одному сквозь кваканье лягушек и пение цикад, он не отрывал взгляда от дальнего конца дороги, который становился виден, когда луна выплывала из-за облаков.

Человек долго сидел возле арыка, пощипывая бородку, потом поднялся, различив чутким ухом звуки, похожие на скрип арбы. Он размял руками онемевшие ноги, выпрямился и торопливо зашагал навстречу этому скрипу.

Как только стали видны очертания арбы и сидевшего на ней человека, он негромко крикнул:

— Ну как, все в порядке?

Возница, тщедушный старичок в стеганом халате и сдвинутой чуть ли не до бровей тюбетейке, не торопился с ответом, он потянул за поводья и, когда мужчина сел в арбу, устало вздохнул, будто с плеч его сняли тяжелую ношу, молча передал поводья, а сам растянулся, подложив под себя две связки сухого пахучего клевера.

— Гони,— приказал он.— До рассвета должны быть в кишлаке.

Арба тронулась. Спутник старика обернулся, желая что-то сказать, но тот махнул рукой — я, мол, очень устал — и, закрыв глаза, свернулся калачиком. Подсевшего мужчину явно что-то тревожило, но он не решался заговорить.

Луна опять вышла из-за туч. Черная завеса ночи на миг приподнялась над бескрайними полями и садами. Стали видны далекие горы, нахлобучившие снежные шапки. Старик сквозь сомкнутые веки почувствовал луну, открыл глаза и несколько секунд вглядывался в освещенный луной простор.

Эти поля и горы были ему знакомы с самого детства. Но он был лишен счастья видеть красу садов, полей, шумливых горных речек, которые так блестят при дневном свете. Он был лишен счастья видеть их днем. Почти вся его жизнь, словно

у суслика, прошла в ночи. Он, словно тень, рыскал по ночам. Остается только удивляться, как быстро пролетели эти скучные дни, недели, годы... Вернее, он чувствовал, что летят дни и недели, но, как годы промелькнули, он так и не заметил. Будто легкое дуновение ветерка пронеслись они. Он привык к тому, что ночи для него стали днями. Он только по ночам мог свободно дышать. Его пугали людской смех и шум, говор, он не выходил из своей норы до захода солнца. Со временем сам голос человеческий стал ему казаться странным, чем-то диким, смех людей раздирал грудь, словно острый кинжал.

Но все же он жил, вернее, существовал. А теперь и этому существованию едва не пришел конец. Вновь появился тот, кого он считал мертвым, и стал ворошить прошлое...

По сей день хорошо помнил старик тот предрассветный час, когда он решил убить мальчишку. Это было давно. Ох, как давно. В небе горели звезды. Кусочек луны, словно ломтик лепешки, освещал кривые улочки, узкий мост через реку. Было прохладно. Наконец показалась арба с мальчишкой. Вот она вброд переехала реку. Теперь кишлак остался позади, и мальчишка уже не видел ни одного дома, даже деревьев на окраинах. Начинались холмы и овраги. Старик — тогда он еще не был старым — помнил, как он попросил мальчика подвезти, а затем, немного времени спустя, придвинулся к нему и сильно ударил камнем по голове. Мальчик свалился на землю. Он нагнулся над ним, лежащим, еще три раза пнул сапогом. Мальчик даже не шелохнулся, лежал, казалось, без дыхания. А кругом стояла тишина. Лишь звенели цикады. Он больше не стал пинать. Подумал, что мальчик мертв. И вот оказалось...

— Уже близко... — тихо сказал спутник, сидевший с поводями, будто говорил это себе, стараясь не нарушить ход мыслей старика. Потом боязливо оглянулся.

Старик заметил его взгляд, вздрогнул и резко поднял голову. Туч над кишлаком не было. Слабо светились лампы на окраине кишлака. Впереди чернел мост, вода в реке чуть

мерцала. Старик зажмурил глаза, что-то буркнул и отвернулся. Вскоре он опять поднял голову, спросил:

— А виноград уже созрел?

— Созрел.

— А что, председатель не передумал с этой чертовой стройкой?

— Кто его знает.

— «Кто, кто»...— передразнил старик,— ты же все время с ним крутишься. Убеди его.

— Э-э, разве его убедишь! Упрямым, как осел.

Старик помолчал, затем глухо бросил:

— И не думай теперь смотаться. Везде найду.

— Куда же мне от вас...

После этих непонятных слов они опять затихли. Старик, выдержав тягостную паузу, сказал:

— Эх, жалко!..

Спутник глянул на него через плечо:

— О чем вы?

— Дело-то отчасти удалось...— В голосе старика чувствовалась тревога.— А все же беспокойно у меня на душе. Не мог я своими глазами увидеть, что случилось потом. Соседская девчонка помешала. Зачем ей ночью рыскать в соседнем дворе?— Старик помолчал, затем злобно засмеялся:— Ишь ты, Раису Максимовну вспомнил...

Звезды погасли. Занялась заря. Усилился шум реки. Мост уже был отчетливо виден. Посветлели макушки пирамидальных тополей, которыми были обсажены улицы кишлака. Старик обвел кишлак сердитым взглядом и приказал:

— Сверни направо, не по мосту. Внизу есть брод, через него поедем...

Его спутник в знак согласия кивнул головой, потянул поводья и направил лошадь к броду. Уже у самой воды он остановился, протянул старику маленький сверток. Тот взял, осторожно стал развязывать...

— Почти всю жизнь,— процедил он.— Надоело...

— Что поделаешь,— пожал спутник плечами.

ЗАБОТЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Муминджан-ака вышел из конторы, держа в одной руке пиалу, а в другой большой голубой чайник. Он сделал несколько шагов и остановился, ища глазами прохладное место.

— Сюда, хозяин!..

Муминджан-ака посмотрел туда, откуда донесся голос. Увидев под ветвями плакучей ивы человека с узким лицом и реденькой бородкой, который, держа руку у сердца, приглашал его, председатель широко улыбнулся. Это был чайханщик Мулладо́ст. Вернее, теперь он был не чайханщик, а секретарь председателя, можно сказать, его правая рука, но все в кишлаке по-прежнему называли его между собой чайханщиком.

Муминджан-ака поленился перейти через мостик на ту сторону арыка, где был топчан и очаг для плова, и, желая сократить расстояние, неловко прыгнул через арык. Как только ноги его коснулись противоположного берега, грузное туловище подалось назад. Не подоспей чайханщик, Муминджан-ака рухнул бы в полноводный арык.

— Постарел я, Мулладо́ст!..— смеясь сказал Муминджан-ака, усаживаясь на край большого деревянного топчана.

— Что вы! Вы еще совсем джигит! Пока вы будете один раз стареть, чинара четырежды постареет,— шутливо возразил чайханщик.

Всякий раз, когда председатель видел этого маленького человека, у него всегда поднималось настроение. Он даже про усталость забывал. Приезжал, бывало, расстроенный, хмурый, садился на жесткий топчан, спрашивал просто так, чтобы не молчать: «Ну, что нового, Мулладо́ст?» И чайханщик начинал рассказывать обо всем в кишлаке, вплоть до самых мелочей, о которых даже не подозреваешь.

Кому-кому, а Мулладо́сту всегда было известно, кто что готовит себе на завтрак, к обеду, кто что ел на ужин, у кого отелилась корова, какой родился теленок,— словом, нет в большом кишлаке такой мелочи, чтобы Мулладо́ст о ней не

знал. И рассказать он умеет, порой не разберешь, в шутку он это или всерьез. Муминджан-ака всегда восхищался его рассказами и хохотал иной раз до слез.

Тем не менее Мулладост и говорить и работать умеет: в любой момент может сесть вместо возницы на арбу, или отремонтировать машину, если нет механика, или заменить каменщика, или мастерить в столярной — рамы, двери и все прочее... Еще умеет приготовить великолепный плов. Не только маленький плов, на несколько гостей, но и большой, да в таком котле, что сотню человек можно накормить.

Ни один пир, ни одна свадьба не обойдется без помощи чайханщика. Осенью, когда созревает хлопок, все на поле. А в садах никого нет, спелые плоды падают на землю. Так могут и сгнить. Самим колхозникам некогда, они хлопком заняты, а вот у Мулладоста найдется время и для чужих. Запрягает осла или лошадь в арбу, грузит в ящики яблоки, виноград, гранаты и едет в город на базар. Все колхозники ему благодарны. У Мулладоста тут нет никакой корысти. Отвез, продал, а выручку — хозяевам. И все. Ходит довольный, что людям помог.

Вон те кустики черного базилика Мулладост вырастил из специальных семян, за которыми ездил куда-то далеко, к родственникам. Даже на три дня отпросился у председателя. А вон те гвоздики тоже хорошо пахнут. Высокие полудикие алтеи почти без запаха, но очень красивы. Когда в тот раз Мулладост отпрашивался, Муминджан-ака сразу разрешил ему. Пусть, подумал, едет, ведь одинокий человек, для людей же старается, всем будет приятно, если возле конторы появится цветник. Мулладосту в умении не откажешь. Как задумает, так и сделает. Другой бы на его месте — чего таить греха! — стал бы кичиться своими способностями, но Мулладост отнюдь не такой, тише воды, ниже травы человек.

И живет он на отшибе, за кишлаком, в маленьком старом дворе, вместе со своей немощной теткой, которая вот уже сколько лет не выходит на улицу: сидит, бедная, слышит, что люди где-то смеются, где-то плачут, где свадьба, где траур,

а выходить не может. Сколько раз Муминджан-ака пытался уговорить Мулладост перебраться поближе к людям, в один из новых домов, построенных для колхозников. Но тот никак не соглашался. Может, Мулладост не хочет потревожить свою тетю на старости лет? Ведь ей-то совсем мало осталось жить. Переселяться в другое место — это дело не одного дня, даже не одной недели, придется хлопотать о том да о сем, а тетя больна.

Что бы там ни было, Муминджан-ака был доволен Мулладостом. А как он стал секретарем? Много было в конторе колхоза мелких забот, до которых не доходили руки служащих. Все эти мелочи, некоторую переписку и учеты вот уже несколько лет взял на себя бывший чайханщик.

— Эй, Мулладост!

— Слушаю вас!..

— Подойди-ка сюда! — пригласил Муминджан-ака.

Председатель выплеснул в арык остатки чая с заваркой и положил пиалу вверх дном на скатерть. Это означало, что он утолил жажду, которая мучила его с тех пор, как он вернулся с обхода полей. Мулладост подошел к топчану и осторожно присел с краю.

— Вы что-то хотели сказать?

— Как насчет деревьев?

— Жаль, пусть еще подрастут,— грустно произнес Мулладост.

— Нет, в самый раз. А что сказали школьники?

— Они согласны.

— Ладно, иди. Займись своими делами,— устало сказал Муминджан-ака.

Чайханщик покорно ушел. Председатель задумался. Тополя такие красивые... Стоят ровными рядами вдоль улицы, шумят серебристыми листьями. Действительно, жалко спиливать для стройки. Муминджан-ака даже не думал, что те маленькие саженцы, неумело посаженные школьниками, так быстро вырастут. А вообще у председателя со школой были прекрасные отношения. Он всегда внимательно выслушивал

просьбы учителей, помогал и транспортом и материалами. Была у него большая, с твердой обложкой тетрадь, где он записывал наиболее важные свои заботы: «На строительстве фермы не хватает кирпичей... Мать Сатвалды больна, надо машину выделить довести до райбольницы... Маленькому мосту нужна тонна цемента... Навес над складом удобрений снесло ураганом, надо починить...» Вот такие записи он делал в той тетради. И просьбы учителей тоже тщательно записывал в нее. И не было случая, чтобы не выполнил своего обещания. Может быть, именно поэтому ребята не сторонились его, подходили, просили, если им что нужно.

Однажды, когда он пришел в школу, ребята, по обыкновению, сразу окружили его. Среди них был и его сын Равшан.

— Папа, можно я вам что-то покажу? — Равшан вышел вперед. — Согласитесь идти с нами?

— Ладно, сынок...

— Пошли!

— Куда же?

— Сейчас сами увидите, — сказал сын и весело подмигнул друзьям.

Потом он взял отца за руку и повел. Муминджан-ака, идя с сыном, вопросительно посмотрел на учителя Усмана́ли, но тот лишь загадочно улыбнулся. Они пришли на опытный пришкольный участок. Председатель первым делом увидел там молодые яблони, скрещенные самими учениками с лучшими сортами.

— Хороши? — спросил Равшан, не отпуская его руку.

Муминджан-ака сразу понял, к чему тот клонит, улыбнулся и сказал:

— Что ж, ребята, я вам разрешаю посадить их саженцы вдоль улицы. Только смотрите, чтобы все яблоньки были в один ряд, с равными промежутками!..

Ребята шумно стали его благодарить. Радовались, что Муминджан-ака доверил такое важное дело.

Неделю спустя Мулладост привез откуда-то целую арбу саженцев тополей. Председатель позвал школьников.

— Тополя хорошие,— сказал он им.— Во-первых, они будут воздух очищать, во-вторых, нам бревна понадобятся для какой-нибудь стройки...

Он в тот день был очень щедр. Разрешил между тополями посадить и яблоневые саженцы.

Тополя и яблони быстро принялись на новом месте, дали первые побеги. Ребятам теперь стало интересней, они взялись рьяно ухаживать за деревьями. Все-таки приятно, когда видишь, как растут посаженные тобою деревья. Яблони уже дают плоды. Правда, еще не очень много, но все же дают. И тополя стали очень высокие. Равшан тогда был совсем маленьким, а теперь уже кончает восьмой класс, еще немного — и какой будет джигит! Как, однако, быстро летит время!

Да, если начнется строительство, ребята в стороне не останутся. Прав учитель Усмана́ли.

Две недели назад учитель стал свидетелем интересного разговора. Ребята говорили о строительстве, которое велось на широкой поляне за школьным двором. Там строили зимний спортзал для школьников. Фундамент уже был заложен и выведено три-четыре ряда кирпичей. Но в последнее время дело застопорилось. Правда, колхозная стройбригада вот уже пять месяцев работала на ферме, где расширяли помещения. Спортзал планировали выстроить в этом году, но теперь уже видно было, что выполнить это нелегко: слишком задержались каменщики на строительстве фермы. И вот однажды Усмана́ли-ака, войдя в класс, услышал, что его ученики решили своими силами закончить стройку. Если бы колхоз выделил несколько каменщиков! Лето только началось, к осени здание подведут под крышу, а потом, пусть даже зимой, можно закончить внутреннюю отделку. Теперь все зависело от председателя: даст ли он каменщиков?

Учитель сказал:

— Очень хорошо решили. Осталось только начать.

— Мы уже готовы,— ответил Аска́р, один из самых бойких мальчишек в классе.— Девочки будут нам готовить обед, так

мы гору свернем. И надо еще следить, чтобы чай был душистый и крепкий...

— О, Аскар!..— лукаво улыбнулась Мунира.— Позволь же узнать, какие блюда тебе по душе, наш несравненный батыр!

— Сочные шашлыки, прямо с мангала!..

— А еще? — зашумели девчата.— Еще чего пожелаешь? Может, и манты для тебя приготовить?

— И на манты согласен. Если слегка посыпать сверху черным перчиком и добавить еще немного катыка...— Аскар театрально закрыл глаза и глотнул слюну.— Но лучше, если вы приготовите мне лагман из первосортной пшеничной муки!

— Аскар, мы уже знаем, что ты любишь поесть,— сказала Озода.— А теперь скажи, что ты еще умеешь делать?

— Есть... и работать.

— Наденьте на него фартук, он сумеет вымыть посуду,— сказал Нартаджи.

— Зачем? — возразил кто-то из ребят.— Аскар лучший ученик чайханщика Мулладога, пусть чай заваривает.

— Нет, так не пойдет...— встрепенулся Аскар.— Пусть самоваром заведует Анзор.

Ребята сразу умолкли, почувствовав неловкость. Невинная шутка Аскара задела Анзора. И так было ясно, что Анзору они поручили бы легкую работу, поскольку тот прихрамывал на одну ногу. Глаза Анзора стали круглыми, брови поднялись. Да еще у него был тик левой щеки... Анзор вытянул свою тонкую шею и сказал:

— Летом я собираюсь отдохнуть.— Он сердито посмотрел на Равшана.— Пусть самоваром займутся те, кто больше всех командует.

Равшан этого никак не ожидал.

— Что-о? Ну-ка повтори!..

Сжав кулаки, он сделал шаг к Анзору. Но, заметив умоляющий взгляд Муниры, остановился. Мунира, покусывая губы, незаметно покачала головой: мол, не надо связываться. Равшан отошел в сторону.

Анзора трясло, словно в лихорадке, он не выдержал и направился к двери. Не успел он выйти, как все забыли о случившемся. Ребята снова вернулись к прерванному разговору и решили окончательно, что сами будут строить спортзал.

* * *

А на днях, проходя мимо школы, председатель неожиданно для себя резко повернул к ее воротам. Увидев во дворе нескольких ребят, он крикнул:

— Усманили здесь?

— Здесь.

— Пусть собирается класс и выходит.

Вскоре все были возле него.

— Спортзал нужен вам или мне?.. — рассерженно начал Муминджан-ака.— Почему моих указаний не выполняете?

Ребята удивленно переглянулись.

— Что смотрите? Мулладост вам два раза уже говорил.

— О чем?

— Как о чем... Пошли со мной.

Полпути он шагал молча, не оборачиваясь, вдруг громко бросил:

— А ну, Равшан, найди где-нибудь топор.

Когда Равшан вернулся, все уже были возле тополей.

— Ну, чего стоишь? — накинулся на него отец.

— Вы что, папа?

— Топор дай сюда.— Председатель недовольно взглянул на ребят.— Вы хотя бы умеете его в руках держать?

Равшан сразу обмяк. Он знал, что в эту минуту никто и ничто не сможет смягчить гнев отца. Муминджан-ака взял топор, порывисто шагнул к ближайшему тополю, с силой ударил. Так же яростно он нанес еще несколько ударов — дерево покачнулось и рухнуло. А Муминджан-ака почувствовал, как из него вышел весь гнев.

Он все же подошел к другому тополю, и тут ему показалось, что кто-то за спиной тяжело вздохнул. Он повернулся и

увидел сына, его глаза, наполненные слезами. Муминджан-ака устало опустил руку, он вдруг понял: его сын уже совсем взрослый. Ни к чему было с ним так разговаривать, да еще при всех. Но дело сделано. Он бросил топор и, не взглянув на ребят, сказал:

— Поливайте яблони. Они давно без воды...

С тем и удалился.

Глава III

БУКЕТ ТЮЛЬПАНОВ

На берегу реки, недалеко от моста, высится большой холм. С его вершины видно далеко вокруг. Наверное, потому, что он расположен вдали от распаханых полей, его никто до сих пор не трогал, а другие холмы уже давно были снесены бульдозером, и место их отвели под хлопчатник. Этот же как был сто лет назад, так стоит и по сей день.

Зимой и летом здесь бывает шумно. Летом ребята, выбравшись из реки, бегут к песчаному скату холма, нагретому солнцем, зимой катаются с вершины на санях. Весной, когда снег растает, на холме появляется первая травка, а вскоре и тюльпаны покрывают его красно-желтым платком. В знойные летние дни травы выгорают, и холм напоминает бритую голову.

Вот и сейчас он выглядит голым и неприглядным, но Мунире, которая ходит каждый день мимо, холм кажется всегда зеленым и покрытым красными тюльпанами.

Тюльпаны, тюльпаны!.. Ведь из-за них же Мунира обратила внимание на Равшана.

Было это в прошлом году. В тот день вместе с другими ребятами вышла из школы и вдруг, заулыбавшись, радостно крикнула:

— А я вижу, а я вижу!..

Никто не понял, в чем дело. Потом увидели на склоне хол-

ма, к которому побежала Мунира, горящие тюльпаны. Озода, Аскар и Равшан кинулись вслед за ней. Анзор, который шел сзади всех, буркнул недовольно:

— Сколько шума из-за каких-то тюльпанов!..

Но и он не захотел отстать от своих одноклассников и побежал, прихрамывая, за ними.

Мунира с разбегу устремилась вверх. Трава еще была мокрой от дождя. Девочка намочила ноги, но теперь ей все было нипочем. Вот она уже добралась до цветов, нарвала и тут же соскользнула вниз. При этом Мунира оцарапала колени, но сейчас она ничего не замечала. Аскар даже засмеялся:

— Ну и ну! Так любить тюльпаны...

— Ах, Мунира!..— озабоченно проговорила Озода, когда Мунира, вся в зеленых пятнах от травы, подошла к ним.— Смотри, как ты разукрасила себя!

— Да ты ее не слушай,— сказал Мунире Аскар.— Пойдем со мной, если ты без ума от тюльпанов!

— Куда?

— На пастбища! Разве это тюльпаны? Я там тебе покажу такие, что ахнешь!

Мунира улыбнулась.

— Нет,— сказала она, качая головой.— И эти хороши. Видишь, какие они красивые?

Равшан не мог сдержать улыбку. Он впервые видел Муниру такой счастливой. Ведь она была у них в классе новенькая. Вместе с матерью Мунира недавно приехала к ним в кишлак. Раньше она училась далеко отсюда, в городе. С первой встречи Мунира почему-то не понравилась Равшану. Да и с девочками Мунира не сразу сошлась. Она была дружна вначале с одним только Анзором. Оттого ли, что они жили соседями, или оттого, что сидели за одной партой.

Глядя на раскрасневшееся лицо Муниры, Равшан с улыбкой повернулся к Анзору:

— Смотри-ка, Анзор, Мунира набрала только красных тюльпанов. Не хочет ли она подарить их тебе?

Анзор нахмурился. Тут Мунира, которая всем показывала свои тюльпаны, обернулась к Анзору:

— Анзор, взгляни на тюльпаны!.. Ты бы лучше про них сочинил стихи, чем дуться на всех!.. Я бы с удовольствием читала их!..

Анзор улыбнулся во весь рот, даже подпрыгнул на месте, задумав какую-то шутку. Так и случилось: он вырвал из рук Муниры тюльпаны и побежал, прихрамывая. Он надеялся, что Мунира кинется за ним. Но Мунира обиделась: так бесцеремонно Анзор выхватил у нее тюльпаны! Она чуть не заплакала, словно ребенок, у которого отняли конфетку.

Озода пожалела подружку, крикнула вслед Анзору:

— Эй, ты, верни тюльпаны!

Но Анзор и не думал останавливаться. Когда он почти добежал до бетонного моста, Равшан не вытерпел и пустился вдогонку. Анзор, сворачивая с тропинки к мосту, оглянулся и, увидев бегущего Равшана, заспешил еще сильнее. На мосту он совсем запыхался и остановился, не в силах больше бежать. Тут и настиг его Равшан. Анзор высоко поднял над головой букет:

— Не смей трогать!..

— Дай сюда! — Равшан протянул руку за цветами.

Анзор понял, что ему не удержать их.

— Если так, пусть никому не достанутся! — крикнул он и бросил тюльпаны в реку.

Бросил и усмехнулся. Равшан чуть не ударил беглеца, даже замахнулся, но сдержался. Анзор, защищаясь, закрыл лицо руками. Потом он услышал, как что-то тяжелое упало в воду, затем до него донесся крик Муниры. Анзор отнял руки — Равшана рядом с ним не было. Перегнувшись через железные перила моста, он увидел Равшана. Тот плыл за тюльпанами — течение стремительно несло их по середине реки. Ребята с криками бежали по берегу.

— Равшан! Сумасшедший! — звенел голос Озоды.

— Выходи, Равшан, скорей выходи из воды!.. — кричала Мунира.

Но крики девочек тонули в шуме реки. Равшан, конечно, ничего не слышал.

Аскар хотел было броситься в воду, но не решался и только повторял чуть слышно:

— Эх ты, из-за тюльпанов кинулся!.. Из-за тюльпанов...

На берегу лежало бревно. Ребята скатили его в воду и сильно оттолкнули. Волны понесли бревно на середину реки. Равшану было трудно бороться с течением: бросало то влево, то вправо, порой он совсем исчезал под водой, но опять выныривал и продолжал следовать за тюльпанами.

Бревно уже плыло рядом с мальчиком. Одной рукой Равшан быстро ухватился за конец. Затем, подгребая другой рукой, как веслом, направил бревно к водовороту, где кружились два тюльпана, и поймал их.

Выбрался он из воды совсем замерзший, синий. С него ручьями стекала вода. Но в глазах была такая радость!.. Эту радость и запомнила тогда Мунира.

Вот уже целый год с тех пор пролетел. Но она не могла забыть, как Равшан из-за ее тюльпанов бросился в реку.

А сегодня, проходя мимо холма, Мунира снова невольно остановилась.

— Мунира!

Она чуть вздрогнула — не ждала. Оглянулась. В нескольких шагах от нее стоял Равшан.

— Что ты тут делаешь? — спросила она.

Равшан не ожидал такого вопроса, растерялся. Быстро-быстро заморгал. Сказать, что идет домой — их дом совсем в другой стороне, рядом с правлением колхоза. Но, испугавшись, что пауза затянулась, ответил:

— Это я так... сам по себе... А ты почему по вечерам часто тут сидишь?

— Откуда ты знаешь, что я тут сижу?

Равшан кусал губы. Что он скажет? Не подумает ли Мунира, что он шпионит за ней? Он же совсем не шпионил. Просто, когда он ходил к отцу на поля, на обратном пути не раз видел Муниру, сидевшую на этом холме.

Мунира заметила, что ему неловко, сказала:

— Я здесь жду маму, если она опаздывает. Ведь она в больнице работает.

— И сегодня будешь ждать?

На этот вопрос она не ответила. Лишь улыбнулась и по-бежала домой.

Глава IV

ВЕЧЕРОМ НА ХОЛМЕ

Над кишлаком сгущались вечерние тени.

Мунира поднялась на холм и села, обняв колени. Вскоре вошла луна, осветила улицы и дома, что тянулись вдоль берега реки, извилистую дорогу, которая исчезала за темными пятнами садов. Эта дорога, сплошь усеянная бледными тенями от тополей, знакома Мунире до каждого камешка. Она начинается на другом конце кишлака, где расположена больница.

Мать Муниры работает в той больнице. Каждый вечер, когда на дороге показывается мама, Мунира встает и бежит вниз, чтобы встретить ее и обнять. Никакие другие мгновения не кажутся ей такими хорошими, как те, когда она, запыхавшись, бросается на шею матери. Та, усталая, нежно проводит пальцами по ее волосам...

Сегодня Мунира вышла из дома раньше обычного. Как только зажглись первые звезды, сердце ее заволновалось. Ноги сами потянули сюда, на холм.

Что-то зашуршало рядом. Мунира испугалась, но сидела, стараясь не выдать свой испуг. Немного погодя рядом появилась длинная тень и застыла.

Мунира обернулась — Равшан! С дрожью в голосе она спросила:

— Ты почему здесь?

— А ты?

— Я же тебе говорила, жду маму.

Равшан вытер лоб и остался стоять, переступая с одной ноги на другую. Ему было очень неловко.

— Прохожу мимо, вижу, ты тут сидишь...

— Ты же не здесь живешь, откуда мог увидеть?

Равшан не ответил. Нагнувшись, он вырвал пучок травы, начал его мять между пальцами. Ведь Мунира знает, что он нарочно пришел, зачем же спрашивает? Вдруг он заметил, что Мунира улыбается.

— Смеешься?..— тихо спросил он.

— Это я так...

— Скажи...

— А не рассердишься?

— С чего мне сердиться...

— Я вспомнила, как было недавно, на улице возле то-полей...

— Ну? — Равшан ее не понял.

— Да твой отец... Он и дома такой сердитый бывает?

Равшан задумался, потом сказал:

— Нет, он не такой... Понимаешь, Мунира, он не способен радоваться или гневаться только наполовину. Я даже спрашивал его, а он говорит: «Я не люблю серединку».

Мунире было интересно слушать Равшана.

— Твой отец хороший...— сказала она.

Равшан приободрился, сел не рядом, а чуть ниже. Мунира убрала спадавшую на лоб челку. Равшан увидел, как при этом блеснули ее большие глаза. Она сказала:

— А ты на отца похож.

Равшан посмотрел на нее, ничего не понимая.

— Как это похож!..

— Ну, сердитый такой же...— торопливо сказала Мунира. Хотя и о сердитости говорила Мунира, но Равшан растаял. Он готов был слушать ее долго-долго...

— Мунира, разве я сердитый?

Он тут же покраснел, чувствуя, что немного рисуется.

— Ты тогда чуть не ударил Анзора,— сказала Мунира.

— А тебе нравится, как он поступил?

— Все-таки... ты лучше не спорь с ним. Зачем это тебе? Вообще Анзор какой-то странный. Это правда, что он старше всех?

— Два года в одном классе сидел. Его сверстники скоро закончат школу.

— Кажется, я сделала правильно, что пересела на другую парту.

— Почему?

— Да так...— неопределенно ответила Мунира.— Лучше с ним не связываться.

Никто в классе не знал, почему Мунира пересела от Анзора, поэтому Равшан опять спросил:

— Ну почему, скажи, Мунира?

— Я же говорю, он очень странный. Только ты никому не говори, ладно? Мама нашла в моей тетради какие-то стихи. Это он, оказывается, написал... Написал и сунул в тетрадь. Вот как!

Мунира умолкла.

— А ты ему ничего не сказала?

— Зачем? — Она пожала плечами.— Сам извинился потом. Смотри, он идет сюда!..

На противоположном берегу реки показался Анзор. Он вел за поводья ишака, нагруженного хворостом.

— У него отец сторожем в саду работает,— сказал Равшан.— Вырубает сухие ветви. Вот Анзор и возит их.

Мунира нерешительно взглянула на Равшана. Тот встал и перешел на другую сторону холма, пока Анзор проезжал мимо. Муниру порадовала догадливость Равшана. Увидел бы их здесь Анзор, вот стал бы издеваться.

— Каждый вечер он возит хворост,— сказала она, когда Равшан вернулся.— Только не для себя.

— Кому же?

— Чайханщику. Сейчас сам увидишь.

Вскоре на старой дороге, которая вела к поляне возле школы, появился Мулладост. Неспешными мелкими шагами

подошел он к Анзору, немного поговорил, затем повернул обратно, ведя ишака за поводья. А мальчик пошел назад в сторону колхозного сада.

Мунира и Равшан долго молчали, прислушиваясь к шуму реки.

Вдалеке послышался гул мотора. Приблизившись, машина на миг осветила холм, когда проезжала через мост, затем повернула в ту же сторону, куда ушел чайханщик. Опять стало тихо. «Машина не наша, не колхозная,— подумала Мунира.— Каждую субботу она приезжает в кишлак... К кому же?»

Равшан прервал ее мысли:

— Мунира.

— Что, Равшан?

— Почему ты тогда так сделала, а?

— Не понимаю. Ты о чем?

— Помнишь, как я просил тебя подсказать ответ задачи?

А ты мне съязвила...

— Помню,— смеясь сказала Мунира.— Я даже могу объяснить, если не обидишься.

— Говори...

— Я помню и другой день, когда я первый раз пришла в класс,— сказала Мунира.— Тогда я совсем растерялась. Стояла у дверей и не знала, что мне делать. Кругом незнакомые ребята. Были свободные места только возле тебя и Анзора. Тот пригласил меня сесть, а ты... даже взглянуть не захотел!..

— Я же смотрел на тебя,— возразил Равшан.

— Да. Но смотрел так, будто перед тобой была пустота...

— Нет, не так я смотрел!

— Именно так!

— Может, тебе показалось,— все еще упрямылся Равшан.— Я не думал, что ты так злопамятна...

Мунира звонко засмеялась.

— Ты, Равшан, даже не знаешь, что девочки могут на это обижаться!..

Мунира сказала и прикусила губу, смутилась. Просто удивительно, что так получается. Она, еще выходя из дому,

думала, почему у нее странные слова вырываются, когда она разговаривает с Равшаном? Сейчас Мунира даже испугалась своих мыслей и вскочила с места:

— Мама идет!..

Она бросилась вниз и будто на крыльях полетела к матери, которая уже была на этой стороне реки.

Чуть не кинулся следом Равшан, чуть не побежал. Но с чего это он побежит за Мунирой? Ну просто так... Захотелось — и все тут.

Мунира уже шла с мамой домой. Равшан проследил за ними взглядом, затем уткнулся лицом в траву и долго лежал так, растирая горячее лицо о прохладные стебельки...

* * *

Тутихан-апа, полная, суетливая женщина, в тот вечер долго ждала сына. Когда Равшан незаметно вошел во двор, она с упреком спросила:

— Где пропадал, сынок? Хотя бы предупредил!..

Равшан не ответил. Мать покачала головой и пошла к очагу, где оставила в котле горячий ужин для сына. Затем они молча ели на большом деревянном топчане посреди сада. У Равшана не было аппетита, но он все же ел, чтобы не обидеть мать.

Потом Равшан постелил себе во дворе и лег. Но долго не мог уснуть, лежал и смотрел на звезды. Вот одна звездочка покатила вниз. Может, эту звезду и Мунира увидела?

Донесся голос отца:

— Что это он так рано лег?

— Устал, наверное...— ответила мать.

— Равшан уже совсем взрослый,— сказал отец, чуть понизив голос. Равшан догадался по скрипу, что отец сел на топчан.— Недавно Усманили пришел, говорит, его ученики хотят летом поработать на стройке.

— А ты что ответил?

— Что я мог ответить? С тополями они уже нам помогли.

Ведь эти ребята здорово могут работать. И самим им не худо будет. На одежду и учебники заработают.

— Из города никаких вестей?..

— Пока ничего,— озабоченно ответил отец.— Что же могло случиться? Она не должна была опоздать.

Речь шла о Шахло́, дочери отцовского друга из города. В прошлом году она пробыла у них три-четыре недели. И матери и отцу она очень понравилась. И этим летом Шахло собиралась погостить у них. Судя по ее недавнему письму, она должна была приехать еще два дня тому назад. Забота отца и матери о Шахло не слишком сейчас тревожила Равшана. Он думал о Мунире: видела ли она звезду, которая скатилась с неба?..

Глава V

ПОЧЕМУ ШАХЛО ЗАДЕРЖАЛАСЬ?

В ту ночь, когда загадочные путники на арбе добрались до кишлака, случилась странная история в одном из дворов на тихой улочке города.

Хозяином этого двора был учитель литературы Салиджан-ака, человек средних лет, с проседью в волосах, загорелый, с карими, живыми глазами. Он с первого же взгляда вызывал симпатию. Очень любил детей. За эту любовь не только сами дети, но и родители уважали его. Недавно он узнал, что сосед его уезжает с женой отдыхать на Иссык-Куль. Салиджан-ака попросил их взять с собой его жену и одиннадцатилетнюю дочку, которая весной перенесла воспаление легких. Соседи согласились, и Салиджан-ака один остался дома. В середине лета он хотел на неделю съездить в родной кишлак, отдохнуть. К тому же он собирался написать воспоминания о своем детстве, о первых школах, а для этого нужно было собрать материал.

Но сейчас он думал, что с поездкой придется повременить.

Проснувшись утром, он почувствовал сильную головную боль. Салиджан-ака очень удивился. Что могло случиться? Только вчера он был здоров, а теперь лежит, и перед ним на стульчиках сидят соседская дочка Шахло и ее бабушка. Салиджан-ака попытался встать, опершись на локти, но сил не хватило — голова была такая тяжелая, что он даже поднять ее не смог. Старуха склонилась над ним:

— Вам лучше стало?

— А что со мной случилось? — недоумевая, спросил Салиджан-ака.

Старуха не ответила, кажется, она не услышала его голос — до того он был слабый. Она встала и ушла к себе, в соседний двор. Немного спустя вернулась с касой¹ простокваши в руках. Салиджан-ака сделал несколько глотков. Ему стало немного легче. Потом он опять заснул.

Проснувшись, он принялся искать глазами старуху и ее внучку. Увидел их и обрадовался: они собирали под деревьями упавшие за ночь яблоки и груши. Он тихо окликнул соседскую дочку:

— Шахло!..

Девочка приблизилась к нему с ведрком в руке. Ей было немного страшно: вдруг сосед спросит про вчерашний день? Она сама не хотела бы вспоминать о нем, не то что рассказывать. Но сколько бы она ни старалась казаться спокойной, Салиджану-ака нетрудно было догадаться, что Шахло взволнована.

— Ну, дочка, ты лучше скажи, что со мной случилось...

* * *

Вчера Шахло в полдень отправилась к подруге. Она была в прекрасном настроении: шутка ли — сдала последний экзамен! Вот и хотелось теперь кого-то увидеть, поделиться радостью. Вернувшись, она увидела, что бабушка сидит рас-

¹ К а с á — большая пиала, плошка.

строенная возле коровы на стульчике, а рядом валяется пустое ведро. Корова опять показала свой норов: она очень не любила, когда кто-нибудь пытался доить ее, кроме матери Шахло. Вдвоем они все же кое-как подоили корову. Бабушка налила большую миску молока, накрыла ее марлей и сказала:

— Отнеси это Салиджану, ведь за ним некому ухаживать...

Вот уже несколько дней они с бабушкой помогали Салиджану-ака в хозяйстве. Шахло вышла на улицу и отворила калитку соседа. Войдя во двор, она застала Салиджана-ака за работой: он подпирал рогатинами тяжелые от плодов ветки яблонь. Увидев Шахло, он покачал головой: зачем, мол, так хлопотать, я могу и сам как-нибудь... Но Шахло сделала вид, что ничего не заметила, поставила миску на стол и ушла.

* * *

— Может, ты видела кого-нибудь на улице, перед тем как вошли ко мне?..

— Нет, на улице никого не было.

— А потом, когда вышла?.. Тоже никого?

— Нет, учитель, я никого не видела. Улица была пуста.

Шахло сказала это, но сразу же вспомнила, что все-таки был человек, чужой, незнакомый человек. Только он не стоял на улице, а работал у них во дворе — тащил на вилах сено к хлеву. Бабушка ей объяснила, что этот человек сегодня утром продал им целую арбу сена. Она купила сено с одним условием: чтобы он сам разгрузил и перетаскал сено во двор. Шахло не обратила на него особого внимания. Вошла в дом, ей надо было укладывать вещи, чтобы завтрашним утром уехать в кишлак. «Скорей бы,— думала она,— я так устала...» Все это время, когда она сдавала экзамены, приходилось недосыпать, волноваться. Ей теперь хотелось поскорее попасть в кишлак, побродить по его тихим вечерним улочкам, отдохнуть, покупаться в холодной реке. Там живет хороший человек, председатель Муминджан-ака, с которым отец дружит. Они несколько лет назад лечились в больнице, лежали в одной

палате, там и подружились. В прошлом году Муминджан-ака приехал к ним домой, а потом он забрал с собой Шахло, чтобы она погостила у них в кишлаке. Сперва кишлак ей не понравился: кругом незнакомые люди, улицы тоже какие-то не такие. Потом она привыкла, даже пожалела, когда настала пора возвращаться в город. Дома она частенько вспоминала о кишлаке, рассказывала бабушке, как там было хорошо. Когда отец и мать собрались на курорт, она опять заговорила о кишлаке. Но отец возразил: «Бабушке будет одиноко, Шахло. Лучше поедешь потом, когда мы вернемся. Я сам тебя отвезу». Но бабушка поддержала внучку: «Замучилась наша бедняжка с этими экзаменами, пусть поедет, отдохнет после школы... Смотри, какая бледная стала!.. А там воздух хороший, пусть поедет...» Отец не стал возражать бабушке. Ее в семье уважали, слово ее было законом...

Шахло рассказала Салиджану-ака о продавце сена. Сосед внимательно выслушал девочку, затем проговорил:

— Ты его раньше не встречала? Может, он и раньше привозил сено?

— Нет,— покачала головой Шахло.— Я его первый раз видела.

Салиджан-ака задумался, потом спросил Шахло, как тот выглядел, во что был одет, какого роста. Девочка не могла толком ответить: ей совсем не интересно было смотреть на незнакомца. Она спешила уложить вещи в дорогу, даже не заметила, когда он кончил работу и уехал. По ее словам, и бабушка не очень-то помнила, как выглядел продавец сена.

— Ладно,— сказал Салиджан-ака.— Теперь расскажи, что было дальше... Как ты догадалась прийти ко мне?

...Это Шахло помнила хорошо. Они с бабушкой поужинали. Потом бабушка принялась стегать новое одеяло. Шахло немного посидела с ней рядом, затем уснула. Среди ночи бабушка разбудила ее:

— Шахло, Салиджан был дома?

Шахло не сразу поняла, о чем ее спрашивают. Но все же поборол сон и сказала, что сосед был дома.

— Точно помнишь? — Бабушка села возле нее.

— Конечно. А что случилось?

— Не знаю, мне почудилось, будто у соседа что-то тяжелое свалилось за дувалом¹. А у Салиджана давно не горит свет, вот и думаю, может, кто забрался к нему, а хозяина дома нет.

Сон Шахло как рукой сняло. Она почувствовала непонятную дрожь во всем теле, встала и прислушалась.

В соседнем дворе было тихо. Обычно свет во дворе у Салиджана-ака горел допоздна, до полуночи, а то и всю ночь. Может, сегодня учитель рано лег? Но вообще-то нет у него привычки рано ложиться, разве что заболел?

— Мне тревожно за Салиджана,— сказала бабушка,— давай, внучка, пойдем к нему. Человек один живет в большом дворе, мало ли что может случиться.— Бабушка потерла свои больные ноги и приподнялась.— Идем,— сказала она...

Когда рассказ дошел до этого места, Шахло замолкла. Страшно было даже вспоминать. Она будто заново пережила вчерашний испуг.

— Рассказывай, дочка,— поторопил ее Салиджан-ака.

...Они с бабушкой вышли на улицу и приблизились к калитке Салиджана-ака. Шахло толкнула ее — закрыто. Если сосед куда-нибудь уходил, он всегда оставлял ключи у бабушки Шахло: вдруг гости пожалуют, а его не окажется дома? Шахло и бабушка подумали, что Салиджан-ака отлучился ненадолго и захватил ключи с собой. Они направились к своим воротам. Но тут бабушка опять заговорила:

— Все же постучись еще, внученька. Может, в самом деле что случилось...

Они вернулись, и Шахло громко постучала, но никто не откликнулся. Она еще раз, еще сильнее ударила по калитке. Отскочила подпорка. Калитка со скрипом отворилась. Слегка озадаченные, они вошли во двор. Шахло увидела, что дверь на кухню чуть приоткрыта. Ей почудилось, что оттуда идет ка-

¹ Дувал — глинобитная ограда.

кой-то неприятный запах. «Наверное, чайник закипел и погасил огонь»,— подумала она и пошла на кухню, чтобы выключить газ. А дальше...

Что случилось дальше, Салиджан-ака уже узнал по отрывочным словам бабушки. Но он все-таки сомневался: ведь она-то очень стара, к тому же плохо видит, может, все это ей почудилось и она путает?..

Но соседке ничего не мерещилось.

Когда Шахло зажгла свет на веранде, бабушка стояла внизу, боялась подниматься: вдруг споткнется на ступеньках? Она видела, как внучка вошла в кухню. Оттуда послышался шум падающего тела, и она услышала крик девочки. Бабушка до сих пор не понимает, как она, только что опасавшаяся подняться по ступенькам, вдруг оказалась на веранде и переступила порог кухни. В нос ей ударил противный запах, голова закружилась. В темноте она пошла на голос внучки, помогла ей подняться и поспешила увести из кухни. Шахло что-то говорила, но бабушка ничего не могла разобрать из ее слов. Когда Шахло немного оправилась, они снова пошли на кухню. Включив свет, они увидели лежавшего на полу возле газовой плиты хозяина дома. Бабушка сразу поняла, что Шахло наткнулась на распростертое тело Салиджана и, не удержавшись, упала. Один из кранов плиты был приоткрыт, и газ с шипением выходил из горелки. Бабушка с помощью Шахло еле выволокла Салиджана-ака на веранду.

— Хорошо, хоть дверь была приоткрыта...— сказал Салиджан-ака.— А так... страшно даже представить!..

«Если б мы зажгли спичку, кухня бы взорвалась!..»— подумала Шахло и вздрогнула от такой мысли.

После недолгой паузы Салиджан-ака промолвил:

— Странно!..

В сущности так и было. Управившись с яблонями, которые нуждались кое-где в подпорках, поужинав, он лег и задремал. Летом он спал, как и многие, во дворе. Проснувшись, он почувствовал, что хочет пить, и пошел на кухню. Протянул руку

к выключателю... Что было дальше, не помнит. Но для чего ему нужно было открывать газ?

Старушка через каждое слово твердила, что Салиджан-ака, видно, устал за день, так устал, что даже забыл, когда и зачем подошел к газовой плите. А потом, мол, у него сильно закружилась голова, и он упал. Такому объяснению Салиджан-ака, сколько ни старался, не мог поверить. Но как бы там ни было, одно ясно: он спасся от верной смерти!

Стараясь не смотреть в бледное лицо перепуганной Шахло, он сказал с деланным безразличием:

— Даже не знаешь, откуда нагрянет беда...— И, помолчав, добавил:— А ты, дочка, когда же собираешься ехать?

— Не знаю,— тихо ответила Шахло.

— Ты не откладывай,— сказал Салиджан-ака.— Что за срок — три недели? Не заметишь, как они пролетят! А там, в кишлаке, просто чудесно: воздух, вода!.. Покупаешься в реке, рыбу будешь ловить!.. Ах, да, я забыл, что девочки не очень-то любят рыбалку!.. Не знаю, как сейчас, но в мои времена в кишлаке был большой холм. Мы после купания поднимались на него, лежали и загорали...

— Значит, и вы там бывали?

Салиджан-ака улыбнулся.

— Конечно. Правда, это было давно, доченька!.. Я же родился в том самом кишлаке, куда ты в прошлом году ездила. Жаль, что я поздно об этом узнал. А уехал я из него еще совсем мальчишкой. Воспитывался в детском доме. Это были трудные годы. Тогда всем тяжело приходилось. Затем я учился и работал. Потом война... Так вот, дочка, может быть, там и не осталось людей, которые меня когда-то знали. Наверное, уже позабыли. Времени немало прошло. Да и сам кишлак был небольшой, с полсотни домов...

Салиджан-ака замолк. Шахло слушала его и не могла себе представить, что Салиджан-ака мальчиком купался в той реке и лежал у подножия большого холма.

— Ты поезжай,— сказал Салиджан-ака.— Перед отъездом не забудь заглянуть ко мне, хочу тебе кое-что сказать.

УЧИТЕЛЬНИЦА РЕЙХАН

Назавтра Салиджан-ака встал довольно поздно, когда солнце висело над дувалом сада.

Спал он крепко, даже не слышал, как Шахло открыла калитку и пошла на кухню. Проснувшись, Салиджан-ака первым делом заметил, что головная боль уже утихла. Но во рту еще был неприятный привкус. Он заставил себя выпить пиалу горького зеленого чая, что принесла Шахло. Съел кусочек лепешки. Тут появилась бабушка Шахло с полной касой молока.

— Выпейте, сынок, все недуги снимет... Я туда черного перца добавила.

— Спасибо, мать.— Салиджан-ака взял касу.

Бабушка сказала Шахло:

— Иди, доченька, принеси немного базилика.

Когда Шахло принесла базилик, Салиджан-ака мелко порезал зелень, смешал с молоком и выпил. Шахло, выходя со двора, думала: «Вот странно, разве базилик кладут в молоко?..»

Бабушка была права: после молока с базиликом Салиджан-ака почувствовал себя лучше. Потом он заметил, что одна из веточек пахучего базилика лежит оброненная на дорожке. Он подошел, поднял ее и понюхал. От аромата по всему его телу прошла приятная дрожь, Салиджану-ака показалось, будто он почувствовал, как уходила из него болезнь...

Он вспомнил, что его покойная мать любила базилик. Только сходил снег, она сеяла семена базилика. Не успевали первые ростки дать два-три лепестка, мать срывала их и шла на улицу раздавать соседкам. Летом она ходила с веточкой базилика в волосах, много сушила его впрок и хранила в мешочке до самой весны.

Она была мягкая и добрая женщина. Когда Салиджан (а он был отчаянный) приходил с улицы весь грязный, в си-

няках и в разорванной рубашке после борьбы с внуком деда Мамáта, председателя колхоза, мать ничего не говорила. А вот растопчи он ненароком хоть один кустик базилика, она могла отругать сына.

— Что ты наделал, негодник! — говорила она. — Ты же... Где же у тебя были глаза?

— А-а!.. — махал рукой Салиджан. — Стоит ли из-за какой-то травки!

— Не смей так говорить. — Мать выпрямляла стебелек базилика, затем, сорвав лист, подносила его к носу сына: — Понюхай-ка, сынок, поймешь тогда, почему я на тебя кричу!

Салиджан, чтобы подзадорить мать, лишь морщил нос. Но она смеялась в ответ:

— А глаза твои говорят другое!

Салиджан продолжал озорничать еще больше: или вырывал целый кустик базилика и убегал, или отвязывал теленка, который стоял у хлева. Пока мать с криками привязывала теленка, он, как кошка, поднимался через полуразрушенный дувал на крышу хлева и долго отсиживался там, глядя на узенький мост через реку, которая вилась внизу по равнине. Вдали, у самой реки, на вершине старой чинары беспрестанно шелкал аист — он каждый год прилетал в их кишлак.

Летом улочки кишлака обычно пустовали: взрослые были на полях, а ребята гнали овец и коров вниз к реке, там оставляли их пастись, а сами купались до сумерек. Кому холодно станет в воде, выходи и беги к холму на горячий песок, заройся в него и лежи, сколько тебе хочется.

Салиджан часто, лежа на песке, ждал появления отцовской арбы. Как только она показывалась, он бросался в реку и быстро, словно рыба, переплывал ее, а затем, выбравшись на другой берег, весь мокрый, бежал встречать отца. Он садился на арбу, и отец отдавал ему поводья. Салиджан поворачивал коня к броду, а не к мосту. Он очень любил переправлять арбу через реку, где помельче. Река норовила унести арбу вниз — там торчали из-под воды огромные валуны, — но лошадь не поддавалась и всеми силами тянула на противопо-

ложный берег. Салиджан, шелкая кнутом по воздуху (отец не позволял бить лошадей), подгонял:

— Чу-чу!..

Ребята, лежавшие в это время на холме, завидовали Салиджану, который так лихо управлял лошадью. Как только арба выползала на другой берег, к ней прибегал Меликузы, друг Салиджана,— с ним они чуть ли не каждый день мерялись силой,— просил дать ему поводья. Салиджан не отказывал, и Меликузы правил лошадью до самой конторы, где часто находился его дед — председатель колхоза.

Однажды отец сказал Салиджану:

— Хватит тебе шататься по улицам, скоро школа откроется.

Салиджан и сам слышал, что скоро в большом заброшенном сарае ишана¹ откроют школу. Об этом ему говорил Меликузы. Салиджан не любил тот сарай. Он тотчас вспоминал пожар, когда его отца еле живого привезли домой, вспоминал крики матери, которая думала, что отец не выживет. Он даже избегал проходить мимо того «проклятого богом» сарая. Раньше в этом сарае, просторном и добротнo сделанном, жили поклонники ишана Усмáна-ходжй. Перед сараем был фруктовый сад, рядом протекал арык, стоило только перешагнуть через арык, тут же начинался двор самого ишана, скрытый от чужих взоров высокими дувалами. В двух очагах, сооруженных перед сараем, день и ночь горел огонь; к ишану много народу приходило — кто с бараном, кто с теленком, на подарки для ишана не скупилась.

После того как установили Советскую власть, ишан потерял свой былой авторитет, а его сарай опустел. Через некоторое время сарай превратили в склад, где колхоз хранил семена для посева. В маленькую каморку рядом с сараем, где раньше гости ишана совершали омовение, перебрался Нартáй-ака, отец Салиджана. Он сторожил склад. Днем он возил колхозные грузы на арбе, а вечером оставался караулить контору.

¹ И ш á н — священнослужитель у мусульман.

— Так уж получается, Нартай,— сказал ему председатель колхоза дед Мамат.— Сам видишь, я не могу выделить еще одного человека для склада. Между конторой и складом всего сто шагов. Слава богу, кишлак у нас тихий, придется тебе сторожить оба помещения.

В одну из зимних вьюжных ночей тихий кишлак проснулся в тревоге. Загорелся сарай ишана. Огонь, разбушевавшийся от сильного ветра, зловеще осветил весь кишлак. Никто не знал, случайность это или же сарай подожгли затаившиеся враги нового строя. Нартая-ака нашли в его сторожке без сознания. В ту ночь все, кроме сестры жены ишана, чуть придурковатой девушки, которая всегда ходила в черном, буквально все боролись с огнем. Оказывается, ишан Усман-ходжа и его суфи¹ засиделись в мечети и, поняв, что уже поздно идти домой, да еще в такую бурю, остались там же ночевать. Увидев огонь в сарае, они побежали и всех подняли на ноги. Пока люди собрались, суфи сам выволок Нартая-ака из каморки и стал растирать ему грудь снегом. Но сторож не пришел в себя. Тогда двое молодых парней подняли его и понесли домой. Суфи, несмотря на холод, пошел к реке, разбил лед и начал наполнять ведра. Их подхватывали и передавали из рук в руки. Только под утро удалось потушить пожар.

Когда дед Мамат зашел к Нартаю-ака, тот уже был в сознании, но лежал с закрытыми глазами, сжав от боли челюсти.

— Помню только,— сказал он председателю,— из конторы вернулся в эту проклятую каморку, и тут же меня ударили по голове.

Дед Мамат в задумчивости теребил бороду.

— А ты никого не заметил возле склада?

Нартай-ака отрицательно покачал головой:

— Нет, никого. Кажется, за час до того прошла лишь блаженная, сестра жены ишана.

¹Суфи — духовное лицо, помощник ишана.

Ни Нартай-ака, ни дед Мамат не придали этому никакого значения: в кишлаке ни один человек не принимал блаженную всерьез. Даже сам ишан говорил о своей родственнице не иначе как о «божьей твари без языка и без мысли». И верно, блаженная ни с кем не разговаривала, да и вообще голоса ее никто не слышал! Да что там голос — лица ее никто не видел. Видели только глаза, некрасивые, маленькие глаза, а остальную часть лица она закрывала черным платком. Иногда она целыми неделями не выбиралась из дому. Когда же на нее находил приступ болезни, она исчезала из дома ишана и пропадала по нескольку дней. Но так как она никому не причиняла зла, все люди привыкли к ее бессмысленным блужданиям по окрестностям.

Так и осталось в тайне, кто поджег сарай. Следующей весной склад перенесли в другое помещение, а обгоревший сарай опять опустел. Среди женщин прошел слух, будто пожар случился оттого, что прогневили его преподобие ишана, мол, нельзя было обижать любимца аллаха, отобрав у него земли и сарай. Но сам ишан Усман-ходжа резко отчитал верующих за этот слух.

Как-то после молитвы в мечети он обратился к мусульманам:

— Если будет угодно аллаху, я всем состоянием пожертвую ради колхоза, а мне и моей жене хватит лишь двух циновок, пока мы живы.

Потом он долго славословил колхоз. Суфи, который сидел в углу мечети, щуплый человек с острыми глазками, похожими на два шила, прокричал тонким голосом:

— О мой благодетель! — и принялся целовать полы халата ишана.

Вслед за ним еще несколько человек сделали то же самое.

Минуло несколько месяцев. Правление сельсовета решило привести в порядок сарай ишана и открыть там школу, пока не построят новое здание. Дед Мамат сам поехал в район и привез нужные материалы. Колхозники отремонтировали

крышу, вставили новые двери и рамы. Затем председатель послал гонца в город, сообщить, что школа готова. Через несколько дней прибыла первая в истории кишлака учительница. Привез ее Нартай-ака, отец Салиджана.

И в тот день, помнится, Салиджан сидел на холме в ожидании отца. Как только показалась арба, он оставил друзей и побежал навстречу. Но вдруг, заметив на арбе незнакомую светловолосую, синеглазую женщину, остановился. Женщина пригладила руками растрепавшиеся по ветру волосы и улыбнулась, как-то странно прищурив глаза. Нартай-ака сделал сыну знак — мол, подойди, не бойся,— потом через плечо посмотрел на женщину:

— Это мой сын.

— Вот как!..— Женщина ловко спрыгнула с арбы.— Значит, он будет моим первым учеником?

— Обязательно.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросила незнакомая женщина, чуть наклонившись к Салиджану, который, весь красный от смущения, стоял опустив голову.

Наконец он, заикаясь, назвал себя.

— Вот мы и знакомы,— сказала женщина.— А меня зовут Раиса Максимовна. Запомнил? Ну-ка повтори!..

Но Салиджан, сколько ни старался, не мог выговорить ее имя и, застыдившись, убежал прочь.

Русская учительница понравилась матери Салиджана.

— Если не обращать внимания на узкое платье да короткие волосы, очень приятная женщина,— отозвалась она.— А как хорошо знает наш язык!.. Говорит будто настоящая узючка... Только трудно мне произнести ее имя. А может, назовем ее по-нашему — Рейханэ?

Нартай-ака рассмеялся.

— Вы только послушайте, сестра моя,— сказал он учительнице.— Жена хочет вас называть новым именем — Рейханэ!

Раиса Максимовна улыбнулась, показав белые ровные зубы.

— Нартай-ака, это мне даже нравится. Рейхан считают райским цветком. Разве плохо, когда ты — райский цветок?

После обеда Раиса Максимовна в сопровождении Нартая-ака пошла в контору колхоза, где она должна была поговорить о делах с председателем колхоза. По дороге им встретился ишан Усман-ходжа, возвращавшийся из мечети. Увидев женщину с непокрытой головой, которая на равных разговаривала с мужчиной, ишан окинул внимательным взглядом ее коротко остриженные волосы, лицо, голубые глаза и произнес: «Астагфурулло!..», что означало крайнее изумление и неодобрение, затем мелкими шагами направился к своей калитке.

Несколько дней спустя жена ишана объявила всему кишлаку, что ее муж, читая книгу откровений, вдруг вычитал, что шайтан иной раз может пребывать в облике светловолосой женщины.

В тот вечер Салиджан долго ждал, когда вернутся отец и учительница, но не дождался, не заметил, как сомкнулись глаза. Он проснулся от говора. Увидел, что отец с учительницей уже вернулись и пили чай. Из разговора он понял, что старый ишанский сарай не понравился Раисе Максимовне.

— Зачем ишану сразу два двора: внутренний и внешний¹, когда у него в семье всего три человека? — недоумевала учительница.

Председатель колхоза хорошо помнил, как ишан обещал все отдать колхозу, и, надеясь, что тот хоть на время передаст свой внешний двор под школу, повел учительницу и Нартая-ака к ишану. Когда они вошли, ишан лежал на топчане, а жена со своей сумасшедшей сестрой сидели рядом. Все пили чай. Увидев неожиданных гостей, женщины торопливо удалились. Дед Мамат объяснил, для чего они пришли, но ишан ничего не обещал, пытался отделаться туманными фразами.

¹ В кишлаках многие дворы делились на две части. Во внешнем дворе находились разные подсобные помещения. Здесь также принимали гостей. Во внутреннем дворе жили женщины. Туда посторонние заходить не могли.

В ту ночь Салиджану запомнились слова Раисы Максимовны:

— Как зло посмотрела на меня юродивая! Холодный, ненавидящий взгляд!..

Школу открыли в отремонтированном сарае. Несмотря на все уговоры Раисы Максимовны и Нартая-ака, в день открытия туда пришли только два мальчика: Салиджан и Меликузы.

Утром, когда Салиджан впервые собрался идти в школу, мать нарвала базилики и сказала:

— Отдай учительнице!..

Глава VII

ГЮЛЬНАРА

На второй день после открытия школы случилось нечто неожиданное для учительницы и ее двоих учеников: вдали, у самой реки, показалась стайка мальчиков и девочек, человек десять.

Впереди шагал долговязый паренек. Не доходя до сарая, он что-то сказал своим спутникам, и все остановились. Чуть поодаль от них стояла девочка с большими испуганными глазами, дочка Мумина-пахаря. Она жила по соседству с Салиджаном. Звали ее Гюльнара.

Раиса Максимовна увидела в окно детей и сразу заволновалась, хотя старалась не подавать виду. «Странно, почему они остановились?.. Чего боятся?» Среди детей один только долговязый держался спокойно. Раиса Максимовна узнала его, это был сын суфи. Она вчера еще выяснила, что он приходится двоюродным братом Гюльнаре.

Нартай-ака был против того, чтобы Раиса Максимовна ходила к Мумину-пахарю:

— Вы лучше меня подождите, не идите к нему одна, у него очень тяжелый характер.

Но Раиса Максимовна не приняла слова Нартая-ака во внимание, отправилась к Мумину-пахарю одна.

Он жил на окраине. Когда Раиса Максимовна ходила по кривым пыльным улочкам кишлака, она чувствовала на себе настороженные взгляды. Учительнице было неловко, когда ее разглядывали из-за старых дувалов или через открытые калитки. Недалеко от дома Мумина-пахаря она увидела женщину с ведром воды. Увидев учительницу, женщина принялась бежать, будто за ней гнались, но, споткнувшись, упала. Ведра отлетели в разные стороны.

Раиса Максимовна вошла во двор Мумина через низкую калитку и чуть не задохнулась — до того был сперт воздух на этом клочке земли. Она нерешительно остановилась у калитки. Маленький дворик. Негде укрыться от солнца, если не считать тени величиной с ладошку от низкорослого урюкового дерева. Хозяин дома сидел на веранде спиной к калитке, что-то мастерил. Возле хлева лежал огромный бык, облепленный мошкаррой.

Гюльнара месила голыми ножками навоз для таппи¹. Увидев вошедшую, она замерла на месте, раскрыв рот от удивления. Ее мать, женщина средних лет, необыкновенно худая и черная, сидела на земле и лепила таппи из навозного месива. Но вот она испуганно вскочила.

Выражения лиц у матери и дочки были очень похожи — так отчетливо в них проступали страх и покорность. Мумин-пахарь посмотрел через плечо. Его глаза гневно засверкали, мясистое лицо, покрытое густой растительностью, дернулось, и он, нахмурив густые, широкие брови, пробуравил глазами учительницу. Затем он что-то презрительно буркнул, отвернулся и, глянув на жену, крикнул:

— Чего рот разинула!..

Мать и дочь вздрогнули и опять принялись за работу. Тут на крыше хлева показался долговязый паренек. Видимо,

¹Таппи — круглые высушенные навозные лепешки, которыми топят печь.

он поднялся туда с дувала, со стороны улицы. Немного постояв, он оглядел двор, сел, свесив ноги с крыши. Вот уже несколько дней он следил за Раисой Максимовной, словно был ее тенью. А вчера он бросил в лужу большой камень как раз в тот момент, когда учительница проходила мимо, и обрызгал ее мутной жижей. Сюда он тоже шел за ней следом, и, когда отстал, Раиса Максимовна даже обрадовалась. Теперь вот опять появился.

Учительница уже имела представление о Мумине по рассказам людей, но не думала, что он так холодно ее встретит. Очень нелюдимым оказался этот пахарь. Она даже пожалела, что перешагнула порог, но теперь ей надо было задержаться, не отступить, иначе дело закончилось бы для нее полным поражением.

— Салам алейкум! — сказала она, подойдя к веранде.

Мумин не ответил. Даже головы не поднял. Но плечи его нервно вздрогнули, сразу стало ясно, что он себя еле сдерживает. Наконец он обернулся к учительнице и грубо спросил:

— Что тебе нужно?

Голос его был полон ненависти. Раиса Максимовна растерялась, но взяла себя в руки и, стараясь казаться спокойной, села на край возвышения.

— Хорошо, что вы дома, — сказала она миролюбиво. — Я пришла поговорить о Гюльнаре. Вы завтра пустите ее в школу?

Мумин молчал, продолжая мастерить клетку для перепела. Минуты через две Мумин отложил шило в сторону и буркнул:

— Ты лучше спроси у той, что ее родила!..

Но мать Гюльнары не то что говорить — даже глянуть в сторону веранды не осмелилась. Тем временем Мумин вынул из-за пазухи мешочек с перепелом, развязал его, достал птицу и начал гладить грубыми пальцами по головке и крыльям, потрогал за лапки, поднес ее клюв ко рту, напоил, затем, пустив в только что сделанную клетку, приподнялся и повесил на гвоздь.

Убедившись, что от этого человека ничего не добьешься, Раиса Максимовна направилась к калитке. Когда она была почти у выхода, случилось неожиданное: бык, что лежал у хлева, встал и ринулся вперед, таща за собой свободный конец цепи. Он подошел к урючине и застыл там, будто не зная, куда дальше идти. Мумина охватил страх: он знал бешеный нрав быка, сам дважды от него пострадал. Прошлым летом бык порвал цепи и чуть было не проткнул его насквозь. Три месяца после того Мумин пролежал в постели. Когда нужно было привязать или отвязать быка, он звал на помощь кого-нибудь из соседей. Мумин до сих пор жалел, что вовремя не вддел кольцо в ноздри быку, пока тот был послушным теленком. И вот теперь, глядя на быка, который стоял у урючины, Мумин испугался не на шутку.

— Бегите скорей!..— крикнул он и отскочил в дальний конец веранды.

Жена его была уже на кухне. Гюльнара тоже побежала за матерью, но споткнулась и упала. Встать у нее не хватило духу, она закрыла лицо руками и замерла.

Бык повернул морду в ту сторону, откуда донесся крик девочки. Мумин хотел спрятаться в дом, если бык пойдет к веранде, но, увидев, что дочь лежит на земле, остановился и отчаянно крикнул:

— Беги, беги же скорей!

Гюльнара лежала, не решалась даже убрать руки с лица. Бык пошел на нее. Мумин в отчаянии метался на веранде, словно обжегший лапки петух.

— Это ты, ведьма, виновата! — крикнул он Раисе Максимовне.— Все из-за тебя, нечистая сила!

Учительница сделала несколько шагов в сторону айвана¹.

— Это вы обо мне?

— О ком же еще! Ты переступила мой порог, и все беды...

— И бык из-за меня отвязался? — не выдержала Раиса Максимовна.— Не говорите ерунды, лучше спросите у этого

¹ Айва́н — открытая веранда.

сопляка, что стоит у ворот. Он-то наверняка знает, чьих это рук дело!..

Только теперь Мумин-пахарь посмотрел на долговязого паренька, который нагло ухмылялся, и понял, что это он отвязал быка. Но почему-то ничего не сказал ему.

Бык с минуту постоял возле урючины, как будто хотел понять, о чем пререкаются люди, затем обвел всех мутным взглядом, покачивая огромной головой.

Раиса Максимовна воспользовалась моментом, быстро вернулась, подняла с земли перепуганную девочку и прижала ее к себе. Тараша глаза, бык стал пятиться. Между ним и двумя людьми расстояние было невелико, он мог бы одним рывком достать их.

Жена Мумина закричала и бессильно повисла на косяке двери. Пахарь, дрожа как в лихорадке, не знал, что предпринять. Наконец, совсем растерявшись, беспомощно сел на пол. Тем временем бык ринулся на Раису Максимовну, которая держала Гюльнару на руках.

Учительница шагнула за урючину. Рога быка чиркнули по стволу дерева. Бык попятился назад, чтобы начать новую атаку. Раиса Максимовна успела перекинуть девочку через перила веранды на мягкий тюфяк. Бык снова рванулся вперед, но и на этот раз ударил голову об ствол урючины. Пошатнувшись, бык упал. Раиса Максимовна взялась за конец цепи и быстро привязала притихшего быка к стволу.

— Было бы лучше, если бы завтра отвели Гюльнару в школу,— сказала она, уходя.— Ведь девочка непременно должна учиться.

И она вышла, поразив Мумина своей невозмутимостью.

...Дети все еще стояли у сарая. Кое-кто из них был знаком ей: видела их, когда прошла по домам. Целых три дня она ходила и уговаривала родителей отдать детей в школу. Почему эти ребята так нерешительно остановились? Может, кого боятся?

Раиса Максимовна вышла на крыльцо. Увидев ее, долговязый почему-то толкнул Гюльнару и бросился прочь. Салид-

жан ринулся было за ним, но Раиса Максимовна остановила его. Вдали под чинарой появилась, как тень, блаженная сестра ишанской жены. Она приостановилась, глядя в сторону школы, затем юркнула в рощу тутовника.

Гюльнара лежала на земле лицом вниз. Раиса Максимовна подняла ее и отряхнула платьице. Девочка немного постояла, сунув палец в рот, потом громко заплакала и обняла за шею учительницу. Раиса Максимовна прижала Гюльнару к себе, гладила ее по волосам и сама даже не заметила, что у нее тоже из глаз бегут слезы.

После этого события учеников в школе прибавилось: еще четыре мальчика и две девочки пришли в класс. Но радость Раисы Максимовны длилась недолго.

Глава VIII

МЕСТЬ, МЕСТЬ, МЕСТЬ...

В кишлаке поднялся страшный переполох: дочь Муминапахаря Гюльнара вышла утром из дома и исчезла. Родители девочки говорили, что она отправилась в школу. Председатель колхоза дед Мамат и Раиса Максимовна обошли все дома, все овраги и поля, но девочки след простыл. Никто не знал, куда она делась. Отец искал ее в школе, в старом ишанском сарае, но, разумеется, не нашел. Выйдя из школы на крыльцо, он бросился на землю и стал кататься.

Возле сарая собралась большая толпа. Люди хранили тяжелое, недоброе молчание. В центре, на голой земле, сидел отец девочки и бил себя в грудь, по голове, корчился, кричал что-то нечленораздельное. Никто не мог его успокоить. Даже придурковатая сестра жены ишана, не любившая больших сходов, хмуро стояла поодаль, закрыв половину лица черной шалью, и поблескивала безумными глазами.

Вдруг толпа зашевелилась, и люди расступились, освобождая кому-то дорогу. Это был ишан Усман-ходжа. Он важ-

но, грузным шагом пробрался сквозь толпу к середине. За ним плелся щупленький суфи, словно собачонка, шедшая за слоном. Когда ишан подошел к Мумину, тот обеими руками обнял его за ноги:

— Бог меня покарал, бог меня покарал, мой благодетель!..

— На все воля аллаха,— сказал ишан тихим, усталым голосом.— Сам дает и сам забирает обратно. У раба аллаха нет иного утешения, нежели примириться с волею всемогущего и всемилостивого.

Эти слова довели Мумина до настоящего безумия. Он еще пуще стал проклинать судьбу и биться головой о землю. Кто-то зарыдал. Раиса Максимовна, слышавшая все, невольно вздрогнула...

— Перестаньте пугать людей, ишан,— сказала она.— Зачем считать девочку мертвой, может, она заблудилась.

Ишан недобро посмотрел на нее, приподняв красные, похожие на две половинки миндального ореха веки. Услышав гул и неодобрительный шепот толпы, Раиса Максимовна поняла, что вмешалась не вовремя. Она прикусила губу и украдкой взглянула на деда Мамата. Тот устремился к ней, желая загородить ее от толпы, но тут случилось невероятное: сестра ишанской жены закричала жутким совиным голосом и бросилась к пустырю.

Люди впервые за несколько лет услышали ее голос. Все, даже Мумин-пахарь и его жена, погруженные в свое горе, были поражены ее нечеловеческим криком.

— А-а! — воскликнул ишан, глядя вслед сумасшедшей.— Горе Мумина и тебя проняло, бедная! Даже ты не смогла выдержать...

Как только он сказал это, суфи зарыдал, упал на колени и губами впился в подол ишанского халата. Женщины подхватили его плач, и начались протяжные причитания, будто девочка была уже мертва и ее собирались хоронить. Дед Мамат понял, что теперь уже не отворотить ярости собравшейся толпы.

Тем временем Мумин встал на ноги и двинулся к Раисе

Максимовне. Толпа сразу расступилась, увидев, как он выхватил из-за пояса топор. Сделав несколько шагов, Мумин остановился.

Он и Раиса Максимовна застыли, в упор глядя друг на друга... Глаза Мумина злобно сверкали. Дед Мамат не успел прийти на помощь Раисе Максимовне, как Мумин метнул свой топор в учительницу. Она бы не спаслась, если б в последний момент ее не оттолкнула жена Мумина. Топор со свистом пролетел над головой учительницы. Только теперь люди опомнились и поспешили схватить Мумина за руки. Но с ним уже нельзя было справиться, он снова кинулся к топору. Толпа бурлила: кто испугался, кто радовался.

Ишан и его люди отошли в сторону и уже оттуда глядели за исходом событий. Суфи даже крикнул Раисе Максимовне:

— Беги, несчастная! Беги, чтоб ноги твоей в кишлаке не было, не то погибнешь!

Учительница сама подняла топор и бросила его к ногам Мумина.

— Берите,— сказала она спокойным голосом.— Берите и ударьте меня, если этим вы облегчите свое горе! Берите же!

Мумин растерялся. Глаза его беспомощно блуждали, будто топор, брошенный этой странной женщиной, упал не у его ног, а вонзился острым лезвием ему в сердце. Мумин-пахарь все же поднял топор, но пошатнулся. Топор выпал из рук и слегка поранил ногу...

С того дня несчастья последовали одно за другим. Назавтра же вечером Нартай-ака, возвращавшийся из города, свалился с арбой и лошадьё в реку — мост не выдержал. Деревянные сваи, вбитые в дно, были совсем гнилые. Нартай-ака не успел вынырнуть из-под арбы, так и утонул.

После смерти мужа мать Салиджана занемогла. Из города приехал ее брат. Он хотел взять сестру и племянника с собой в город, чтобы Салиджан мог там учиться, а сестра поправила пошатнувшееся здоровье, но, видно, не было суждено бедной женщине увидеть город.

В одну из ночей она разбудила сына, который спал у ее из-

головья на ковре. Салиджан встал, зажег светильник, и они с матерью долго молчали. Мать слабыми руками гладила сына по голове, взгляд ее был ясный и неподвижный. Она заговорила тихим, ровным, каким-то очень спокойным голосом, будто вовсе и не была больна.

— Сынок,— сказала она,— я не знаю, где ты будешь... Не знаю, какой путь определил тебе аллах... Я и там за тебя буду молиться, сынок, буду молиться, чтобы ты был счастлив, чтобы с тобой были хорошие люди, друзья...

Салиджан не мог оторвать глаз от лица матери. В горле его стоял твердый комок, он хотел его проглотить, но, сколько ни силился, не получилось. Он заплакал навзрыд. Проснулся дядя, который спал во дворе на топчане, вошел в комнату, сел возле умирающей сестры.

После смерти матери Салиджан не мог долго оставаться дома. Все напоминало о родителях. Ишанская жена объявила их дом богом проклятым. Салиджан не мог оставаться здесь еще и потому, что ему уже нечего было делать в кишлаке. Школу закрыли. Не стало видно самой учительницы. По кишлаку пошли слухи, будто она была виновна в исчезновении маленькой Гюльнары и потому сбежала в город.

Салиджан решил уехать из кишлака к своему дяде. Дед Мамат пытался отговорить его.

— Ты мне такой же родной, как и Меликузы,— сказал он.— Оставайся, будешь вторым внуком.

Но Салиджан не согласился. Он измучился за последние дни. Дома ему то и дело казалось, что вот-вот на пороге комнаты покажутся отец с матерью. По утрам чудилось, что у его изголовья сидит мать. Это чувство было до того реальным, что он боялся открыть глаза. Он стал худеть, сделался вялым, неразговорчивым. У председателя не было иного выхода, как отпустить мальчика в город. Дед Мамат выделил ему лошадь и арбу для перевозки скарба. Хотел дать сопровождающего, но потом передумал: в город из кишлака вела одна-единственная дорога, нельзя было представить, что мальчик собьется с пути. Салиджан и раньше ездил несколько раз

на арбе в город с Меликузы, если случалась нехватка в людях. Словом, у председателя не было каких-либо оснований для беспокойства.

Салиджан собрал свои вещи в два узла. Не забыл также мешочек с семенами базилика, который так любила его покойная мать. Перед рассветом он отправился в путь, но по дороге его ожидало новое несчастье...

* * *

Обо всем этом Салиджан-ака рассказал Шахло.

— Не знаю, как это тогда случилось,— продолжил он после некоторого молчания.— Но случилось опять несчастье...

— Почему же? — Шахло не могла сдержаться.— Ведь вы...

— Не знаю, дочка... Если ты помнишь, в кишлаке, сразу же за рекой, есть дорога. Сейчас, может, и нет, но тогда она была, проселочная дорога. Она начиналась не у моста, а чуть выше, с брода. За кишлаком она соединялась с другой, что шла от моста. Я перебрался на арбе через брод и, как только отъехал полверсты, встретил какого-то человека. Он спросил, не могу ли я его подвезти. Я согласился. Мы ехали молча, а потом он вдруг чем-то ударил меня по голове, и я свалился с арбы. Когда вернулось сознание, я лежал на дне небольшого овражка, небо еще было полно звезд. Лежу, а голова будто из свинца, оторвать не могу от земли. «Где же я,— думаю,— и вообще, что со мной случилось?» Опершись на локти, встал. Смотрю вокруг — ни лошади, ни арбы. Не на шутку испугался. Прошел немного в сторону города, смотрю: и лошадь стоит, и арба цела, и вещи. Что мне делать, идти в город или вернуться в кишлак? Но возвращаться не было смысла. Я с трудом вскарабкался на арбу и поехал в город. Когда добрался до дяди и рассказал о своих злоключениях, никто мне не поверил. «Нет, не может быть, чтобы ударили малого ребенка! Ты, видно, сам упал от головокружения». Но что я мог сказать, если они не хотели верить.— Салиджан-ака помолчал.— Но на этот раз мне уж ясно...

Он взглянул на Шахло. Девочка, широко раскрыв глаза, спросила:

— Вы думаете, что вас и теперь ударили?..

— Может, все может быть,— торопливо сказал Салиджан-ака,— а главное, совсем странно: один из кранов был открыт, а я отлично помню, что даже не притрагивался к нему. Что же произошло?

— Не знаю,— ответила Шахло и вздрогнула.

Она до сих пор ничего не знала о прошлой жизни Салиджан-ака. Был он их соседом, работал в школе учителем, часто заходил поговорить с папой. Да и не могло получиться, чтобы у них был такой разговор, Салиджан-ака взрослый человек, а она — совсем девочка. Разве она осмелилась бы просить его рассказать о своем прошлом.

И беседа-то у них завязалась совсем случайно. Сегодня утром, когда Шахло вошла в дом Салиджан-ака немного прибраться, тот спросил ее об отъезде в кишлак. Шахло ответила, что уедет завтра, пораньше, пока солнце не начнет припекать. Услышав это, Салиджан-ака ничего не сказал, принялся расхаживать по двору. А вот потом, за чаепитием, он разговорился. Шахло сперва даже не поняла, чем это было вызвано. Но Салиджан-ака сказал, глядя на стебельки базилика, лежащие на столе:

— Когда я вижу базилик, всегда вспоминаю мать и первую учительницу Раису Максимовну.

Теперь уже он мало знал о кишлаке. Связь давным-давно прервалась, с тех самых пор, как он переехал в город. Своих односельчан он не встречал. Месяца три назад Салиджан-ака все же отправил письмо в кишлак, сообщил о себе, о родителях, о времени, когда он уехал из кишлака, спрашивал о Раисе Максимовне и о тех ребятах, что с ним учились (их было немного — всего три человека). Также он написал, что собирает материал для книги о первых школах. Только совсем недавно получил он ответ: «Люди, которыми вы интересуетесь, давно уже не живут в кишлаке, и ничего утешительного вам не можем сообщить». Письмо бросили прямо в ящик,

не прибегая к услугам почты. Даже конверта не было, просто листок бумаги... Наверное, кто-то ехал из кишлака по делам и его попросили отнести письмо к Салиджану Нартаеву.

Салиджан-ака вынес листок, протянул его Шахло. Это была страница из ученической тетради, исписанная четким почерком, с небольшим наклоном влево.

— Как интересно закручен хвостик у буквы «к»,— проговорила Шахло, не зная, что ей сказать.

— Правда, дочка, это я тоже заметил,— грустно улыбнулся Салиджан-ака.— У меня к тебе просьба, хотя я не очень-то надеюсь. И ты расспроси людей, когда приедешь в кишлак. Может, кто и остался там?

Шахло согласилась.

Назавтра она села в автобус и уехала в кишлак.

Глава IX

ГОСТЬЯ

Мунира проснулась утром от какого-то шороха. Чуть приподняв голову, увидела, что постель рядом пуста. «Куда же девалась Шахло? — подумала она.— А может, ей стало холодно спать во дворе и она ушла в дом?»

— Шахло! Где ты? — крикнула Мунира.

— Что-о? — донеслось откуда-то.

— Где же ты?

— Я здесь, здесь!..— Шахло вышла из-за ствола старого орехового дерева, которое росло рядом с дувалом. Она показала на соседний двор и поднесла пальцы к губам: — Тсс!..

В руках она держала большой веник. Мунира очень удивилась: что это она, хочет подмести двор? Ведь еще совсем рано... Да и кто ее просил? Тем временем Шахло опустилась на корточки возле дувала. Сон Муниры как рукой сняло. Она села на постели, обняв колени, и стала с интересом наблюдать за подругой. Немного спустя Шахло на цыпочках подошла к ней и присела на край топчана.

— Это он!..— зло сказала она.

— Кто? — недоумевающе спросила Мунира.

— Помнишь мальчишку, который приставал? Он самый!

— А-а, ты это про Анзора!

Шахло еще раз подозрительно посмотрела в сторону дувала и кивнула головой.

— Ну что, если и он?

— Он же подглядывает из-за дувала!

— Что?

— Подглядывает,— нервно сказала Шахло. Она была раздосадована недогадливостью подруги.— Открыла я глаза и вижу, что он смотрит. Я всегда чувствую, когда на меня пристально смотрят.

— Так бы и сказала сразу!..— засмеялась Мунира. Она вскочила с места и стала собирать постель.— Он же в соседнем дворе живет! А ты думала, что нарочно туда забрался?

Шахло тоже улыбнулась, бросила веник на землю и сунула ноги в свои шлепанцы. Когда она, сняв с ветки персика полотенце, пошла к умывальнику, Мунира спросила:

— А с веником-то зачем ходила?

— По башке хотела его ударить, если еще раз посмотрит!

Мунира опять засмеялась. Как только голова Анзора показалась над стеной, она крикнула:

— Ты слышал, Анзор, сразу по башке!

Анзор ничего не ответил. Холодно посмотрел вслед Шахло, затем показал кулак Мунире и исчез за дувалом.

После завтрака подружки оделись в комбинезоны и вышли из дома. В это время по улице проехал Анзор на своем маленьком прытком ослике. Кажется, он опять ехал в колхозный сад, к отцу. Все ребята вот уже несколько дней работали на строительстве школьного спортзала, но Анзор ни разу не показывался там. Мунира старалась не вспоминать про него.

Но однажды, встретив его на улице, не удержалась:

— Ты бы лучше пришел, Анзор!

Анзор, как только услышал это, побледнел.

— Ты, девчонка, оставишь меня в покое или нет?!

— Разве я тебе покоя не даю?

— Что я там, в твоём спортзале, буду делать? Он вам нужен, это вы будете в нём прыгать, а не я! Поняла?

Мунира никогда ещё не видела Анзора таким: он весь дрожал, маленькие колючие глазки исчезли за веками. Обидно ему было. Мунира ничего не могла ответить — растерялась. Когда он, прихрамывая, уходил, Мунира долго смотрела вслед, жалко ей было парнишку. И зачем она заговорила о спортзале, напомнила Анзору о его увечье?

Мунира теперь поняла, почему Анзор так разозлился на Аскара, когда тот беспечно подшутил над ним. Но ведь они не только для себя работают на этой стройке. Пройдет ещё несколько лет, все они окончат школу, а спортзал, построенный ими, останется. Нет, все же не нужно было Анзору отрываться от ребят.

А ещё она никак не могла забыть ту его выходку, когда он чуть было не опозорил её перед другими на реке. Что было бы, если бы этот сумасшедший Анзор сбежал, так и не оставив её одежды? Хорошо, что Шахло помогла. Они с Шахло были тогда едва знакомы, не успели ещё подружиться...

* * *

В тот день все ребята собрались на месте. Усманали-ака, их классный руководитель, выглядел очень радостным. Ждали председателя. Не прошло и десяти минут, как кто-то из мальчиков крикнул:

— Вон Муминджан-ака едет!..

Все посмотрели на дорогу и увидели председателя, сидевшего на своём белом коне. Учитель вышел навстречу. Муминджан-ака не мог скрыть улыбки, он был признателен ребятам, которым так не терпелось приступить к работе. Он пригладил усы, поглядел на школьников и сказал:

— Давайте, молодцы, сразу условимся. Или мы твердо решим работать, или разойдемся сейчас... Лучше уж сейчас, пока работа не началась...

— Нет, мы не сбежим! — хором ответили ему. Слова председателя даже немного задели ребят.— Мы уже твердо решились!

— Я пошутил, честное слово, пошутил... Усманили, а ты ведь уезжаешь?

— Иного выхода нет,— сказал учитель.— Я бы остался с ребятами, но у меня сессия, экзамены.

— Жаль,— заметил председатель.— Хотя желаю тебе сдать все на «отлично». Когда едешь?

— Сегодня вечером.

— Доброго тебе пути, Усманили. Только не забудь назначить на свое место кого-нибудь. Нужно, чтобы это был надежный человек.

— Я назначил своим заместителем Равшана.

— Может, они хотят кого-нибудь другого? — спросил Муминджан-ака.

— Нет, нет, пусть будет Равшан,— ответили ученики.

Председатель смущенно улыбнулся. Что бы там ни было, кого бы ребята ни назначили своим руководителем, ему надо было об этом знать. Точно так, как он знал, что Усманили учится заочно в университете и должен ехать на сессию сдавать экзамены.

Вперед вышел Аскар. На нем была рубашка с чужого плеча — она висела как мешок. Решительный, с засученными рукавами, в старых брюках и больших сапогах, он смело обратился к председателю:

— Дядя Муминджан, можно задать вопрос?

— Говори, сынок,— с любопытством посмотрел на него председатель.

— Я хотел того...— Аскар вдруг замялся: председатель слушал его с таким вниманием, будто перед ним был взрослый человек. Чувствуя, что больше медлить нельзя, Аскар выпалил одним махом: — Помните, вы нам не поверили однажды?

— Когда же это было, сынок? — удивился председатель.

— Когда мы посадили саженцы возле дороги,— напомнил

Аскар.— Теперь вы нам дайте побольше цемента, вот тогда увидите, как мы будем работать!..

Он посмотрел на ребят, ожидая с их стороны поддержки. Но те — странное дело! — молчали. Аскар испугался: может, он что-нибудь не так сказал? Похоже было на то, потому что ребята сразу как-то сникли. Усманили-ака украдкой глянул на председателя.

Равшан что-то шепнул Мунире, но она не расслышала. Она думала: зачем было Аскару напоминать о тех саженцах, вернее, о яблонях, что росли по обочинам дороги? Но, против всяких ожиданий, председатель ничуть не рассердился, даже, наоборот, поддержал Аскара.

— Молодец, дельно говоришь!..— сказал он.— Как тебя зовут?

— Аскар...— тихо ответили ему из-за спины.

— Чей ты сын?

— Джуманкула.

— А-а, нашего чабана Джуманкула, что теперь на пастбищах! Ну-ка подойди поближе, есть у меня для тебя дело,— сказал председатель.— Ты его младший сын?

Аскар утвердительно кивнул головой.

— Вот и чудесно! У меня к тебе сразу два поручения, не испугаешься?

— Вы скажите, если смогу, пожалуйста...

— Я слышал, что там, на пастбище, на дне реки есть чистый песок. Ты об этом поточней узнай у отца. Если это правда, тогда я тебе дам машину и двух грузчиков.

— Да мы сами с отцом...

— Хорошо, можно и так...— согласился председатель.— Еще одна просьба...— Тут он посмотрел на Равшана.— Ну, как там гостья?

Тот засмеялся:

— Да еще спит, папа!.. Ее сейчас пушкой не разбудишь!

— Даже так?..— улыбнулся председатель, а сам подумал про себя: «Пусть спит, городские дети не то что наши. Не привыкла, да еще с дороги небось устала». Он опять обратился к

Аскару: — У нас есть гостья из города. Ты можешь показать ей пастбище? Она ни разу еще не видела настоящих пастбищ, понимаешь?

— Да откуда там у них пастбища?

— Ну, вот и договорились,— сказал председатель.— Значит, покажешь...

— Покажу!..— пообещал Аскар, польщенный тем, что Муинджан-ака поручил ему сразу два таких дела.

Отпустив Аскара, председатель обратился ко всем:

— Сегодня, ребята, надо очистить площадку от прошлогоднего строительного мусора. Да еще не забудьте снять два-три ряда кирпичей старого фундамента. Заново будем класть, эти уже старые стали, рассыпаются.

Он еще побыл с ребятами, затем сел на своего белого коня. По дороге он подумал, что немало можно будет сделать с помощью ребят, если только они не разбегутся. Нет, похоже, на них стоит положиться.

Потом он вспомнил, что эта затея ребят пришлась не по душе Мулладогу. А какая причина? Правда, Мулладог ничего определенного не имел против строительства спортзала, но будто невзначай заметил: «Вообще-то, мне кажется, надо повременить. Разве можно доверять детям такое? Боюсь, они разбегутся, не окончив дела...» Председатель объяснил ему, что основные работы выполнят свои, колхозные мастера, а ребята им помогут, ну, скажем, будут таскать кирпичи, воду... Тут уже Мулладог возражать не стал. Больше они об этом не говорили. Но все же председателю было любопытно одно обстоятельство: как только взялись закладывать фундамент, Мулладог стал суетиться, словно... А когда дело осталось незаконченным и каменщиков перевели на другой объект, он обрел прежнее спокойствие. С чего бы это?

Спортзал должен был вырасти на пустыре, по соседству со стареньким двориком Мулладога и его тети. Этот дворик и их дом Равшан в шутку называл единственным архитектурным памятником старого кишлака. Но спортзал бы им ничуть не помешал. Между двором Мулладога и будущим спортза-

лом оставалось свободное место, довольно широкое, можно было проехать на машине. Честно говоря, и это место председатель хотел бы использовать в будущем, после того как построят основное здание. Здесь не мешало бы сделать разделку и душевую. Но отчего так беспокоится Мулладост? Или он боится, что шум детворы будет тревожить его больную тетю? Оба они, надо сказать, хороши: сколько раз предлагали им перейти в один из новых благоустроенных колхозных домов, но они ни в какую, не хотят покидать эту старую лачугу, которая осталась от ишана... Того и гляди, лачуга развалится. Хорошо хоть, в последнее время нет проливных дождей...

После ухода председателя ребята сразу загалдели. Они стали уточнять, кому какую выполнять работу. Едва начали совещаться, отворилась калитка Мулладosta и оттуда выглянула его полоумная тетушка, но тут же скрылась за калиткой, плотно прикрыв ее. Ее даже не успели рассмотреть.

За самоваром и дровами ребята послали Миркабúла и Нартаджи. Девочки стали собирать мусор с площадки, а мальчики принялись снимать верхний кирпичный слой фундамента.

Когда все сделали, Озода крикнула:

— Равшан, куда убрать мусор?

Равшан задумался, отбросил кетмень в сторону. Это был первый вопрос к нему как к руководителю. И надо было решать получше.

— А вон там есть яма!..— сказала Мунира и показала на большую яму, из которой когда-то брали глину.

Равшан согласно кивнул головой и опять взялся за кетмень. Потом они с Мирсалимом подхватили носилки, чтобы убрать кирпичи в сторону. Девочки принялись было сваливать мусор в яму, но их остановил Аскар:

— Эй вы, погодите, туда нельзя!

— Почему?

— Что мы будем делать, когда привезут цемент? Яма пригодится для цемента. Надо ведь хоть немного соображать.

Девочки повернули к Аскару. Тот сидел спокойно в тени

маленького карагача, подложив под себя ноги. Озода и Мунира бросили носилки прямо перед его носом:

— Что это ты раскричался?

— Сидим, значит?..

— Сижу,— подтвердил Аскар, наморщил лоб и ударил себя по голове.— Мысли-то, девочки, разбегаются. Вы сами пробовали решить хоть один вопрос?

— Интересно, куда же разбегаются эти твои мысли? — хитро спросила Озода.

— Куда? На пастбище!

— На пастбище!..— воскликнула Озода, а затем с той же иронией спросила: — А что, они у тебя пасутся?

— Да хватит шуточки отпускать!..— отрезал Аскар. Ему сейчас и вправду не хотелось шутить.— Вы сперва поймите, о чем я думаю.— Слышали, что мне председатель сказал?

— Слышали, не глухие.

— Но ничего не поняли...— Аскар глубоко вздохнул.— Раз председатель сказал, чтобы я повел гостя на пастбище, значит, это важнее, чем вся наша работа, ясно? Ну, скажите, куда мне повести такого почетного гостя, ради которого даже стройкой можно пожертвовать? К родникам прозрачным! К серебристой можжевельной роще? — Аскар посмотрел на Муниру и добавил: — Будь сейчас весна и будь этот гость девочка, которая, как и ты, с ума сходит по тюльпанам, я мог бы, конечно, повести ее куда угодно!..

Озода сначала думала, что Аскар, по своему обыкновению, острит. Но теперь поняла, что он и в самом деле озабочен. Только никак не могла понять, почему он так убивается из-за какого-то гостя, что в этом сложного? Поведет, покажет, потом вернется... Стоит ли так переживать?

Мунира позвала Равшана:

— Равшан, подойди сюда! Послушай, что Аскар говорит!

Равшан обернулся. Увидев Аскара, окруженного девочками, он махнул рукой — мол, нет мне дела до вашего зубоскальства,— потом ему самому стало интересно. Он знал, что Аскар иной раз умеет удачно шутить, и подошел.

— Ребята, разве можно так, мы ж еще не начали работать...

Аскар снова ударил себя по лбу.

— Ты лучше послушай Аскара,— смеясь, сказала Озода.

— Он чуть не сдурел от поручения твоего отца,— добавила Мунира.— Ты хоть ему объясни.

Равшан ничего не понял. Он посмотрел на Аскара, тот начал объяснять все сначала:

— Значит, гость важнее спортзала... Гость будет нежиться там, у голубого родника, а мы... А я, как собачка, буду ходить по пятам... Не пострадали бы ноги от ходьбы по холмам...

Аскар мог бы еще много говорить насчет гостя, но Равшан прервал его:

— Да ты встань сначала, сумасшедший! Какой там гость, да еще с такими требованиями... Что ты вообще говоришь, Аскар? Тот гость не такой лентяй, как ты, не сидит он в тени карагача! Собственно, это даже не гость, а гостья. Вон видишь, как она работает!..

Все разом повернули головы в ту сторону, куда показал Равшан.

Кто-то крикнул:

— Да это же Шахло!

И в самом деле, девочка в брючках и в соломенной шляпе несла вместе с Меликузы кирпичи на носилках. Аскар как ужаленный вскочил с места и, чтобы не услышать хохота друзей, убежал в другой конец площадки, где сразу взялся за кирку. Озоде стало интересно, она пошла к той, новой девочке. Мунира тоже двинулась за ней, но на полпути остановилась. «Какая красивая стала!» — подумала она.

Затем они с Шахло познакомились поближе.

После того как ребята пообедали, поделив между собой принесенную из дома еду, Мунире очень захотелось искупаться в речке. Она подбивала Озоду пойти с ней. Но та, сославшись на усталость, отказалась. И другие девочки не пожелали подниматься с места: устали с непривычки. Равшан стал уго-

варивать Муниру не ходить. Но она не слушала, взяла полотенце и направилась к реке.

Мунира знала тихое место, метрах в четырехстах за большим бетонным мостом, где весь берег густо порос кустарником. Мунира всегда там купалась.

Она забралась в кусты, сняла платье. Но войти в холодную реку решила не сразу, немного посидела на траве. Потом, увидев, что Анзор идет по берегу в ее сторону, бросилась в воду и поплыла вверх по течению. Когда Мунира устала, она расслабилась и дала течению унести ее назад. Поравнявшись с тем местом, где оставила одежду, она взялась за торчащие над водой корни и выбралась на берег. Вдруг услышала, как слева хрустнула ветка. Мунира насторожилась. Стало отчетливо слышно, что кто-то шел сюда через кустарник.

— Эй! — крикнула Мунира.

Шорохи прекратились. «Наверно, какая-нибудь бродячая собака», — подумала она. Но вдруг резко раздвинулись ветки кустарника, и человек встал во весь рост. Мунира испугалась так, что сразу же прыгнула в воду и, лишь вынырнув, увидела сидевшего на берегу Анзора.

— Что за глупости — пугать людей? — строго сказала она. — Зачем ты здесь? Кто тебя звал?

Анзор в ответ усмехнулся. Поудобней расположился на берегу, протянув вперед обе ноги. Увидев в его руках свое платье, Мунира крикнула:

— Положи на место!

— Ладно, — сказал Анзор. Он поднялся. — Повешу у дороги, на ветке старой чинары!

— Стой!

— Что ты еще хочешь сказать?

— Оставь мое платье!.. — Мунира ударила руками по воде. — Оставь, или позову на помощь!

Анзор опять усмехнулся и сел на прежнее место.

— Ладно, — согласился он. — Но ты знай: сколько ни кричи, твой Равшан не услышит!

Мунира была поражена его словами, быстро-быстро заморгала.

— Что-о ты сказал?

— То, что слышала.

— Ну-ка повтори еще раз!

— А разве не правда? — спросил Анзор. — Разве не правда, что вы по вечерам сидите вдвоем на холме, словно Тахир и Зухра? Я своими глазами видел.

— Какой ты гадкий!.. — Мунире стало очень обидно. Она готова была заплакать. — Не будь таким противным, Анзор!

— Кто это противный! — Маленькие глаза Анзора прищурились, он встал, весь дрожа, хотел что-то сказать, но тут послышались шаги за кустами.

Анзор побледнел. Обернувшись, он увидел вышедшую отсюда девочку, застыл, как маленький мальчик перед объективом фотографа...

Мунира крикнула сквозь слезы:

— Ты видишь этого дурака, Шахло?..

Шахло минуту-другую пристально смотрела на Анзора, потом подошла к нему вплотную.

— Отдай!

— Кто ты такая, зачем тебе платье?

— А тебе оно зачем? — с улыбкой спросила Шахло. — Ты что, будешь его надевать? — Она засмеялась и вырвала из рук Анзора платье.

Оттого, что это случилось так мгновенно, Анзор растерялся и поднял кулаки на Шахло, позабыв, что перед ним не мальчишка, а самая обыкновенная девочка. Шахло не стала ждать, когда он ударит ее, и что было силы оттолкнула Анзора, а тот, не удержавшись, шлепнулся в воду.

Мунира выбралась на берег, надела платье, и обе девочки бросились прочь. Убедившись, что за ними не гонятся, они остановились отдышаться.

— Ты словно с неба свалилась, и очень вовремя! — сказала Мунира.

— Нет, из-под земли вышла, — смеясь, ответила Шахло.

Мунира взглянула на нее и про себя подумала: «До чего же она смелая!» Но Шахло даже не заметила, какими благодарными глазами смотрит на нее Мунира.

— Отчего он такой грубый? — спросила Шахло об Анзоре по дороге.

— Он всегда такой... немного странный... — ответила Мунира. — Ты, Шахло, пожалуйста, не рассказывай про это ребятам, ладно? Даже Равшану.

На холме возле большого моста они остановились, и Шахло с интересом стала разглядывать все вокруг. Да, это был тот самый холм, о котором говорил Салиджан-ака. И верно, отсюда видна половина кишлака. Словно на ладони. Удивительно было представить, что Салиджан-ака был маленьким, как вон те мальчишки, которые сейчас расположились на горячем песке. Неужели и Салиджан-ака лежал здесь?

А у Муниры с холмом были связаны свои воспоминания: она опять мысленно увидела тюльпаны, которые вспыхнули ярким огнем при восходе солнца...

— Пойдем, Шахло, — тихо сказала Мунира.

По дороге Мунира вдруг подумала: а что, если Шахло позвать к себе, когда мать будет дежурить в больнице? Но как к этому отнесутся родители Равшана — все же Шахло их гостья? Мунира, конечно, могла бы и Озоду пригласить, но у той много маленьких братиков, она помогает матери за ними ухаживать. Нужно посоветоваться с Равшаном. Да, так будет лучше, тогда сам Равшан уговорит своих родителей. Мунира не боится, когда остается дома одна, а мама беспокоится. Иногда в полночь забегает домой проведать дочку. Однажды Мунира даже рассердилась. «Зачем вы это делаете, мама? — спросила она. — Ведь вам далеко идти! Да еще ночью...» — «А мне так спокойно, доченька».

— Шахло, ты можешь ко мне перейти? — спросила она наконец. — Мама всегда волнуется, если я одна.

Шахло сразу же согласилась.

— Это даже лучше, — сказала она. — О чем мне разговаривать с Равшаном, у него свои мальчишеские заботы. А с

тобой вдвоем нам будет весело. Но дядю Муминджана и его жену буду навещать каждый день. А то они обидятся.

Так и условились. Когда мать Муниры дежурила ночью в больнице, Шахло приходила к ней. Они быстро подружились...

Глава X

НА СТРОЙКЕ

Как только подъехала машина с цементом, из кабины выпрыгнул чайханщик Мулладост. Голова его была обвязана шелковым платком поверх тубетейки. Он принялся ходить взад-вперед мелкими шагами, потом остановился, посмотрел на ребят из-под маленькой, словно у ребенка, ладони. После того как пыль, поднятая машиной, улеглась, Мулладост наконец нашел того, кого искал. Лицо его просветлело.

— Эй, Равшан! — крикнул чайханщик. — Подойдите-ка сюда!

Увидев его, Равшан обрадовался. Наконец-то!.. Этот человек может помочь ребятам. «Хорошо, что он появился, — подумал Равшан. — Тут нужны советы старших, без них просто не обойтись...» Вчера каменщик Ашур-ака пришел к ним помогать, он до полудня ждал машины с кирпичом, но потом, не дождавшись, взял с собой других каменщиков и отправился на ферму. Машины прибыли как раз в тот момент, когда они уехали. Равшан послал Аскара за каменщиками, чтобы они вернулись. И сегодня Мулладост прибыл неожиданно. Снова пришлось посылать Аскара за мастерами.

— Ну как дела, Равшан? — спросил Мулладост со своей всегдашней заботливостью. — Не успели утомиться?

Равшан засмеялся в ответ:

— От чего же нам уставать! Еще не начали по-настоящему работать!

— Вы очень и очень скромны, дорогой. — Мулладост улыбнулся. — За это я вас и ценю.

Он похлопал своими маленькими ручками по костлявым широким плечам подростка. С минуту разглядывал его загорелое лицо и добавил с той же заботливостью в голосе:

— Не очень утруждайте себя, Равшан. Лучше вон тех ребят эксплуатируйте. Руководитель сам никогда не должен работать, ему только надо раньше всех засучить рукава и разгорячить других. Словом, он должен показать, как работать, а работать сам не обязан. Вот так-то, Равшан! А теперь позовите своих солдат!

— А зачем они вам? Пусть работают.

— Дело есть, Равшан, дело. Думаете, я зря хочу оторвать людей от полезной работы? Значит, дело есть.

— Все идите сюда! Все сюда! — крикнул Равшан.

В это время ребята складывали привезенные кирпичи в аккуратные пирамиды поблизости от фундамента, чтобы потом легче было подавать каменщикам. Они оставили работу и подошли к Равшану. Мулладост достал из кабины целую пачку бумажных мешков и начал раздавать.

— Мешки для цемента,— объяснил он,— а так он весь в пыль превратится. Лучше в мешках хранить.

Шофер самосвала рассердился:

— Зачем? Пусть ребята занимаются делом, а я высыплю цемент из кузова, и все тут.

Но Мулладост настоял на своем. Он даже поругал шофера, что тот не заботится о народном добре.

— Чтобы ни одного грамма цемента зря не пропало! — подчеркнул он.

Равшану понравилось упорство чайханщика. Он сказал своим друзьям, чтобы мешки наполняли прямо в кузове. Все принялись за работу. Мулладост, убедившись, что его совет выполняют, взял из кабины маленький узелок и направился в дом. Тем временем подоспел Аскар, посланный за каменщиками на ферму.

— Ты им сказал, что у нас и цемент уже есть? — спросил Равшан.

— Сейчас они придут,— ответил Аскар и обернулся к ре-

бятam, которые, поднимая пыль и чихая, насыпали в бумажные мешки цемент.

Сейчас они были похожи на старательных муравьев — так облепили кузов машины со всех сторон.

— Соображать надо,— сказал Аскар,— а не заниматься мартышкиным трудом.

Ребята вопросительно уставились на него.

— Ты чего?

— Ничего. Интересно, какой дурак придумал эти бумажные мешки?

Равшан сбросил мешок с плеча.

— А что ты хочешь предложить?

— Разве можно столько цемента убрать в мешки? — проговорил Аскар.— Вы что, спятили? Цемента несколько тонн! И за простой машины надо будет отвечать!..— Аскар показал на яму, которая вчера была очищена от мусора: — Вот уже готовое место, туда и надо выгрузить цемент!

Шофер сразу оживился, он снял с головы кепку, стряхнул с нее пыль и опять надел.

— Где же ты был до сих пор, братец? — сказал он.— Вот это, я понимаю, разумное дело! — И вскочил на подножку машины.

— Разве можно выгрузить цемент на голую землю? — спросил Равшан.

— Ничего, цемент не простудится,— ответил Аскар.— Лишь бы место было сухое.

— А ведь Аскар прав!..— воскликнула Озода и первая выпрыгнула из кузова.

Остальные последовали ее примеру. Равшан оказался в неловком положении, он хотел возразить, но шофер уже завел мотор. Машина проехала вперед и резко остановилась у края ямы. Шофер высунул голову из кабины и осторожно нажал на рычаг подъемника.

— Эй, девочка! — позвал он Шахло, как только выгрузил весь цемент.

Шахло подошла к нему.

— Куда запропастился тот маленький человек?

— Какой? — не поняла Шахло.

— Ну, как его... Бывший чайханщик. Ты постучись-ка вон в ту дверь! — шофер показал на старенький дворик, обнесенный дувалом. — Кажется, он туда ушел. Я очень спешу, дочка, побыстрее позови его!

— Сейчас.

Шахло побежала к старой калитке, толкнула ее, но она была закрыта на крючок. Поскольку шофер торопился, девочка не стала стучать, а еще раз толкнула — крючок соскочил, и калитка со скрипом открылась. Шахло второпях переступила порог и остановилась пораженная: очень уж не похожим был этот дворик на другие дворы в кишлаке. До того он был жалкий, неухоженный. Маленький, голый, без единого растения, вдоль дувала там и сям лежали вязанки дров. В углу сарай — нет, пожалуй, это был не сарай, а кухня: дымоход¹ над крышей торчит. И крыша и дымоход увиты лозами винограда. Удивительно, во дворе ни единого растения, а на крыше виноград созревает! Хотя нет, понятно, виноград растет там, за дувалом, а лозы достигли крыши и увидели дымоход. Шахло увидела еще одну маленькую резную дверь, точно такую, как в музее. Кажется, за ней был еще один дворик, внутренний, как их когда-то называли. Она подошла и взялась за медное кольцо, висевшее на дверце. И тут до нее донеслись обрывки фраз.

— Это тот самый человек? — прозвучал голос Мулладоста.

— Да... Нам только этого не хватало, — ответил ему другой голос.

Затем послышался глухой кашель, и разговор прекратился.

Шахло толкнула резную дверцу, но и она была на запоре. «Зачем? — удивилась Шахло. — Обе двери на крючке...» Она взглянула на медное кольцо и постучала. За дверью слышались шаги. Мулладост спросил:

¹ Кухонный дымоход представлял собой вырезанное в потолке квадратное отверстие, над которым на подпорках возвышается легкое прикрытие.

— Кто там?

Голос был тихий, настороженный.

— Вас шофер просит.

Мулладост все же не распахнул дверь, а взглянул через щель.

— Кто ты такая?

— Я Шахло,— ответила она, хотя не была уверена, что Мулладост знает ее.

— Гостья председателя?

«Значит, знает»,— подумала Шахло.

— Да.

— А вы разве уже успели разгрузить машину?

— Мы цемент не в мешки грузили, а свалили в яму.

— Что?!

— В яму,— повторила Шахло.— Так лучше.

За дверьми немного помолчали, потом опять послышался голос Мулладоста, тихий и раздосадованный:

— А жаль... Ладно, ты иди, я сейчас.

Шахло вернулась к своим новым друзьям.

Равшан, весь красный, кидал кирпичи Аскару, да так резко и быстро, что тот еле успевал их ловить. Равшан время от времени исподлобья смотрел на товарища. Кажется, ему не нравилось, что Аскар поспекает за ним. Но Аскар как будто не замечал сердитого взгляда Равшана. Он ловил кирпичи и передавал Мунире и Озоде, которые укладывали их в пирамиду. Равшан не мог успокоиться и принялся поддразнивать Аскара: что, мол, надоело? Конечно, ловить кирпичи — не то что ловить мух.

Мунира не выдержала.

— Хватит, Равшан,— нахмурилась она.— Разве можно так сердиться? Ну чего ты надулся? Ведь Аскар же прав.

— Кто это надулся?

— Ты, ты!..— вспыхнула Мунира.— Ну и что из того, что цемент выгрузили в яму, а не таскали в мешках? Тебе от этого хуже стало?

— Нет, мне, как всегда, хорошо.

— Я вижу!..

Равшан сердито махнул рукой и опять нагнулся, чтобы поднять лежавший на земле кирпич. Аскар в этот миг увидел, как Шахло вышла из двора Мулладоста, и крикнул:

— Эй! Что ты там делала?

— Где? — не поняла Шахло.

— У чайханщика, у кого же еще!.. Он же...— Аскар сделал знак рукой.— Ты иди к нам.

Шахло, все еще недоумевая, подошла к Аскару. Тот многозначительно спросил:

— Ты цела и невредима?

Шахло очень удивилась его словам. Она даже собралась было обидеться, но тут ее окликнула Мунира:

— Ты на него не обращай внимания, Шахло!..

— Слава аллаху,— зловещим шепотом сказал Аскар.— Слава аллаху, что ты осталась цела и невредима, на счастье нашей стройке. Только не вздумай больше заходить в тот дворик, там живет... Ну, баба-яга не баба-яга, но ничуть не лучше...

— А почему же туда нельзя заходить?..

Аскар не успел ответить. Равшан кинул ему кирпич, а он, увлеченный разговором, не заметил. Кирпич упал ему на ногу. Аскар застонал от боли и сел. Равшан не ожидал, что такое может случиться. Еще минуту назад он был зол на Аскара, потому и кидал так, но не думал, что поранит Аскара.

— Что, очень больно? — спросил он, присев на корточки перед Аскаром.

— Нет,— сквозь зубы ответил Аскар.— Очень приятно...

— Не язви, Аскар...

— Может, поблагодарить тебя?

— Ты же сам разинул рот!

— Теперь ты доволен? — спросила Мунира у Равшана. Ей было жаль Аскара.— Доволен, что отомстил?

Равшан растерялся.

— Нужно было хоть немного смотреть,— сказала Шахло.— Разве ты не видел, что Аскар еще не готов?

— Я же не нарочно...— Равшан опустил голову.

Хоть и боль в ноге не утихла, Аскар старался выглядеть бодро перед девочками и выжал из себя подобие улыбки:

— Чепуха, Шахло, все будет в порядке. Ведь я должен повести тебя на пастбище! Пусть даже ползком.

Шахло смутилась. «Ну и умеешь же ты говорить!» Мунира хитро подмигнула Аскару. Неловкость между ребятами быстро улетучилась. Равшан положил руку на плечо Аскара и собрался попросить у него прощения, но тут его окликнул Мулладост, вышедший из своей хибары:

— Эй, племянничек!

У чайханщика была привычка называть племянничком того, к кому он был расположен или перед кем заискивал.

— Что же ты не отвечаешь? — сказал Аскар.— Дядя зовет, надо откликнуться!

Равшан торопливо снял руку с плеча Аскара, будто его ужалила змея. Шофер тем временем забрался в кабину, покачив головой, словно осуждал Равшана за неосторожность.

Но Мулладост не торопился уезжать. Он обстоятельно расспросил о цементе — что да как? — потом строго поднял свои жиденькие брови.

— Надо было в мешки насыпать. Тогда этого несчастья с чабанским сыном не случилось бы.— Он обошел яму и, помолчав немного, повторил:— Надо было в мешки... Теперь уже поздно. Раз так случилось, надо думать о последствиях...

И Равшан кивнул головой:

— Надо было в мешки...

Он произнес таким тоном, будто хотел сказать, что клади они весь цемент в мешки, то кирпич, им же брошенный, не угодил бы в ногу Аскара. Ребята слушали его с явным разочарованием.

— Племянничек, идите ко мне.— Мулладост взял Равшана за локоть и прошептал ему на ухо:— Вы лучше отпустите этого умника домой на пастбище, или пусть займется самоваром. Отец ваш может рассердиться, если услышит о его про-

делках. Вы сами знаете, председатель не терпит, когда халатно относятся к делу.

— Ладно,— согласился Равшан. Ему было стыдно, что Мулладост так заискивает перед ним.

— К обеду Анзор привезет вам два ведра винограда. Я уезжаю... А этого сорванца надо непременно наказать самым строгим образом. Стоит теперь ветру задуть, как весь цемент пойдет прахом!..

— Ладно, ладно...— торопливо согласился Равшан. Он опасался, что их разговор будет услышан ребятами.

Когда Мулладост уехал, он сказал:

— Иди, Аскар, ты лучше отдохни дома... Завтра надо ехать на пастбище.

Аскар вроде бы не услышал.

— Или займись самоваром,— предложил Равшан.— Скоро обед.

Аскар вынужден был согласиться. Нога у него болела, ходить было трудно. Проковыляв в сторону самовара, он все-таки не преминул пошутить:

— Вот теперь незаметно, что среди нас нет Анзора. Я его спокойно могу замещать.

Ребята улыбнулись этой вымученной шутке. Особенно Мунире было жалко его. В этот момент Равшан, тот самый Равшан, который всегда ей нравился, показался каким-то другим, нехорошим... Во время работы он все хотел поймать взгляд Муниры, но она делала вид, что не замечает этого. И за обедом Мунира шутила со всеми, в том числе и с молчаливым Наркузы, но в сторону Равшана не посмотрела, будто его вовсе не существовало.

Как она могла сразу так измениться, Равшан не понимал. Ведь, говоря по совести, это Равшан должен был обидеться на Аскара. Неужели и Мунира думает, что он, Равшан, виноват? Не сидел же он сложа руки, работал со всеми наравне, а тут на тебе... Он-то всегда думал, что Аскар добродушный парень. Нет, оказывается, лишь притворялся. Не так уж Аскар прост: делает все, чтобы навредить ему, Равшану. Но

для чего? В школе все было проще. По утрам они приходили и, посидев пять-шесть часов в классах, спокойно расходились по домам. Вот где, оказывается, можно узнать человека — не в школе, а на работе.

Больше всего злила Равшана холодность, с которой теперь относилась к нему Мунира. Еще вчера она часто спрашивала Равшана, что да как делать, и работала больше всех, с какой радостью! Когда Мунира собралась на речку, ему так хотелось, чтобы она никуда не уходила, а была тут, с ними рядом. Потом он не вытерпел, позвал Шахло и, заикаясь через каждое слово, объяснил, куда идти и как там найти Муниру. Аскар, оказывается, и это не упустил из виду, засмеялся, увидев идущих с реки девочек.

— Можете разгадать одну загадку? — обратился он к ребятам.

— Я могу, — откликнулась Озода.

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой Аскар. — Ну, хорошо, скажите, почему так озарилось лицо нашего Равшана?

Все стали отгадывать, но правильного ответа не дали. Тогда Аскар сам сказал:

— Так вот знайте: его лицо озарилось в лучах солнца, которое вошло со стороны реки.

Ребята засмеялись. И Равшан не обиделся на эту веселую шутку, даже, наоборот, она ему понравилась. Правда, он хотел было нахмуриться, но это не удалось, и он открыто улыбнулся, ведь ему тогда действительно было хорошо. Неужели это больше не повторится? Ну что плохого сделал Равшан, в чем его вина? Нет, здесь просто какое-то недоразумение. Так и скажет Равшан Мунире. Надо только, чтоб она была одна.

— Здравствуйте, мои ударники! — Равшан услышал веселый возглас каменщика. — Работаем, значит! Вот это я понимаю!

Ашур-ака подошел к фундаменту будущего спортзала и смотрел на аккуратно сложенные пирамиды. Одни были из

только что привезенных кирпичей, другие из тех, что были сняты с фундамента.

— Молодцы! — Каменщик Ашур-ака не мог скрыть, что доволен ребятами.— А ты, Равшан, в отца пошел! Любишь порядок!

— Только вот мы...

— Что только?

— Вот... с цементом...— замялся Равшан.— Мы не успели убрать его в мешки.

— Ба!..— засмеялся каменщик.— Яма же лучше, на носилках будете носить, зачем вам лишняя морока!.. Кому это надо?

Аскара больше всех обрадовал ответ мастера, он прошептал на ухо Мунире:

— Равшану и его дяде!..

Мунира фыркнула и закрыла рот ладонью. Посмотрела на Равшана. Нет, тот ничего не слышал. Услышал бы, наверняка обиделся. Ему без того сейчас плохо. Но, может, он уже успел обидеться? А! Какое ей дело, о чем Равшан думает. Пусть себе думает, незачем быть таким упрямым.

— Кладку начнем через час,— сказал каменщик.— Пока же все подготовим для работы, а там и другие каменщики подойдут.

— Хорошо, мастер,— ответили ему.

Тут кто-то из ребят удивленно сказал:

— Смотрите, это же сам Анзор пожаловал!

Никто даже не заметил, что к ним подъехал Анзор на своем ослике. Встретившись глазами с Шахло, он быстро отвернулся. Торопливо вынул из хурджина — переметной сумы — два больших ведра с виноградом. Поставил на землю, резво вскочил на ослика, огрел его палкой. Но ребята не дали Анзору уехать, обступили со всех сторон.

— Куда ты? Может, посидишь с нами?

Анзор вынужден был слезть с осла.

— Погоди, дай нам наглядеться на тебя,— насмешливо крикнул Аскар с места, где он колдовал над самоваром.— Куда ты так торопишься?

— Мне надо успеть, дел много.

— Да погоди... Успеешь! — Аскар встал и, прихрамывая, пошел к нему.— Ты не уйдешь, пока не выпьешь чашечку заваренного мною чая.

Увидев, что Аскар хромает, Анзор побледнел, подождал, пока тот подойдет к нему вплотную, и тут же взял его за грудки.

Аскар сразу не понял, за что так рассердился Анзор. Он хотел вырваться из рук Анзора, но тот крепко держал его, не отпускал.

— Да пусти ты меня, дурак! — прохрипел Аскар.— Задушишь.

Анзор еще больше вспылал:

— А-а, ты еще делаешь вид, что ничего не понимаешь!..

Аскар не знал, что делать. Ударить нельзя, скажут, ударил несчастного калеку. Какой он несчастный, когда готов задушить своими цепкими руками!

На помощь Аскару пришла Шахло. Она взяла у очага ковш с водой и двинулась на Анзора. Анзор уже имел дело с этой отчаянной девчонкой, он сразу отпустил Аскара, сел на ишака и погнал его, нещадно пиная голыми пятками.

Аскар крикнул ему вдогонку:

— Эй, ты, стой! Ведь меня Равшан поранил, я не хотел смеяться над тобой!

К вечеру Равшан сходил в контору. Вернувшись, сообщил Аскару, что ему выделяют машину под песок.

Аскар очень обрадовался.

— Слышишь, гостя? — сказал он Шахло.— Готовься к путешествию, завтра утром едем на пастбище.

Равшан, проходя мимо Муниры, нарочно остановился, чтобы завязать шнурок.

— Мунира... — шепнул он.— Ты сегодня... пойдешь встречать мать?..

Сердце Муниры бешено забилося. Не зная, что ответить, она повернулась к Озоде, которая в это время шла, согнувшись от тяжести ведра с цементом:

— Я тебе помогу, Озода!

Равшан весь обмяк. Он поднял голову, увидел Аскара, говорившего о чем-то с Шахло, и пробурчал про себя: «Это он виноват во всем!..»

Глава XI

НА ПАСТБИЩЕ

Взошла луна и осветила юрту, словно намазала мелом.

Оттого ли, что за юртой раздавались голоса, или оттого, что река в низине шумела этой ночью громче обычного после короткого дождя в горах, Шахло проснулась и испуганно открыла глаза. Она полежала, прислушиваясь к непрерывному лаю собак, доносившемуся издали, потом села на овчину и обняла колени.

Вот уже два дня она гостила на пастбище, в юрте отца Аскара. Ей много рассказал Аскар о пастбищах. Она пыталась себе представить, как здесь бывает в весеннюю пору. Наверно, Аскар правду говорит: эти места, такие просторные, весной становятся алыми от раскрывшихся тюльпанов и других цветов. «Алыми, как ковер»,— сказал Аскар. Может, он и приврал, но чуть-чуть. Не больше, чем обычно привирает.

Оказывается, весной тут на каждом шагу поют перепела. Даже людей не очень боятся. Они выпархивают из-под самых ног! Аскар похвастался, что одной лишь тибетейкой поймал перепела. Подкрался и накрыл зазевавшегося певца. Когда он об этом рассказывал, Джуманкул-ака, любивший больше слушать, нежели говорить, недоверчиво покачал головой:

— Тебе не кажется, сынок, что ты слегка пересолил?..

Аскар старался, чтобы его истории были интересными, оттого и присочинял. Ему неловко было, что отец заметил это.

— Странно вы говорите, папа,— сказал он.— Ведь в прошлом году я чайханщику привез целый мешок перепелов, когда у него заболела тетушка.

— Разве? И она выздоровела?

— Выздоровела,— ответил Аскар.— Мулладост сам мне сказал, что после перепелиного бульона она сразу на ноги встала.

— Вот это ты хорошо сделал, сынок,— заметил Джуманкул-ака.— Хорошо, когда получаешь благословение старой женщины.

— А-а!..— разочарованно сказал Аскар.— Разве она умеет благодарить! Она же и слова сказать не сможет. Неизвестно еще, слышит ли она. Папа, вы меня не осуждайте, но она неблагодарная женщина!

Слова Аскара показались отцу любопытными.

Он снял чайник с очага и насыпал заварки. Дал ей хорошенько настояться, затем налил чаю в пиалу и вылил обратно в чайник.

— Почему ты так считаешь?

— А так...— нехотя ответил Аскар.

— Почему, Аскар?..— спросила и Шахло.

Аскар махнул рукой: мол, ничего особенного, не стоит даже рассказывать. Потом он что-то вспомнил и глухо засмеялся.

— Рассказать? — озорно спросил он.

— Пожалуйста, расскажи!..

— Вообще-то тут ничего интересного нет,— начал Аскар с небрежностью опытного рассказчика.— Было, правда, кое-что, когда меня назначили вожатым. Вы не думайте, что пионерским, нет, мне дали двадцать, целых двадцать октября. Я, понятно, испугался, что не управлюсь с ними. Тогда я спросил у малышей, что мне с ними делать. Оказывается, самую малость: читать им вслух книжечки, сказочки рассказывать. Одним словом, стараться, чтобы им не было скучно. Я поклялся себе, что они никогда не будут скучать в моем обществе, и принялся за дело. На большой перемене я читаю им вслух про какую-нибудь царевну, а дети сидят, хотя им следовало бы погулять в школьном дворе. На маленьких переменах тоже не отпускаю, читаю или пою. Пел я всегда одну и ту же

песенку: «Книги — мои друзья». Боюсь, после моей песни они вообще возненавидели книгу. Однажды я в шутку прочитал им речитативом пять теорем и восемь аксиом из учебника геометрии. Кажется, они ничего не поняли. Смеялись, правда. Сразу было видно, что им нравится... Как-то меня поймал их учитель, когда проходил мимо, потом привел в библиотеку и выбрал одну книгу. «Вот эту книгу ты читай им, — сказал он. — Дети должны знать и прошлое своего народа, иначе им не понять будущее». Разумеется, я и эту толстую книгу читал своим подопечным. Читаю книгу, и мне самому становится грустно. Жалко было бедняков, злился, когда видел, как проклятые баи и ишаны грабили их среди бела дня. Потом я решил показать ребятам, как раньше наши деды жили. Рассказал про городской музей. А на завтра пришел к ним с учебником немецкого языка. «Пусть, — думаю, — услышат, как еще могут говорить люди». Но дети слушать меня не захотели, потребовали вести в музей. Какое им дело, что до города сто километров, им вынь да положь музей со всеми его экспонатами! Крепко я задумался. Был бы рад их повести в музей, но кто мне разрешит? Наконец я принял решение. Дай, думаю, поведу ребятшек в хижину чайханщика Мулладоста. Чем его хижина не музей? Размышляю о своем предприятии и радуюсь: ребята будут без ума от такой затеи! После уроков мы отправились в «музей». А тут сама тетушка чайханщика вышла им навстречу со своей палкой. Не успел я еще заикнуться о причине нашего визита, она как стукнет меня.

— А потом?.. — не удержалась Шахло.

— Лучше не спрашивай, — смеясь ответил Аскар. — Ребята так испугались старушки, что все разбежались. Немало я потратил сил, чтобы каждого из них найти под кустом и опять собрать. Я сказал им: «Вы сейчас видели, как в старые времена колотили бедных и справедливых людей?» Впереди всех стояла маленькая девочка с красными бантами в косичках, она ответила: «Видели». — «Ну как? — спрашиваю. — Правильно?» А бедная девочка заплакала: «Мы туда больше не

пойдем?» — «Надо, надо, — сказал я бодрым голосом. — Надо все увидеть своими глазами». Оборачиваюсь, а возле меня никого нет, ребята разбежались!

Шахло рассмеялась. Потом она вдруг вспомнила о чем-то и задумалась.

По словам Аскара и других ребят выходило, что тетушка чайханщика глухонемая. Кажется, и Салиджан-ака рассказывал, что в кишлаке жила юродивая, тоже немая. Да, да, он рассказывал, что юродивая закричала однажды звериным криком и побежала прочь, словно за ней гнались черти. Это Шахло хорошо помнит, юродивая закричала, когда отец пропавшей девочки Гюльнары упал на землю и корчился в судорогах. Может, эта тетушка чайханщика и есть та самая юродивая сестра ишанской жены? Если это так, то каким образом Шахло могла услышать разговор этой женщины? Ведь она слышала, когда забрела по просьбе шофера в хижину, слышала, как чайханщик с кем-то говорил во внутреннем дворе. С кем он мог разговаривать? Не было, правда, похоже на женский голос. Но, может, у этой сумасшедшей старухи такой низкий голос? Или во дворе кто-то еще был у них? Если юродивая из рассказа Салиджана-ака все еще жива, то она сейчас уже не юродивая, она умеет говорить. А Салиджан-ака ничего об этом не знает! Будет время, Шахло спросит чайханщика о тех, кого вспоминал недавно Салиджан-ака. Она в первый же день после своего приезда спросила об этом Муминджана-ака, но тот ничего не знал. И о письме Салиджана-ака не слышала.

— Переписку ведет Мулладост, — сказал Муминджан-ака. — Надо будет у него спросить.

Мулладост, когда она спросила его о письме, широко раскрыл глаза, будто он шел и вдруг перед собой обнаружил бездонную пропасть. Затем пожал плечами: разве упомнишь все письма? Он хотел было сказать, что незачем морочить голову взрослым людям, но промолчал, раздумал: как-никак девчонка гостя самого председателя.

— Доченька, — проговорил он шелковым голосом. — Лето

очень короткое, вы даже не заметите, как оно пролетит. Вам бы побольше играть и смеяться, отдохнуть как следует. Если хотите, я поговорю, чтобы дали машину, и вы с Равшаном поедете в горы. А там воздух, я вам скажу, доченька, прямо-таки целебный! Будь у меня крылья, разве я сидел бы здесь в кишлаке? Полетел бы в горы! Вы видели, какая там красота? Вот-вот, вы еще ничего о горах не знаете, следовательно, ничего еще на свете не видели!

— А письмо?! — перебила его Шахло, не дождавшись, когда чайханщик закончит.— Не приходило такое письмо?

— Письмо, говорите?..— Мулладост закрыл глаза, делая вид, что глубоко задумался.— Нет, доченька, не помню... Разве мы можем держать у себя такое важное письмо? Раз оно пришло, то мы должны его передать в собственные руки Муминджана-ака. Раз оно до сих пор не передано в его руки, то, думаю, его вообще не было. О, разве мы можем умолчать о важном письме!.. Письмо... Ведь письмо... Оно же священно... Оно дважды священно для меня!.. Оно... Оно же священно и для Муминджана-ака!.. И для всех нас оно священно!..

Чайханщик начал нести такую белиберду, что Шахло невольно подумала, не в крови ли у бедняги эти заскоки, раз и тетя у него сумасшедшая...

Потом Шахло потеряла надежду чего-либо добиться: Мулладост избегал ее, не отвечал даже на приветствия.

Однажды Муминджан-ака сказал ей за ужином:

— Кажется, дочка, никого из тех людей не осталось в кишлаке, кого ищет твой сосед. Ведь кишлак не тот, что был когда-то. Многие уехали, да и прибыло немало. Учительницу ту никто из старожилков не помнит. После того как она бесследно исчезла, школу открыли в кишлаке не скоро. Вот и все, что узнал Мулладост.

Через несколько дней Муминджан-ака вспомнил о другом:

— Знаешь, дочка, есть у нас на пастбищах родник со странным названием Кизбулак, то есть Девичий родник. Рядом еще много родников, но у тех нет никаких названий. Помнится, кто-то даже рассказывал мне легенду про Деву-

чий родник. Будто бы это случилось в те годы, когда организовывали наш колхоз. Вышла из этого родника синеглазая пери с золотыми волосами. Чабан, который черпал в это время воду из родника, испугался, бросил кувшин в воду и хотел побежать прочь, но не смог. вдруг ноги его стали каменными. А пери ему сказала человеческим голосом: «Пей воду из этого родника, исцелишься!.. Пусть все пьют из этого родника, ибо она священная и целебная!..» Сказала она эти слова и тут же растворилась в воздухе. И в самом деле, вода в роднике очень вкусная, хотя я не знаю, целебная она или нет. Конечно, дочка, все это сказка. Но я никак не могу понять, при чем тут наш колхоз и почему пери была синеглазой и золотоволосой девушкой? Ведь в каждой легенде есть хоть крупинка правды. Может, эта девушка вышла не из родника, а из реки? Могла же она упасть в реку и выплыть из нее где-нибудь поблизости от нашего кишлака? Теперь уж не узнаешь, поздно. А в те беспокойные годы было не до легенд... Колхозы нелегко организовывать! Словом, Шахло, когда ты поедешь на пастбище, попытайся узнать у кого-нибудь из чабанов о золотоволосой пери. Да они и сами непременно расскажут тебе ту легенду!..

За юртой что-то громко треснуло. Шахло вышла из юрты и увидела Аскара, сидевшего на корточках возле костра. Раздув огонь, он повернулся к Шахло:

— Ну что, выпалась?

— Разве уже утро?..

— Нет еще,— сказал Аскар, потирая глаза, слезившиеся от едкого дыма кизяка.— Только вечер наступил. А ты после кумыса и шашлыка сразу легла. Оказывается, любишь поспать. У тебя над ухом хоть из пушки пали, не разбудишь!

— Врешь.

— Зачем мне врать? Я голос сорвал, чтобы разбудить тебя. Кричу, зову — ты бы хоть шевельнулась.

— Для чего меня надо было будить?

— Папа хотел, чтобы ты выпила пиалу чая,— объяснил

Аскар.— А так, если ложишься сразу с вечера, утром проснешься от головной боли.

— Значит, ты для меня готовишь чай?

— Кому же еще? Я лучше выпью родниковой воды — и все! Подожди, сейчас чай будет готов.

— Нет, Аскар, мне не хочется чаю. А Джуманкул-ака где?

— Козленка пошел искать. Он заметил пропажу, когда пригнал овец.

— Ты почему же не ушел с ним?

Аскар удивленно посмотрел на нее, словно хотел сказать: «Как я тебя оставлю одну?»

— Я подумал, ты заплачешь, если вдруг увидишь, что одна в юрте.

— О!..— обиженно ответила Шахло.— Я не трусиха!

— Может, мы вместе пойдем?

— Я согласна!..

Аскар обрадовался и тут же вскочил. Он пошел за юрту и вывел оттуда оседланную лошадь. Кажется, он эту саврасую лошадь давно уже приготовил. Не успела Шахло рта раскрыть, Аскар сидел в седле.

— Садись, поедем!

Шахло оробела. Она еще ни разу не ездила верхом даже на ишаке, не говоря уже о лошади. Но вот она решилась и начала засучивать штанины. Аскар не мог удержать улыбки: зачем это делать? Конь не велосипед... Кажется, она хочет выиграть время и скрыть свой испуг. Было бы лучше, если б сейчас вернулся отец с козленком. «Хитрая ты»,— подумал Аскар о Шахло, но виду не подал...

— Может, тебе помочь?

— Нет, зачем?.. Я сама...

— Тогда быстрее!..— поторопил Аскар.

Шахло поняла, что ей не избежать езды. Она продела ногу в стремя и с трудом примостилась позади Аскара.

Саврасая, словно чувствуя тревогу Шахло, пошла плавной иноходью. Страх Шахло понемногу улегся, и она с интересом стала рассматривать окрестности. С высоты конского седла

все кажется другим. Река, бегущая в низине, извивается, как змея. Она то чернеет, то белеет при луне. А пастбище, распластавшееся между двумя горными хребтами, кажется огромной чашей.

Кругом светло. Под высохшими от солнца травами, под темными кустиками верблюжьих колючек без устали поют цикады, где-то далеко-далеко слабо урчит машина, лают собаки. Но вот и шум реки исчез за выступом холма. Стало тихо.

Лошадь шла ровной иноходью. Под копытами тихо шелестела трава и верблюжья колючка. Слегка позвякивали удила. Знай Шахло, что саврасая такая смиренная, не боялась бы. И девочка пожалела, что не согласилась, когда Джуманкул-ака предложил поехать в горы на саврасой. А теперь вот спокойно сидит на лошади, даже за плечи Аскара не держится. На сердце спокойно. Дует ветерок в лицо, а она, плотно закрыв глаза, едет...

— Ну как? — спросил Аскар.

— Счастливей ты!

— Почему?

— Ты каждое лето здесь бываешь!

Аскар то ли не услышал ее слова, то ли не хотел отвечать. Несколько раз шмыгнул носом, только потом, выдержав долгую паузу, грустно проговорил:

— Раньше я здесь часто бывал. Как на крыльях мчался сюда!

— А теперь?

— Сейчас нет... — сказал Аскар. — Пока мама была, я не мог усидеть в кишлаке. Как узнаю, что машина сюда едет, так залезу в кузов и лежу ничком, чтобы шофер не увидел. Однажды даже в пустой бочке прибыл. Мама все умоляла: «Не пропускай уроки, сынок». Сама же отвозила меня обратно в кишлак, в тетин дом... Вот уже два года ее нету... Конечно, и эта мама ничего... не могу жаловаться... и эта хорошая...

— Извини, я не знала... — шепотом сказала Шахло.

Они долго ехали молча. Шахло понимала, что нельзя утешить Аскара никакими словами. Она пожалела, что задала такой вопрос. Ведь она с первых же минут должна была догадаться! Как только выехали из кишлака, Аскар перестал шутить, сделался совсем другим человеком, грустным и задумчивым. Может, в этих местах, по которым они сейчас едут, когда-то и его мать ступала?.. Может, сын здесь ищет следы ее ног...

На глазах Шахло появились слезы. Она прикусила губу... Ей вспомнилась собственная мать. Может, и она сейчас вспоминает о Шахло на берегу Иссык-Куля, говорит папе, что она очень скучает по дочери?.. Шахло хорошо знает своего папу, тот не подаст и виду, что соскучился. Странно, почему все отцы стараются не выказать свои чувства. Стыдятся?.. И мальчики почти все такие же, кажутся степенными. К ним нужно приглядеться повнимательней. Кто скажет про Аскара, зная его вечно веселым и смеющимся, что он способен грустить?

Шахло вспомнила первый день на пастбище. Шофер оставил их у Девичьего родника и уехал, обещав захватить на обратном пути, если они захотят. Аскар побежал к роднику, окруженному большими булыжниками, и стал черпать воду руками. Умылся, утолил жажду. Шахло с улыбкой наблюдала за ним, потом и она подошла к роднику, опустилась на корточки над камнями, из-под которых ключом била вода.

— Ледяная! — сказал Аскар. — Как нож режет! Но ты не бойся, Шахло!

— Отчего это я должна бояться? — ответила она и черпнула воду руками.

Ей почему-то захотелось смеяться, и вода пролилась с губ на платье. Она сделала всего глоток, тут же по всему телу пробежала сладостная прохлада.

— Недаром пери вышла из этой воды, — сказала она. — Вот не думала, что родниковая вода бывает такая вкусная!

— Ах-ах!.. Я же тебе говорил! — покачал Аскар головой. —

Видишь ли, это даже не вода, а настоящее молоко. Только слишком студеное...

Издали послышался конский топот. Аскар встал, бросился навстречу всаднику. Следом побежала и Шахло. Когда расстояние между отцом и сыном сократилось метров на десять, Джуманкул-ака ловко спрыгнул с седла и обнял сына. Он не отпускал его до тех пор, пока Шахло не приблизилась к ним. Чабан вытер слезу шершавой ладонью и глухо проговорил:

— Соскучился по тебе, Аскар! И мать тебя долго ждала. Она только сегодня уехала. У нее отец лежит больной...

Тогда слова Джуманкула-ака показались Шахло странными: почему он не сказал, что дед болеет?..

Знай Шахло, что мать Аскару не родная, разве она произнесла бы неуместное: «А теперь?»

— Ты не устала, Шахло? — спросил Аскар.

Ему было неловко за длительное молчание.

— Ничуть.

— Когда я приезжаю на пастбище, отец мне дает эту лошадь. Она очень спокойная, на ней легко ездить.

— Да, она, оказывается, смиренная. А я боялась.

— Что ты!.. На ней можешь стоя ездить, не сбросит!.. Она очень умная!..

Вдруг внизу, в темной траве, что-то холодно блеснуло и с шипением бросилось в сторону.

— Что это? — торопливо спросила Шахло.

— Змея!.. Разве не видишь?

Шахло задрожала от страха. Ей вдруг показалось, что змея вот-вот зашипит и повиснет клубком на ноге. Она подняла ноги до самого крупа лошади, но потеряла равновесие и упала с лошади.

Ударившись, она вскрикнула пронзительным голосом. Аскар соскочил и помог ей подняться на ноги. Она вздрагивала, чуть было не потеряла сознание от страха.

— Что ты, Шахло, испугалась змей? Она же не ядовитая! Это полоз, безобидный полоз!

Шахло не могла ни думать, ни говорить, только посматри-

вала вниз. Аскар осторожно посадил ее на лошадь. Только теперь она пришла в себя и что-то пробормотала в оправдание.

— Ничего,— сказал Аскар,— ты же впервые...

Шахло думала, что Аскар начнет смеяться над ней. Но ошиблась. Он спросил заботливо:

— Сильно ушиблась?

— Нет. Просто очень испугалась.

Аскар не сел на коня, а повел его за узду. Шахло уже оправилась от недавнего испуга. Она исподволь наблюдала сейчас за Аскаром. Шел он бодрым шагом, словно смелый пастух из сказки, который спас жизнь царевне, не боясь ни дракона, ни других коварных чудовищ. Шахло завидно стало. Он даже змей не боится.

Она не знала, что в эти минуты Аскар проклинал свою недогадливость. Пустая башка, ругал себя Аскар, надо было сразу посадить ее в седло, а самому идти рядом! И зачем сказал, что это была змея? Сказал бы, что ящерица или кто-нибудь еще... Может, она обиделась? Думает, что он не умеет себя вести. Нет, какое это имеет отношение к змее? Жаль, что сейчас не бывает чудес!.. А вдруг? Вдруг, скажем, перед ними возникнет стена драконового дворца! Тогда он вызволит Шахло, нет, не Шахло, а полуживую от страха царевну, вызволит прямо из пасти злого дракона и унесет ее на руках далеко-далеко, одолевая на пути все преграды! Вот тогда Шахло поймет, какой Аскар парень!..

Он украдкой поднял голову. В самом деле, если бы не ее брючки и коротко постриженные волосы, она была бы похожа на маленькую царевну из сказки. Аскару захотелось идти под этим лунным светом со всадницей-царевной к далеким горам и непременно там заблудиться. Горы будут расти по волшебству дракона, который корчится сейчас в предсмертных судорогах у порога своего дворца. Если горы преградят путь и царевна, проливая, как это бывает в сказках, слезы, словно алмазы, спросит Аскара, как же они теперь выберутся, он ответит: «Не бойся и не плачь, царевна. Что для богатыря

мертвые горы, если он победил самого дракона!» Он возьмет царевну вместе с ее лошадью себе на плечи и, на удивление всему миру, одним гигантским шагом перешагнет через самую высокую гору... Нет, нет, пусть горы не будут расти, ведь Аскар все равно перешагнет их. Лучше, если по-другому: скажем, горы будут покрыты острыми камнями, а там, на самой вершине, его мать. Она хочет увидеть сына, но Аскар стоит у подножия босиком. Мать издали кричит ему: «Не ходи, сынок, ноги поранишь!..» Она хочет увидеть сына возле себя, но не желает, чтобы он из-за нее страдал. И царевна умоляет его (злые и хитрые царевны жили очень давно, а эта очень добрая): «Не ходи, Аскар, у тебя даже сапог нет!» Но разве Аскар будет их слушать? О, он готов всю жизнь босыми ногами ходить по колючкам, если бы мог хоть раз увидеть улыбку матери, хоть раз услышать ее голос. Как обидно, что чудеса бывают только в сказках!

— Аскар,— прервала его мысли Шахло.— Ты слышишь?

Ветерок принес к ним нежную мелодию и тут же унес. Аскар знал, что отец всегда ходит с маленьким транзистором. Только сейчас не мог понять, откуда идут звуки ная¹. Он оглянулся вокруг и заметил у подножия горы черную тень всадника.

— Это отец! — сказал он.

Когда они спустились вниз, к оврагу, и вышли на другую сторону, звуки ная усилились.

— Вы нашли козленка, ота? — крикнул Аскар.

— Нашел, вот он, негодник! Еле отыскал!

— Значит, вы в хорошем настроении, отец? — улыбнулся Аскар.

Джуманкул-ака засмеялся:

— Не тяни. Выкладывай сразу, чего вы от меня хотите?

— Отец, расскажите нашей гостье легенду о Девичьем роднике. Ей очень хочется услышать.

¹Най — музыкальный инструмент, похожий на свирель.

— С удовольствием расскажу! — согласился Джуманкул-ака.

Они повернули к юрте. На этот раз Шахло сама управляла лошадью. Прежней боязни не было и в помине. Аскар сел позади отца.

Когда доехали до юрты, костер уже погас. Пока отец относил козленка к отаре, Шахло и Аскар раздули костер. Джуманкул-ака вернулся, вынес из юрты маленький коврик, растелил его у костра...

Глава XII

ЛЕГЕНДА ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ЛЕГЕНДОЙ

— Нет, дочка, это вовсе не похоже на легенду, — начал свой рассказ Джуманкул-ака. — Между той легендой, что ты услышала у Муминджана, и теми подробностями, что я знаю, есть большая разница. Я убедился в этом, когда услышал рассказ старого горца...

— Ота, а вы мне не говорили, — обиженно произнес Аскар. Джуманкул-ака улыбнулся:

— Надо было раньше поинтересоваться. Вот Шахло хочет об этом узнать, спрашивает, а ты... Эх, давненько я тебя не видел, сынок!..

Аскар смутился и замолчал. Джуманкул-ака отпил из пиалы остывшего чая, затем, поглаживая кончики усов, погрузился в глубокую задумчивость.

— Дед Кабул поведал мне эту историю незадолго до своей кончины, — сказал он наконец. — Вместе с моим отцом он пас овец по обеим сторонам хребта. Они не расставались ни на один день, пока отец был жив. Ты знаешь, что отец мой давно умер. А потом дед Кабул постарел и плохо стал видеть, пришлось ему вернуться в свой кишлак. У него не было ни детей, ни жены. Но односельчане уважали, любили Кабула и не оставили старика без внимания. Незадолго до смерти он послал

за мной гонца. Я не стал откладывать поездку, доверил отару помощнику и поехал. Туда на машине не добраться, впереди непроходимый снежный перевал, поэтому я на коне поехал. За два дня я одолел этот путь и спустился в горный кишлак. Дом деда Кабула я нашел без труда. Он жил у подножия маленькой горы, где две горные речки сливались в одну широкую. Привязал коня к старой орешине, вошел в низкие двустворчатые ворота двора и тут же остановился, увидев посреди двора огромного волкодава с подрезанными ушами.

«Заходите! — сказал мне человек, лежавший на супе¹ под абрикосом.— Заходите, не бойтесь собаки, она не злая!»

Я внимательно пригляделся к старику. Он был маленького роста, с длинной, почти до самой груди, бородой. Я подошел ближе и поприветствовал его. Старик проговорил:

«Ты, кажется, сын Кимаанбая!..»

Я подтвердил. Мы обнялись, после чего старик посадил меня рядом.

«Я узнал тебя,— сказал он.— Твой голос напомнил мне Кимаанбая. Дай бог, чтобы жизнь твоя не была короткой, как у него. И у Кимаанбая были такие же широкие плечи. Только я плохо вижу твое лицо. Плохо вижу, сынок. У Кимаанбая, помню, был острый нос и густые брови...»

Я гостил у деда Кабула три дня. Он мне много рассказывал об отце, о годах, которые они вместе провели на горных пастбищах. Старик мало спал. Слушая его рассказы, я тоже забывал о сне. Даже ночи, почти до самого утра, мы проводили за разговорами. Я уже говорил вам, что у старика была огромная старая собака. И вот она тоже, как будто понимала человеческий язык, не отходила от супы. Из любопытства я спросил про старого волкодава.

«Этот пес большая умница,— сказал дед Кабул.— Я всегда держал волкодавов. Но самый умный и сильный из них был у меня очень давно».

¹ С у п á — возвышение, сделанное из глины во дворе.

Тут я и узнал от деда Кабула подлинную историю голубоглазой...

— Что, разве собака имела отношение к легенде? — спросил Аскар.

— Уж больно ты догадлив!.. — улыбнулся Джуманкулака. — Я тогда узнал, что это вовсе не легенда, а самая что ни на есть настоящая быль.

— Значит, та женщина была не пери?.. — спросила Шахло.

— Да, Шахло, именно так, — сказал Джуманкулака. — Никакой пери не было и в помине. Сейчас я вам расскажу все по порядку. Кабулу-ака было немногим больше тридцати лет, когда у него начало слабеть зрение. Человек он был очень сильный, выносливый, жалко было чабанам, что они лишаются такого хорошего работника. Кто-то из стариков посоветовал ему: «Ты попробуй пить только родниковую воду, говорят, она помогает». И Кабул-ака каждую ночь, когда отара отдыхала, стал ездить к роднику за несколько верст. Он увозил с собой целый бурдюк воды. Кажется, вода в самом деле помогла, состояние Кабула-ака заметно улучшилось.

Однажды в полночь он направился туда. Благо до утра было еще далеко, отара отдыхала в загоне. Огромный волкодав, привыкший к нему одному, бежал рядом. То лето было особенно дождливым. Кабул-ака на полдороге заметил, что вдали в ночном небе стали сверкать молнии. Он подумал было вернуться, но тут волкодав рванулся вперед и, отбежав шагов на сто, завыл тревожным голосом. Сердце Кабула-ака сильно забилося, и, сразу почувствовав неладное, он припустил лошадь. Собака кинулась дальше. Вот она залаяла, уставившись на противоположный берег. Потом она прибежала к роднику и спряталась за огромный камень. Кабул-ака спешил, тоже посмотрел на тот берег, но ничего подозрительного не обнаружил. Он направил лошадь к роднику, нагнул, чтобы наполнить бурдюк, но тут же услышал далекий конский топот.

На том берегу было каменистое плато, где ни трава и никакая другая растительность не росла. Поэтому туда никто не пригонял скот. Откуда там могли появиться всадники, да

еще ночью? Больше всего насторожило поведение собаки: она лежала в выжидательной позе, словно ловила момент, чтобы броситься на своего врага. Чабан на всякий случай отвел коня подальше от родника, а сам присел за камнями. Он вспомнил, как два года тому назад на их кишлак напали басмачи, грабили и жгли дома. Тогда они угнали почти весь скот. Люди ничего не могли с ними поделать. Кто сопротивлялся, тех расстреляли. И сейчас в горах беспокойно: то здесь, то там в кишлаках все еще пытаются вредить притаившиеся басмачи. Они не могли примириться с тем, что бывшие батраки создают у себя колхозы. Недавно он слышал, что в одном из новых колхозов подожгли склад, в другом покушались на жизнь председателя. Вспомнив про это, Кабул-ака встревожился.

Тем временем конский топот приближался. Обычно порядочные люди не рыщут по плато, как голодные волки, подумал Кабул-ака. Но что это такое?.. Если они так будут скакать, могут упасть в реку!.. Трудно остановить лошадь у обрыва. Прислушавшись, он понял, что всадники убавили прыть лошадей. Значит, они знают, что впереди обрывистый берег. И вот показались едва заметные силуэты двух всадников, высокого и низкорослого. Кабул-ака испугался: вдруг они заметят его коня? Но те были заняты лишь своим делом. Второпях они что-то сгрузили и потом сбросили с крутого берега в реку. Вскочив на коней, тут же ускакали. Собака больше не могла выжидать за камнями, она метнулась к реке. Кабул-ака встал, вышел из укрытия и заспешил к берегу, но, сколько ни напрягал зрение, ничего в реке не увидел. Он побежал вдоль берега, призывая волкодава. Но не увидел и собаки, даже лая не слышал. Наконец он разглядел на гребне огромных волн что-то черное. Волкодав! Его несло течением к повороту, где река, встретившись с выпирающим уступом каменистого берега, круто заворачивала налево. Кабул-ака кинулся в реку, намереваясь доплыть до собаки. Та плыла медленно. Кабул-ака поравнялся с волкодавом и увидел, что тот держит в зубах мешок. Он нырнул, чтобы взяться за

мешок снизу, но испугался, когда руки его коснулись сквозь мешок чего-то мягкого. Он поборол испуг, схватил мешок за конец и тут почувствовал, что руки его сжимают что-то круглое, похожее на голову человека. Чабан закричал от страха, вынырнув из ледяной воды:

«Помогите! Эй, помогите!.. Помогите-е!»

Голос его потонул в шуме реки. После долгих усилий, когда он и собака приблизились к берегу, Кабул-ака понял, что крики не помогут, если мешок не вытащить вовремя. Он опустил ноги на дно — было мелко. Поднять мешок он не сумел: сил не хватило. Кабул-ака поднял вверх только конец мешка, где была голова. Собака потащила мешок за нижнюю часть.

Вот и берег. Зубы Кабула-ака стучали от холода. Ему сейчас было не до себя, он вынул свой острый нож и осторожно разрезал край мешка. Пастух не ошибся: в мешке лежал человек — молодая и очень красивая женщина! Руки и ноги ее были связаны! Кабул-ака был поражен. Он вытащил изо рта женщины кляп, затем разрезал путы. Оставаться здесь было опасно. Кабул-ака подозвал лошадь, поднял женщину и кое-как взобрался на седло, затем осторожно положил безжизненное тело рядом с собой.

«Чу! — сказал он коню. — Чу!.. Все от судьбы, от нее не убежишь!»

Он поехал обратно к своей юрте. Волкодав бежал впереди легко и радостно, будто понимал, что они с хозяином сделали доброе дело. Кабул-ака наклонил голову женщины вниз. Тут же изо рта ее потекла вода.

Войдя в юрту, он опустил женщину на овчину так, чтобы опять голова ее была немного ниже туловища. Потом чабан зажег свечу и удивился больше прежнего: женщина ничуть не походила на местных! Волосы золотистые, и лицо не такое смуглое, как у наших женщин. Кабул-ака стал разминать ей руки и ноги, чтобы опять побежала по жилам кровь. Кто же она? Откуда появилась? Почему ее хотели утопить?

Всю ночь он не сомкнул глаз. Только утром, когда посветлело, женщина чуть шевельнулась. Бледная маска смерти

исчезла с ее лица. Радости чабана не было границ. Он уже перестал было верить, что она жива! Кабул-ака не мог сдерживать рыданий: «О аллах, пусть все беды обрушатся на мою голову, возьми половину жизни, что мне предстоит прожить, дай, аллах, ей всю мою жизнь, пусть она увидит светлый мир, пусть глаза ее обрадуются солнечному свету!..»

Чабан не заметил, как слезы его падают на лицо женщины. Она чуть вздрогнула, посиневшие губы шевельнулись, издали слабый стон. Кабул-ака вскочил, потом опять сел у ее изголовья. Дыхание женщины стало более глубоким. Может, она хочет пить? Он вышел из юрты, позвал оседланного коня, но, взявшись за удила, вспомнил, что отара все еще заперта в загоне. Тогда он открыл двери загона, голодные овцы тут же устремились на волю и разбрелись по пастбищу. Кабул-ака сел на коня и поскакал к роднику.

Когда он вернулся, наполнив оставленный вчера у родника бурдюк, дыхание женщины уже было ровным, но глаза все еще были закрыты. Кабул-ака капнул несколько раз на ее губы холодной водой. Женщина медленно, будто это причиняло ей острую боль, попыталась приоткрыть глаза, но нет, не смогла, не хватило сил. (Тут Шахло вспомнила, что пери из сказки открыла глаза от глотка родниковой воды, потом губы ее зашевелились, и она обрела речь.)

«Дочка!..» — произнес Кабул-ака.

Женщина открыла глаза. Они были прозрачные, голубые-голубые, а волосы, как я уже говорил, были цвета золота. Кабул-ака больше всего удивили ее глаза, таких глаз он еще ни разу в жизни не видел. Голубые, словно небо после весеннего дождя...

Джуманкул-ака замолчал. Немного спустя он проговорил: — Вот вам и легенда. Разве это похоже на легенду?

Шахло сидела не шелохнувшись и не отрываясь смотрела на рассказчика.

— Ота, это все? — спросил Аскар с волнением.

— Нет, еще не все... — сказал Джуманкул-ака. — Потом женщина пришла в себя. Кабул-ака не отпустил ее, пока она

не поправилась. Женщина благодарила его: «Не будь вас, я бы не осталась в живых. Хорошо, что родник этот есть на свете...» Сколько Кабул-ака ни спрашивал, она не сказала своего имени, не назвала места, откуда ее привезли. Женщина чего-то опасалась, хотя понимала, что чабан был честным человеком. Она даже не заикнулась о своих врагах, которые бросили ее в реку. На третий день женщина простилась с чабаном и ушла. Она сказала, что ей надо было спасти одну девочку. Кабул-ака потом долго ждал ее, думал, она вернется. Он расспрашивал других чабанов, те лишь пожимали плечами. Никакой светловолосой женщины они не видели. Многие не поверили ему. У бедного чабана не оставалось ничего другого, как ждать ее или надеяться, что когда-нибудь услышит о ней. Но ничего он так и не узнал. До конца жизни Кабул-ака помнил о той золотоволосой женщине, рассказывал о ней. Может, потому и появилась легенда? Ведь всякая история, если ее часто пересказывать, со временем становится легендой!..

— Это была она! — закричала вдруг Шахло. — Да, это была она, та самая женщина!

— Кто? О ком ты говоришь? — удивился Джуманкул-ака.

Он посмотрел на взволнованное лицо девочки. Тогда Шахло поведала им историю Салиджана-ака. Рассказала о том, как он чудом остался жив, как интересовался судьбой своих земляков, упомянула о том, что он поручил ей разузнать кое-что в кишлаке. Удивление Джуманкула-ака росло.

— Если золотоволосая женщина и есть та учительница, — сказал Джуманкул-ака, — то это случилось после того, как твой Салиджан-ака уехал из кишлака.

— Почему? — удивилась Шахло.

— Сама посуди, если учительница через несколько дней вернулась в кишлак, то Салиджан должен был знать об этом, разве не так?

— Ота, — вмешался Аскар, — а что, если учительница не сумела тогда вернуться в кишлак?

— Как это она не сумела вернуться?

— Ну, скажем, по дороге она попала в руки басмачей?

Джуманкул-ака задумался.

— Да, это вполне могло случиться,— сказал он.— Но если мы...— Он задумался.

— Что «если»? — торопливо спросила Шахло.— Что вы хотите сказать?

— Если мы попробуем кое-что узнать,— заговорил Джуманкул-ака,— о дальнейшей судьбе девочки Гюльнары? Если Гюльнара осталась в живых, то, может, она знает кое-что и об учительнице? Как вы думаете?

— Вы правы,— сказала Шахло. Она уже решила, что надо будет съездить в город за Салиджаном-ака.

— Прекрасно! — Аскар был возбужден.— Завтра же я начну ходить по домам и поговорю с каждой Гюльнарой, сколько бы их ни было.

Джуманкул-ака не мог сдержать улыбки.

— Ты сперва должен знать, сынок,— сказал он,— что той Гюльнаре, если она жива, должно быть за пятьдесят. И детей у нее, наверное, полно, так что ты должен искать ее среди пожилых.

Джуманкул-ака опять замолчал, думая о чем-то своем, потом обратился к Шахло:

— Ты не знаешь, не было ли у твоего соседа какой-нибудь неприятности до того, как он написал то письмо?

— Нет. Кажется, не было.

— Ты уверена?

— Он бы не стал скрывать от меня. Он так много мне рассказал.

— Верно, Шахло. А ты не знаешь, о чем он писал в киш-лак?

— Он говорил, что в письме упоминал имена нескольких ребят, своих одноклассников, да еще той женщины, их учительницы. Его особенно интересовала судьба Раисы Максимовны.

— Занятно,— сказал Джуманкул-ака.

— О чем вы? — не понял Аскар.

— Ты сам подумай,— сказал его отец,— ведь все слишком странно. Ответ на письмо был брошен в почтовый ящик у его

дверей. Значит, кто-то специально приходил к Салиджану-ака. Ведь можно было просто отправить письмо по почте, если они ничего не узнали о судьбе тех людей. Мне кажется, что человек, который писал ответ, почему-то не хотел воспользоваться почтой. Это очень странно.

— Значит, вы думаете...— Шахло насторожилась.— Кажется, и Салиджан-ака говорил то же самое...

Джуманкул-ака поспешил ее успокоить:

— Нет, дочка, ты не думай плохое. Может, тут нет ничего общего. Кто его знает!.. Ведь сколько лет с тех пор прошло, неужели это возможно, чтобы могли преследовать человека за старое? Все это я говорю потому, что Аскар собирается искать Гюльнару. Мне кажется, что ему не надо спешить. Раз уж на то пошло, то надо искать ее осмотрительно, без лишней суеты. Нет, я не хочу сказать, что вам могут помешать, нет, чтобы зря не волновать людей.

Когда легли спать, Шахло не могла сомкнуть глаза. Она лежала и слушала, как Аскар и отец говорили о песке для строительства школьного спортзала. Отец уверял, что здешнего песка хватит на стройку целого города...

Шахло приснился странный сон: светлый-светлый день, только без солнца. Над головой плыла большая, как медный поднос, луна. Шахло крикнула в небо: «Почему это луна так ярко светит?» Тут издали донесся ответ. Звучный, приятный, как пение ная, голос произнес: «Я этого пожелала!»

Шахло не могла сразу понять, откуда идет голос, и ози-ралась вокруг, потом увидела вдалеке ту самую голубогла-зую и золотоволосую женщину — пери из легенды! «Значит,— подумала она,— это сделал Аскар, он знал, что женщина здесь будет, он даже пришел с бурдюком и успел окропить ей лицо студеной родниковой водой! Иначе она не могла бы обрести человеческую речь!..»

«Не удивляйся, Шахло,— сказала пери.— Не Аскар, а сам Кабул-ака оживил меня водой! Ты посмотри на Аскара, на этого проказника, я его усыпила».

И в самом деле, Аскар спал, подложив под голову огром-

ный бурдюк. Он громко храпел. Шахло испугалась: а вдруг он больше не проснется! Ведь в сказках так бывает: заснешь и не проснешься! Шахло в испуге стала тормошить Аскара.

«Не надо, ты не сможешь,— сказала золотоволосая пери тем же приятным голосом.— Я сама его разбудю, но сейчас я хочу с тобой поговорить. Он не должен знать нашей тайны. Пусть спит. Не бойся меня, Шахло, подойди поближе!»

«Я не боюсь! Почему я должна вас бояться? — ответила Шахло, хотя ей было страшно.— Вот видите, я уже иду к вам!»

Шахло сделала шаг в сторону пери, но тут ее ноги оторвались от земли, она полетела, будто у нее выросли крылья, и вмиг оказалась возле голубоглазой. Та была очень красивая, ласково улыбалась! И глаза у нее были добрые-предобрые. Шахло старалась запомнить каждую черточку ее лица, чтобы потом рассказать о ней Салиджану-ака, когда будет в городе.

«Ты ведь меня искала?»

«Да, искала,— ответила Шахло, и слезы подступили ей к горлу.— Знаете, что Салиджан-ака так часто говорит о вас!..»

Пери улыбнулась, голубые глаза ее засияли.

«Салиджана помню,— сказала она.— Он все такой же хороший мальчик?»

Шахло не осмелилась возразить, что Салиджан-ака давно уже не мальчик, у него вон даже волосы поседели.

«Скажите, а где Салиджан-ака вас может найти? — спросила она.— Он вас давно ищет!»

Тут неожиданно донесся топот коней.

«Они опять за мною! — испуганно воскликнула пери и бросилась в реку. На миг она вынырнула из воды.— Скажи Салиджану, пусть он ищет меня здесь, в этих местах!»

И исчезла, забыв разбудить Аскара, спавшего волшебным сном у родника. Он храпел пуше прежнего. Шахло схватила бурдюк и всю воду вылила на его голову, но тщетно!

«Вставай, Аскар! Вставай, Аскар!»

Она в отчаянии заплакала...

— Эй, Шахло, проснись! Чего ты всхлипываешь?.. Что-нибудь приснилось?..

Она открыла глаза и увидела над собой испуганного Аскара.

— Ты уже встал, Аскар?! — Она облегченно вздохнула и вытерла мокрые глаза.

...В полдень нагруженная песком машина увезла Шахло и Аскара обратно в кишлак. Джуманкул-ака смотрел им вслед, пока машина не скрылась за холмом.

Глава XIII

«ЗРЯ ЕГО ВЫГНАЛИ, СЫНОК...»

Равшан не ошибся в своих предположениях. Много оказалось желающих поработать на стройке. Из тех, кто остался на каникулы в кишлаке, пришли помогать почти все. На стройке было интересней, можно и поработать, и поговорить, и перекинуться шуткой. Словом, тут были свои люди.

Убедившись, что школьники всерьез принялись за дело и трудятся на совесть в такую изнурительную жару, председатель освободил Мулладоста от работы в конторе и послал на стройку, чтобы тот готовил им еду. Хорошо, что Мулладост согласился. Кажется, и ему не хотелось, чтобы строительство затянулось до будущего года.

— Можете мне поверить,— сказал он председателю,— сам присмотрю за работой. Да и тетя у меня уже неделю как захворала, так что мне будет легче: и дом и работа рядом.

Однажды в правление пришел каменщик Ашур. Председатель обрадовался. Появление здесь мастера было как нельзя кстати. Председателю только что сообщили, что на хлопчатниках шестой бригады появилось много сорняков, он думал сперва поехать на стройку, а потом заглянуть к бригадиру

шестой. Теперь он мог бы и не идти на стройку. Каменщик пожал руку председателю и присел на край топчана. Он неохотно принял предложенную ему пиалу чая.

— Ты что, Ашур, с левой ноги встал? — спросил председатель, удивляясь хмурому настроению мастера.

— Я пришел с тобой поговорить, Муминджан. Ты вот мне скажи, ведь мы с тобой росли на одной улице, были вместе с малых лет...

— Я, кажется, об этом еще не забыл.

— Не знаю... Но ты сперва меня послушай. Если ты помнишь, мы с тобой работали на одной стройке. Так ведь? Потом, когда тебе дали колхоз, ты позвал меня. Я не мог отказать, думал, друг ты мне, обидишься, если откажу. Переехал сюда со всей семьей. Почти половина колхозных домов — дело моих рук, я их строил. Кажется, еще ни разу не хитрил на работе. Так? Не присвоил себе ни одной щепки, ни одного кирпича. Так ведь? Или ты что-нибудь замечал за мной?

— Нет, не замечал. Ты честно работаешь, Ашур. — Муминджан-ака все еще не понимал, к чему клонит каменщик.

— Значит, ты все-таки считаешь, что я честно работаю? — спросил мастер. — Коли так, то, будь любезен, объясни, почему прислал к нам этого надсмотрщика?

— Э! Ашур, зачем так? — обиделся председатель. — Ты хоть думаешь, что говоришь? Ведь Мулладост хороший повар. Еду будет готовить ребятам...

— Это другое дело, — прервал каменщик. — Вот ты ему и скажи, чтобы он не отходил от своего очага. Пусть не вмешивается в мои дела. Мне неудобно, Муминджан. Руки мои еще не знали кривды. Пусть он мне не мешает работать.

— Чего ты так взъелся на него? Объяснить можешь?

— Я по ребятам вижу, Муминджан. Они не в духе. Я даже спросил у них за обедом, почему они такие понурые ходят. Э-ге! Много у них накопилось на душе по твоей милости! Они не хотят только таскать кирпичи и месить глину, хотят сами строить. Просят меня научить ремеслу. Я, Муминджан, обра-

довался их словам. Пожалел, что в голову раньше не пришла такая мысль. Надо было самому догадаться.

— Неплохо, совсем даже неплохо,— сказал председатель, радуясь заинтересованности ребят.

— И я начал. Ученик кладет один кирпич, а я — другой. Кладка вышла неплохая. Видел бы ты их после работы, взгляда от стен оторвать не могут. Ведь они это сделали собственными руками! Но тут твой проклятый надсмотрщик вмешался. Подошел и начал кричать: «Вы что, мастер, хотите сорвать работу? Такими темпами мы никогда не закончим строительство!» Я промолчал, а однажды, когда Равшан принялся за кладку, оказалось, что один кирпич чуть выпирает наружу. Я, конечно, сделал ему замечание, говорил о чистоте дела. А тут опять этот Мулладост крикнул со своего места у очага: «Вы, мастер, не ругайте сына председателя, вам должно быть стыдно!» Ты сам скажи, Муминджан, что это такое?

— Он плохо поступил, сказав это при всех,— заметил председатель.

— А что, надо было тайком сказать? — мастер не понял его.

— Нет, я не о том... — смутился председатель.

Сейчас он был сердит на Мулладosta: очень нетактично тот поступил с мастером. Но в душе был согласен с чайханщиком. И верно, Ашур со своими уроками может затянуть срочное дело. Все это надо было объяснить мастеру, но каким образом? Вдруг он обидится?

— Значит, ты недоволен Мулладостом,— сказал он.— Это ты оставь мне, я ему задам, больше пикнуть не посмеет! А что касается Равшана, знай, я не делаю различия между собой и тобой, можешь его поругать, если он того заслуживает. Но, мастер, если ты будешь возиться с каждым учеником, не затянется ли работа?

— Яснее!.. Что ты хочешь этим сказать?

— Пусть они пока учатся глазами...

— А руками когда? — спросил каменщик.— Когда руками будут учиться? Они сейчас, Муминджан, похожи на поток, их

надо вовремя направить, а то они будут кипеть и бурлить попусту, растекутся, куда им заблагорассудится. Если ты их направишь правильно в одно русло, образуют широкую полноводную реку, и цветы в степи будут цвести, как в песне поется.

— Согласен с тобой,— проговорил Муминджан-ака после некоторых размышлений.— Но боюсь, что немало времени понадобится, пока ты их направишь в русло. Скоро школа откроется, а там уборка хлопка...

— Ясно, вот о чем ты горюешь! — сказал мастер.— Тебе на руку их энтузиазм, с их помощью хочешь закончить это строительство, ничего не давая им взамен? Ведь ты сейчас не используешь рабочую силу колхозников.

— Так, Ашур, именно так, мы только выиграем таким образом,— сказал председатель.— Помнишь, сколько в прошлом году собрали хлопка эти ребята?..

— Так... так... Значит, ты заботаешься лишь о плане? Но я должен тебе сказать, что тут только твой выигрыш, а не наш!

— Почему?

На морщинистом лице мастера появилась ироническая улыбка.

— Они тебе помогают, а ты им не даешь ни черта! — сказал он.— Жаль, Муминджан, я-то думал иначе. Значит, зря я обиделся на твоего надсмотрщика.

— Ты это слишком, Ашур!..

— Будь здоров, Муминджан!

Мастер с несвойственной его летам ловкостью спрыгнул с топчана и быстро зашагал прочь. Он даже не оглянулся. Председатель хотел было остановить и объяснить все, но потом передумал: он хорошо знал горячий характер мастера. «У тебя, Ашур,— подумал председатель,— одна только забота — здание, а моя голова занята делами всего колхоза».

Когда мастер и председатель спорили, на стройке случилась еще одна история.

Подъехала машина, нагруженная песком, и из кабины вы-

шли Шахло с Аскаром. Увидев ребят, Аскар весело проговорил:

— Они уже за обед сели. Побежали, малика!¹

Шахло смутилась. Аскар понял свою оплошность и покраснел.

— Послушай, Аскар,— сказала она, замедлив шаги.— Что за привычка называть людей чужими именами? У меня есть свое собственное имя!

— Последний раз! — Аскар поднял обе руки в знак полной капитуляции.— Пошутил!

Шахло уже начала понимать, что это не совсем шутка.

— Привет строителям! — крикнул Аскар.

Никто не ответил, посмотрели на него отчужденно. Мунира обняла Шахло и посадила рядом с собой. Аскара даже не пригласили сесть. Он остался стоять на виду у всех и, не зная, что делать, воскликнул:

— Ого! Вы много успели за это время!

Опять все промолчали. Кто-то даже презрительно фыркнул. Аскар только теперь увидел Анзора, который копошился у очага. Вот он наполнил из самовара четыре чайника и принес их своим одноклассникам.

— Что так смотришь? — спросил он Аскара.— Разве ты меня первый раз видишь?

— Нет, кажется, и раньше мы с вами где-то встречались,— рассмеялся Аскар.— Да, да, припоминаю... Это есть тот Анзор, с кем мы вроде бы учились в одном классе. Только ты, Анзор, великодушно прости: трудно тебя узнать без постоянного спутника. Где же твой мудрый осел?

Равшан, до сих пор сидевший молча, вскочил на ноги.

— Брось свои дешевые шуточки! — крикнул он Аскару.— Думаешь, умнее всех и можешь кого хочешь провести за нос?! Ну, пошли со мной.

— Куда?

— Пойдем, увидишь!

¹М а л и к á — женское имя, нарицательное значение слова — царевна.

Равшан пошел в сторону строящегося здания.

Аскар стоял в недоумении, как понять слова Равшана. Он даже пожал плечами. Тут раздался голос Миркабула, самого кроткого и самого сильного в их классе человека:

— Иди, чего стоишь как столб!

— Анзор, зря ты оставил своего осла,— сказала Озода.

— Чего о нем вспомнила? — удивился Анзор.

— Мы бы посадили на него Аскара лицом назад и повели в контору колхоза!

Шахло не могла понять, почему ребята так враждебно встретили Аскара. Она спросила у Муниры:

— Что случилось?..

Мунира в ответ только вздохнула.

Когда Аскар последовал за Равшаном, все встали словно по команде. Аскар обошел пирамиды кирпичей и остановился возле Равшана.

— Что это такое? — спросил тот, подбоченившись.

Аскар ничего не понял.

— Я тебя спрашиваю, что это такое? — Равшан носком ботинка указал на яму.

Аскар посмотрел и увидел, что с одного края цемент затвердел. Он обошел яму.

— Тебе лучше знать, Равшан.

Лоб Равшана покрылся холодным потом. Глаза его округлились от гнева, он даже не заметил, как вцепился в рубашку Аскара.

— Что ты сказал?!

— Убери руки, ненормальный!

— Нет, ты повтори свои слова!

Равшан крепче стиснул Аскара, хотя тот ничуть не сопротивлялся. Аскару все еще было невдомек, что происходит.

— Ты с ума сошел, Равшан! — закричала Шахло во весь голос.

Крик Шахло совсем вывел из себя Равшана. Он хотел ударить Аскара, но подоспевшая вовремя Шахло с неожиданной силой схватила его за руку. Равшан оттолкнул девочку. Шах-

ло упала бы, если бы Озода и Миркабул не поддержали ее сзади. Только теперь Равшан немного опомнился, увидев бледное лицо Шахло.

— Ты, Равшан, слишком разошелся,— заметила Озода.

— И ты его защищаешь?

— Не надо,— сказал Миркабул.— Зачем драться, когда можно по-человечески поговорить. Аскар виноват, и мы ему должны сказать в лицо, а не набрасываться с кулаками.

Равшан хотел что-то возразить, но промолчал. Потом махнул рукой: мол, делайте что хотите.

— Что с тобой, Равшан? — спросила Озода.

Тот опять махнул рукой и отвернулся.

В это время из своего дворика вышел Мулладост. Он обвел Аскара враждебным взглядом, потом, морщась и качая головой, как бы сожалея о чем-то, приблизился к Равшану:

— Мастера вы не видели?

— Его нет, ушел. Сказал, чтобы мы пообедали без него.

— Куда бы он мог уйти?..

Равшан пожал плечами.

Все рябята стояли возле Аскара и Миркабула.

— Ты сам все видел, Аскар,— начал Миркабул.— Может, вспомнишь, что тут раньше было?

— Раньше яма была,— ответил Аскар, потом взглянул себе под ноги.— Да, яма.

— А в яме что было, помнишь?

— Цемент.

— Значит, цемент,— вмешалась Озода.— Вспомни, по чьему совету мы его выгрузили в эту яму.

— Я предложил.

— Молодец! — сказал Меликузы.— И он не стыдится об этом говорить!

— Тише! — Миркабул опять обратился к Аскару.— Теперь скажи, зачем ты залил его водой? Ведь знал, что цемент испортишь?

— Кто залил?

— Ты! — ответили все хором.

— Кто-о?! Я?! Когда это было?

— Не хитри, Аскар. За день до отъезда на пастбище тебя здесь видели ночью, между десятью и одиннадцатью.

Аскар весь обмяк.

— Ребята,— сказал он чуть не плача.— Поверьте, я не делал этого.

— Ты лучше скажи,— вмешался вновь пришедший Равшан.— Где ты был в ту ночь?

Воцарилось тягостное молчание. Аскар покраснел, опустил голову. Потом он исподлобья посмотрел на чайханщика.

Ребята следили за Аскаром, поэтому никто из них не заметил, что Шахло стоит вся в слезах, бледная и взволнованная. Почему Аскар молчит? Отвечай же им! Скажи, что был дома! Где ты мог еще быть, если не дома?

— Я был здесь,— сказал наконец Аскар, не поднимая головы.— Да, именно здесь.

Шахло не могла больше выдержать.

— Ложь! — крикнула она.— Ведь это ложь, Аскар!

— Вы откуда знаете, гостья? — ехидно заметил чайханщик.— Он сказал правду. Он был здесь. Я сам видел его, даже бежал за ним, только не смог поймать. Годы уже не те.

— Аскар! — Шахло все еще не хотела верить.— Нет, тебя здесь не было? Ведь так?

— Я был здесь,— ответил Аскар.— В ту ночь я был здесь. Но к арыку и яме даже близко не подходил.

— Не подходил, говоришь? — спросил Равшан.— Тогда скажи, почему ты бежал от Мулладогста, если не был виновен?

Аскар ответил со странной, вымученной улыбкой:

— Этого я тебе не скажу, Равшан! Убей меня, не скажу!

Равшан усмехнулся:

— Хорошо, можешь не признаваться. Нам и без твоего признания все ясно. В тот день мы с тобой немного повздорили. Я тебя нечаянно поранил. Ты все сделал лишь затем, чтобы мне отомстить. Или не так? Попробуй-ка возразить!..

— Эх ты!.. Было бы за что мстить! Тебе мстить! Не слишком ли ты о себе возомнил, великий человек!

Но Равшан не слушал.

— Мы решили тебя выгнать из отряда строителей! — сказал он.

— Делай что хочешь, — ответил Аскар безразличным голосом. — Я рад буду тебя не видеть.

Аскар пошел в сторону реки. Озоде стало его жаль: Аскар такой веселый и трудолюбивый — и вдруг так опозорил себя! Кто мог бы подумать, что он способен на такое?

— Жаль, что я не привел осла, — громко сказал Анзор, чтобы Озода услышала, — а то бы мы его могли посадить!..

Аскар замедлил шаги, оглянувшись.

— Это тебя посадят на осла лицом назад! Запомни!

Анзор в ответ громко засмеялся.

Шахло была потрясена происшедшим. Ей совсем стало не по себе, когда над Аскаром начал издеваться Анзор. Она сердито махнула рукой на ребят и побежала за Аскаром.

— Стой! Зачем за ним бежишь? Пусть уходит!.. — крикнул Равшан ей вдогонку.

Анзор захохотал.

Нартаджи, самый смирный человек на свете, тихо промолвил:

— Еще друзьями называемся. Чужая девчонка намного лучше нас. Может, Аскар вовсе и не врет...

— Да, да, он не врет! Он святой человек, сотканный весь из лунного света! — грубо оборвал его Равшан. Ему досадно было, что Шахло не послушалась его и побежала за Аскаром. Хоть бы чуточку гордости!..

Вдали показался каменщик Ашур. Он выглядел удрученным от неприятного разговора с председателем.

* * *

Аскар брел к реке. Мысли его метались в беспорядке, словно после тревожного сна. Не осталось и капли от недавнего

напускного безразличия. Какой же подлец хочет опозорить его? За что? За безобидные шутки? Может, это Анзор назло всем сделал? От него можно ожидать. Он своими поступками, даже словами похож на отца. А отца его, садовника, никто в кишлаке не любит. Аскар еще ни разу не видел, чтобы тот хоть раз в жизни улыбнулся. Да и говорить он с людьми не желает. Спросишь о чем-либо, так ответом будет лишь «да» или «нет». Сам он пока еще не старый. Высокий, тощий человек, ходит чуть ссутулившись, будто он что-то потерял и хочет найти. Все его привычки, даже манера время от времени боязливо оглядываться, перешли к сыну. Интересно, что Анзор делает на стройке? Ведь он поклялся перед всеми, что ноги его здесь не будет. Или Равшан уговорил? Нет, тот любит не просить, а приказывать. Скорее всего, чайханщик поговорил с Анзором, чтобы им быть вместе. Постой, постой, почему непременно Анзор пустил воду? А что, если сам чайханщик? Не-ет, не должно быть. Ведь Мулладост сам съездил тогда за цементом. Наверное, кто-нибудь сделал это нечаянно и теперь вина пала на Аскара. Почему так не может быть: ну, скажем, юродивая чайханщика вышла из дому и открыла воду? Какое ей дело до цемента!..

— Аскар!

Он обернулся на крик и не поверил своим глазам: его догоняла Шахло! Нет, вовсе нет, она не царевна. Она своей храбростью и прямоотой похожа на богатыря из сказки, который всех поразил в битвах. Вот недавно, когда Равшан бросился на него, кто из ребят пришел ему на помощь? Можно было подумать, что все уверены, будто Аскар виноват. Попытайся кто-нибудь защитить его из своих ребят, он бы им все рассказал. Не ушел бы от них. Нет, вряд ли он им рассказал... Ни за что не рассказал бы даже под острием меча!..

Шахло подбежала к нему и остановилась. Глаза ее были влажные.

— Аскар... ты ведь...— Она не могла отдышаться от бега.— Ты ведь не сделал этого?

— Нет, Шахло, не сделал.

Аскар произнес так просто, что Шахло сразу успокоилась. До этого у нее еще было сомнение: она видела, что ребята все до одного не верили Аскару.

— Я тебе верю, Аскар.

Они молча пошли рядом. Приблизились к холму, бегом взобрались на вершину. Внизу шумела река. Они немного постояли и спустились.

Вдруг Аскар увидел красное яблоко, которое несло по волнам. Вот оно подплыло к берегу и попало в водоворот. Аскар отломил ветку ивы и, засучив брюки, вошел в воду. Он подтянул к себе яблоко, бросил его Шахло.

— Лови!

— Спасибо, Аскар!

— Даровое яблоко, не стоит благодарности.

— Аскар, можно тебя спросить? — сказала Шахло, надкусив яблоко.

— Конечно! Но если ты хочешь повторить недавний вопрос, я ничего тебе не скажу.

— А ты скажи.

Аскар сел рядом с Шахло. Некоторое время они молча смотрели на мутные воды, прислушиваясь к глухому плеску волн. Потом Аскар повернулся к Шахло и грустно покачал головой:

— Я туда ходил, ходил за другим, нет,-нет... Об этом не могу сказать, ты лучше не спрашивай... Потом скажу тебе одной... Пока не могу сказать, Шахло...

— Ладно, как хочешь.— Шахло не хотела мучить его своими расспросами.— Ты завтра пойдешь на стройку?

— Нет, что ты!..— Аскар грустно улыбнулся.

— Ведь Равшан сказал это из-за злости на тебя.

— Пусть. Нет, я не могу идти.

— Что ты будешь делать?

— Еще не знаю.

— Может, вернешься к отцу?

— Нет, туда нельзя,— твердо сказал Аскар.— Я должен

найти клеветника. Нельзя это так оставлять. Вот увидишь, я его найду!

— Ты один хочешь его найти?

— Почему же?.. Ты мне поможешь.

Искренность Аскара обрадовала Шахло. Она уже начала было думать, что Аскар и ее подозревает в недоверии. От души она готова была помочь ему, лишь бы Аскар опять вернулся к ребятам и мог прямо смотреть им в глаза.

— Только я тебя прошу об одном,— сказал Аскар.— Ты пока никому не говори то, о чем рассказал нам отец.

— И дяде Муминджану?

— Он может проговориться случайно, а чайханщик будет стараться помешать нам...

— Да, ты прав,— задумалась Шахло.— Так будет лучше. И мне этот чайханщик не нравится.

* * *

...Тутихан-апа, жена председателя, с самого утра ждала Шахло. Услышит чьи-то шаги на улице, сразу перестанет работать и глядит на калитку — не вернулась ли девочка? Вот уже несколько дней минуло, как гостя уехала на пастбище. Там все-таки не кишлак, некому будет за ней ухаживать. По ночам, говорят, даже прохладно бывает, простудиться можно.

Когда Шахло вошла, Тутихан-апа поспешила ей навстречу, обняла и поцеловала, как родную. Шахло не думала, что ей так обрадуются. Совсем как родная мать. Если мама не видит ее долго, вот так же выбегает навстречу, обнимает и глядит в лицо, будто впервые видит ее. Может, оттого, что обе женщины были чем-то схожи, Шахло чувствовала себя здесь как дома.

Тутихан-апа повела ее на веранду, усадила возле хантахты! постелила скатерть и положила перед ней конфеты, яблоки, виноград. Потом она принесла целую миску сливок. Увидев

¹Хантахтá — низенький столик.

все это, Шахло почувствовала, что она с утра еще ничего не ела, и с аппетитом принялась за еду...

— Там тебе понравилось, Шахло? — заметила Тутихан-апа, глядя на ее загоревшее за несколько дней лицо. — Ты только сейчас приехала?

— Нет, я была на стройке, — ответила Шахло.

— Надо было сразу нам показаться. Ты не делай так больше... Сперва поешь, потом уж можешь идти куда хочешь, — пожурела ее Тутихан-апа.

— А мы песок привезли, — сказала Шахло. — Джаманкул-ака говорит, что песка на дне реки хватит надолго. Он такой светлый, чистый. Блестит!..

— Наконец-то наша гостья пожаловала!

Шахло обернулась и увидела Муминджана-ака и Равшана. Они быстро умылись, подсели к хантахте.

— Легенду ты уже знаешь? — спросил Муминджан-ака.

Шахло чуть было не рассказала об услышанном от чабана, но тут же вспомнила предостережение Аскара и прикусила губу.

— Да, он рассказал ту легенду, — кратко ответила она.

Равшан вел себя будто ничего не произошло. Увидев синяк на его руке, мать испуганно спросила:

— Что случилось, Равшан?

Равшан подмигнул Шахло — мол, все равно мама не поверит — и с напускной сердитостью сообщил:

— Это все Шахло. Она там знаешь как научилась драться!..

— Ты зря на нее наговариваешь!.. — беззлобно рассмеялся Муминджан-ака. — Наверное, на стройке ушиб руку?

— Не шути, сынок, Шахло никогда так не сделает!.. — недовольно сказала мать.

Равшан улыбнулся Шахло: вот видишь, они все равно не верят. Кажется, он боялся, что Шахло расскажет отцу про недавнюю ссору с Аскарком. Муминджан-ака не любил драчливых, даже ссориться при нем нельзя.

Все поздно легли спать. Разместились во дворе. Шахло

лежала рядом с Тутихан-апа на большом топчане и смотрела на звезды. «На пастбище они ярче и крупнее»,— думала она. Потом Шахло услышала обрывки разговора между отцом и сыном, которые устроились на супе...

— Папа, а папа,— тихо подал голос Равшан.— Вы слышали?..

— Я уже знаю об этом.

— Откуда?..— удивился Равшан.

— Мне Мулладост сказал,— ответил Муминджан-ака.— Нет, сынок, вы зря Аскара выгнали. Да, зря...

Равшан замолчал. Он был удивлен словами отца.

Шахло лежала без сна и думала про Аскара: «Странно, почему он тогда ночью ходил туда и никому, даже мне, об этом ни слова не сказал?..»

Глава XIV

ТАИНСТВЕННЫЕ ДЕЛА

Аскар медленно брел по оврагу, пока не вышел к пустырю. Потом он сел у плакучей ивы, прислонившись к ней спиной. Отсюда уж все видно: местность открытая, все освещает луна. Ни одного дерева, ни дома — пусто. Теперь Аскару предстоит пройти оставшиеся несколько сотен метров по пустырю до самого дворика чайханщика, чтобы его не заметила ни одна живая душа. Но это легко сказать. Чайханщик стал подозрительным, по ночам часто выходил из дому и подолгу стоял на улице, будто собирался всю ночь караулить. Иногда он шел на стройплощадку и там исчезал. Вот бы узнать, чем он там занимается? Может, ему не спится по ночам, потому что беспокоится о строительстве, думает, что работа слишком затянулась?

Еще вчера Аскар хотел пробраться к Мулладосту, но не решился. Отсюда, от этой ивы, вернулся обратно домой. Вообще-то он хорошо сделал, что не пошел: наверняка столк-

нулся бы с чайханщиком. Не успел Аскар отойти от ивы на десять шагов, как чайханщик вышел из своего дворика. Он был не один. За ним двигалась его юродивая тетка. Они долго сидели у порога на бревне. Потом тетка вернулась домой. А Мулладост минут сорок бродил по пустырю.

Но сегодня Аскар во что бы то ни стало выполнит задуманное. Поэтому он терпеливо ждал, пока кругом стихнет. Он посмотрел на мост, потом на калитку чайханщика. Крадучись пошел по пустырю. Но вынужден был вернуться: как назло, на холме у берега появилась Мунира. Кажется, она пришла ждать свою мать. Внизу показался Равшан; он только несколько минут смотрел на холм, где сидела Мунира, но подняться к ней не решился и ушел к себе домой. «Если мать Муниры дежурит на четвертые сутки,— подумал Аскар,— то завтра Шахло должна у нее ночевать». С того дня он ни разу не видел Шахло. Хотел еще днем сходить на стройку. Но передумал. Он живо представил себе, как это будет неприятно Равшану. Да еще этот болван Анзор наверняка заржет от удовольствия, если его опять начнут упрекать.

Гул мотора прервал мысли Аскара. Он посмотрел на другую сторону реки, где по дороге мчалась на большой скорости грузовая машина. Вот она уже у моста. Неужели это тот самый грузовик, который помешал ему подкрасться поближе к пустырю? Значит, он опять не сможет пройти? Похоже было на то. Машина уже переехала мост и свернула в сторону! Та самая машина, нет сомнения!.. Нет, постой, почему машина должна ему помешать, скорее даже, наоборот, она поможет ему, еще как поможет!

Сердце Аскара забилося быстрее от внезапного решения. Он глубоко вздохнул, чтобы немного успокоиться, и, как только машина повернула к дому чайханщика, вышел из своего укрытия. Машину он догнал, когда она медленно ехала по пустырю, и повис на заднем борту. Вот здорово, подумал он, теперь его никто не увидит. У дворика чайханщика он отцепится и пробежит несколько метров до стены, где можно будет спрятаться от глаз Мулладоста.

Как только грузовик притормозил, Аскар спрыгнул и спрятался в тени дувала. Нащупал в темноте толстую лозу винограда и вскарабкался по ней на крышу кухни. Там, затаив дыхание, он лег на живот. Сердце билось тревожно, словно хотело выскочить из груди.

Аскар несколько минут лежал неподвижно, потом приподнял голову и увидел перед собой пару зеленых огненных глаз! Чуть не закричав от страха, он пополз на животе назад, подальше от этих горящих точек. Он вовремя спохватился, почувствовав под ногами пустоту. Еще немного, и упал бы с крыши. Аскар понял, что перед ним лежал огромный пушистый кот, и немного пришел в себя. Кот не спеша, словно бы недоволен тем, что его так бесцеремонно выгоняют из облюбованного места, убрался прочь.

Оставшись один, Аскар оглядел крышу. Отсюда можно увидеть добрую половину дворника. Жаль, не рассмотришь, что происходит дома. Аскар подполз к дымоходу, возвышавшемуся над кухней. За ним можно было надежно укрыться. Увидев над собой грозди винограда, Аскар улыбнулся (вот неплохо бы полакомиться), потом опять посмотрел на калитку. Почему-то чайханщик и шофер долго задержались на улице. Аскар испугался, что шофер уедет.

Нет, зря, оказывается, он беспокоился, на клочке земли у калитки показались две тени: одна длинная — шофера, а вторая короткая — чайханщика. Хозяин и гость вошли во дворик. Шофер присел на край супы, что была хорошо видна с крыши. Чайханщик несколько минут говорил, стоя перед гостем, потом тоже сел рядом.

Мулладост был взволнован и говорил отрывисто. Но о чем шла речь, разобрать было невозможно. Вскоре шофер направился к калитке.

Заурчал мотор, и машина уехала. Прошло еще минут десять. Шум машины слился с шумом реки. И вдруг Аскару почудилось, будто голос чайханщика донесся из внутреннего дворика. С кем же он говорит? Аскар не поверил своим ушам, прислушался повнимательней: нет, он не ошибся, в самом деле

из внутреннего дворика слышались голоса. Потом говорившие, кажется, вошли в дом, и стало тихо. Аскар долго еще сидел на крыше, пытаясь разгадать услышанное.

...Назавтра он все же не вытерпел и пошел на стройку. Издали услышал смех ребят, увидел, с каким старанием они трудятся, и с завистью подумал: «Вот счастливики, уже на лесах работают! Наверное, они сейчас чувствуют себя канатоходцами!» Вон Нартаджи своей медвежьей походкой идет с раствором к каменщику. Вылил из ведра содержимое и двинулся обратно, чуть ли не прыгая по гнущимся лесенкам. Озода работала рядом с каменщиком, вот она уложила кирпичи, как указал ей Ашур-ака, потом тот что-то ей объяснил и чуть поправил кирпич мастерком. Аскар залюбовался быстрыми и точными движениями мастера. Потом мальчик вспомнил, с какой целью он появился здесь, вынул из кармана письмо, завернул в него маленький камешек и прибавил шагу.

Шахло работала в кухне посудомойкой. Рядом с ней резал лук Анзор. Аскар растерялся: никак не ожидал, что Анзор и сегодня будет на стройке. Потом он все-таки решился и, стоя на тропинке, кинул камешек в сторону Шахло. Она быстро обернулась, увидела Аскара и удивленно раскрыла глаза. Не зазевайся она, Анзор бы ничего не заметил. Аскар, разочарованный, сбегал по тропинке вниз. Шахло протянула руку к бумажному комочку. Анзор оглянулся вокруг, но никого поблизости не было — Аскар уже успел спуститься вниз. А ребята все были заняты делом.

— Ого!..— сказал Анзор, усмехнувшись.— Нам прислали любовное послание!

Шахло не знала, как ответить. Анзор плутовато улыбнулся и встал. Но сколько он ни вытягивал свою длинную шею, ничего подозрительного не усмотрел. Все на месте: одни таскают кирпичи, другие месят раствор... Он недоумевал: кто же мог подбросить письмо?

Шахло чувствовала смущение. Будь иной случай, она могла бы Анзору как следует ответить. Но сейчас нельзя. Поэтому она вынуждена была улыбнуться. Анзор понял ее улыбку по-

своему, обрадовался. Он подумал, что он завтра же поедет в колхозный сад и там, где в дальнем углу на лозах висят золотистые грозди «дамских пальчиков», выберет для Шахло самые лучшие гроздья. Съешь кисточку, и язык от сладости прилипнет к нёбу. Завтра же он угостит гостью.

* * *

...Вечером, когда Шахло хотела пойти к указанному в письме месту, Мунира сказала, что даже за порог ее не выпустит. Она стала спрашивать, что да зачем. Но Шахло не могла ответить, раз они с Аскарком решили не разглашать своей тайны. Только под честное слово она дала прочитать Мунире записку Аскара, но больше ничего объяснять не захотела. Прочитав записку, Мунира засмеялась:

— Это же не тебе!..

— Почему?

— Ведь она адресована какой-то малике. Не пойму, причём здесь царевна?

Шахло помнила ту лунную ночь, когда она, испугавшись змеи, упала с лошади и как Аскар посадил ее на седло и повел лошадь, словно был тем храбрым пастухом из сказки, не боявшимся ни змеи, ничего другого. Аскар тогда несколько раз назвал ее маликой. Девочка улыбнулась. Как объяснить Мунире? И вообще, объяснимо ли все это?

— Он так в шутку меня называет,— сказала она.

Но Мунира все равно не хотела отпускать ее.

— Ведь он пишет, что нам нужно увидаться сегодня вечером! — сказала Шахло. — Мне надо идти. Пойми, Мунира, это очень важно.

Но Мунира не согласилась. Вдруг Равшан увидит у реки одну Шахло, когда знает, что она должна быть с Мунирой. Что подумают родители Равшана, если он им расскажет? И какое может быть дело у Аскара?.. Мог бы поговорить на стройке. Просто прийти и сказать.

Помимо всего, было еще одно обстоятельство, которое на-

стороживало Муниру. «Пожалуй, нужно сказать сейчас об этом Шахло»,— подумала Мунира.

— Знаешь, Шахло, тебе не кажется, что Анзор ходит за тобой по пятам?

— За мной?! — рассмеялась Шахло.

— Поверь, Шахло. Он и в самом деле...

— А ты не знаешь почему?

— Нет. Я это заметила позавчера. Когда ты с Озодой пошла купаться, он тоже отправился за вами.

— Я сама это видела,— ответила Шахло.— Ну и что, если он пошел за нами? Кажется, он даже близко к нам не подходил. Купался у моста.

— Купался? — переспросила Мунира.— Да он не умеет плавать и боится войти в реку.

— Не знаю. Мы тогда пошли в кустарники. Анзор остался у моста. Что ему делать у реки, если он не будет купаться?

— Ты не засмеешься, Шахло, я тебе кое-что скажу?

— Смешное?

Мунира помолчала, раздумывая, говорить ли. Наконец сказала:

— Я видела, как чайханщик украдкой дал ему знак. После этого Анзору вдруг захотелось купаться, и он пошел за вами.

— Не может быть! Тебе показалось.

— Я в своем уме. И зачем мне выдумывать? Чайханщик вот так подал знак,— она слегка махнула рукой.— Неужели ты не замечаешь, что Анзор все время следит за тобой?..

— А ведь правда! — воскликнула Шахло с внезапным волнением.

Она не обращала до сих пор на это никакого внимания. А Мунира сразу заметила. Шахло недолюбливала Анзора еще с тех пор, когда первый раз столкнулась с ним у реки. Потом она поближе узнала его на стройке, думала: что с ним поделаешь, коли он такой уродился? И не удивительно, если Анзор выкинет какую-нибудь штуку, но этот чайханщик... Почему он послал Анзора, чтобы тот следил за ними? Чайханщик пресмыкается перед дядей Муминджаном, потому, навер-

ное, и приставил Анзора приглядывать за гостьей Муминджана-ака. Иначе и объяснить нельзя.

— Вот не думала, что ты в такую панику ударишься,— смеясь, сказала она Мунире.

— Ладно, пусть будет по-твоему.— Мунира поняла, что Шахло трудно удержать.— Но вообще, если Аскар хочет что-то сказать, так я пойду и приведу его к нам. Пусть скажет здесь. Ты согласна?

— Ладно. Но не знаю, придет ли он...

Не прошло и десяти минут, как на пороге показались Мунира и Аскар. Заметив, что Аскар не сердится, Шахло немного успокоилась. Ведь она до сих пор не могла отделаться от ощущения, что предала их тайну.

Аскар рассказал им, как он ночью после одной неудачной попытки пробрался тайком к дому Мулладогана и, лежа на крыше кухни, услышал странный разговор между чайханщиком и приезжим шофером.

Мунира смотрела на него с некоторым недоверием.

— Аскар, ты не привираешь? — спросила она.

— Что ты!

— Мы не можем тебе верить,— проговорила Мунира,— пока не расскажешь нам все о своих похождениях.

— О каких похождениях? — удивился Аскар.

— Расскажи, что ты делал той ночью на стройке?

— Расскажи, Аскар!..— попросила Шахло.

Он вынужден был открыть свою тайну. Не признайся он сейчас, все планы сорвутся. Ведь Шахло и Мунира могут ему помочь. Но все же как не хотелось рассказывать о той ночи! Неловко было. Вдруг поднимут на смех?

— Может, в другой раз? — пробормотал он.

— Нет, нет!

— Помнишь, Шахло,— Аскар покраснел от смущения,— что ты сказала в тот день, когда заходила к чайханщику?

— Разве я что-нибудь говорила?

— Какая ты рассеянная!..— разочарованно произнес Аскар.— Ты же тогда сказала, что хотелось бы съесть кисточку

винограда. А у него виноград действительно хороший. Как ни у кого!

— Ну что из того, если я сказала?..— вдруг стала догадываться Шахло.— Неужели ты!..

Аскар улыбнулся. Мунира до этой минуты ждала, что Аскар признается в каком-то проступке. Но теперь, когда она поняла, зачем он ходил туда ночью, тоже не могла удержаться от смеха.

— Вот хитрец! — сказала она.— Воришка!..

Аскар не обиделся. Ему стало легче, и он тоже засмеялся.

— Еле-еле подкрался к калитке,— продолжил он,— еще надо было взобраться на крышу. А тут чайханщик вышел и чуть не схватил меня. До моста гнался. Этот чайханщик, я вам скажу, бегун хороший. Но еще не имеет разряда, а у меня есть!..

— Довольно хвастать, Аскар! — сказала Мунира.— Давай по-серьезному. Может, это он пустил воду в яму с цементом?

— И мне пришла в голову такая мысль,— ответил Аскар.— Да кто его знает?.. Просто не верится. Все-таки взрослый человек.

— Я чувствовала, что ты не виноват,— облегченно вздохнула Шахло.— Завтра всем это скажу.

— Никто не поверит,— с горькой усмешкой заметил Аскар,— а меня поставишь в дурацкое положение.

— Почему?

— Ведь слова чайханщика убедительней выглядят. Да и вообще... Ты сама посуди, за день до того мы с Равшаном сцепились, он мне на ногу уронил кирпич, притом нарочно. Но тогда он струсил, и ему пришлось прикидываться дурачком. Значит, все будут думать, что я отомстил Равшану, и очень даже удачно — пустил воду в яму с цементом. Сорвал работу. А за работу отвечает Равшан. Словом, мое преступление налицо! Да еще чайханщик утверждает, что он меня видел ночью. Я от него убежал? Убежал, факт. И никто не поверит, что я ходил туда всего лишь за виноградом!

— Ты прав! — согласилась Мунира. — Мы так и решили: ты хотел отомстить и открыл воду.

— Что теперь будет? — тревожно взглянула на Аскара Шахло. — Сколько ж ты будешь ходить в виноватых?

— Это даже к лучшему!

— Странно.

— Давайте об этом никому не будем говорить.

— Почему же?! — возразила Шахло. Она вспомнила слова Муминджана-ака, который пожалел, что Аскара выгнали. — Я объясню все дяде Муминджану, ладно?

— Ну и услугу ты окажешь мне! — недовольно буркнул Аскар. — Ты подумала, кому твой дядя расскажет первому?

— Нет... — призналась Шахло.

— Он расскажет Мулладосту, — проговорила Мунира.

— А чайханщику председатель доверяет, — сказал Аскар. — Я не знаю, кто совершил то подлое дело, Мулладост или кто другой, но я знаю одно: тот человек, кто это сделал, сейчас ходит довольный, что всех провел. Если мы поднимем шум, то он может насторожиться.

— Муминджан-ака этого так не оставит, он найдет виноватого!

— Так и найдет! — возразил Аскар. — Муминджан-ака не сможет его найти. Нет, чем дольше будут подозревать меня, тем лучше для нашего дела. Мы тогда сможем обнаружить настоящего виновника!

— Что ты говоришь, Аскар!

— Пойми, Шахло, мне необходимо, чтобы все оставалось по-прежнему. И чтоб этот чайханщик тоже угомонился!..

— Он прав, — сказала Мунира. — Сейчас нет проку от шума.

— Это даже опасно, — сказал Аскар. — Вдруг чайханщик совсем не виноват? Может же так статься, что мы его зря подозреваем? Как тогда? Стыдно будет перед всеми.

— Верно, — кивнула Мунира. — Но мы знаем кое-что об Анзоре.

— Он-то при чем?

— Давай не будем об этом...— попросила Шахло. Ей было неудобно, что из-за нее Мунира так беспокоится.

Но Мунира все же рассказала о странном поведении Анзора. Аскар даже не знал, верить или нет.

— Это он по наущению чайханщика делает? — переспросил он.

— Да, я же видела. Тот ему дал знак: иди, мол, следи за ней...

— Странно...

Аскар задумался. Он вспомнил, как тогда ночью чайханщик сказал шоферу: «Паренек не успевает...» Что же этот паренек не успевает? И кто он?.. Неужели Анзор? Аскар сам испугался своих мыслей. Нет, должно быть, тот разговор к цементу никакого отношения не имеет. Но почему Анзор следит за Шахло? Что ему до нее? Неужели у него и у чайханщика нет других забот, кроме как следить за приезжей? Может, Мунире показалось? Хочешь не хочешь, а без помощи девочек не обойтись.

— Девочки, пока вам надо будет притвориться, будто ничего не подозреваете.

— Хорошо,— сказала Шахло.

Она вспомнила усмешку Анзора, и ей стало не по себе. Да, трудно будет притворяться. Трудно не сказать человеку то, что ты о нем думаешь.

— Теперь мы приступим к главному.— Аскар все же не вытерпел, вынул из кармана вчетверо сложенный листок и развернул его на хантахте.— Изучим один документ.

— Что за документ?

— Стенограмма,— подмигнул Аскар.— Правда, я писал это по памяти после заседания. Но старался ничего не упустить. Память у меня хорошая, можете поверить.

— Какого заседания? — не поняла Мунира.

— Обыкновенного,— невозмутимо ответил Аскар.— Где председательствовал Мулладост.

Шахло и Мунира с интересом нагнулись над листком.

— Вот что говорил чайханщик...— И Аскар прочел

скороговоркой Мулладоста: — «Я же сказал, что нету покоя. Всюду, кажется, рыщут по ночам. Дальше опасно стало... Да и дела неважные...» Ну, вы что-нибудь поняли?

Последовало недолгое молчание.

— По-моему...— первой произнесла Мунира.— По-моему, он потерял покой из-за нашей стройки. Ведь он сам говорит, что дела неважны. После той ночи, надо думать, ему мерещится, что возле его дома бродят, как только стемнеет.

— А ты что скажешь? — обратился Аскар к Шахло.

— Не знаю, может, он другое имел в виду.

— Ну?!

— Читай дальше. Он говорит, что паренек не успевает. Какое это имеет отношение к предыдущим словам?

— Очень даже прямое,— возразила Мунира.— Ведь у нас Равшан за старшего. Его взрослым никак не назовешь. Значит, Равшан не успевает.

— Нет, Мунира, если бы дело касалось Равшана, то Мулладост сказал бы «не справляется с работой». Может, ты неправильно записал, Аскар?

— Нет, нет, я ничего не упустил. Мулладост так и сказал. Послушайте, что они говорили дальше. Шофер спросил чайханщика: «Что мне передать?» Чайханщик ему ответил: «Пусть он еще немного потерпит. Наведайся через три дня». Что вы об этом думаете?

— Может, наведаться на стройку? — предположила Мунира.

— Не-ет,— сказала Шахло.— Если это о стройке, то почему кто-то непременно должен набраться терпения?

— Все это чепуха! — махнул рукой Аскар.— Кто-то должен набраться терпения по другому поводу. И этот человек живет в городе. Ведь шофер приезжает оттуда. От чайханщика он поедет в город и кому-то скажет: «Потерпи, через три дня опять поеду». Теперь надо подумать: зачем шофер приедет? Что он должен узнать или получить у чайханщика? В этом самое главное.

— Это мы можем выяснить через три дня,— сказала Мунира.

— Через два дня,— поправил ее Аскар.— Сутки уже прошли.

— Аскар! — испуганно воскликнула Шахло.— Ты опять туда пойдешь?

— Другого выхода нет.

— Оставь ты это дело, Аскар,— взмолилась она.— Вдруг он тебя поймает! Давай лучше расскажем дяде Муминджану!

— Хочешь все испортить!..— рассердился Аскар.

— Почему?

— «Почему, почему»...— передразнил Аскар.— Ты же все знаешь! Зачем вечно соваться со своим дядей Муминджаном!

— Ты скажешь дяде Муминджану,— вмешалась Мунира,— а чайханщик ни за что не признается, что говорил с каким-то шофером. Да еще Аскара опозорит: мол, ко всему он и клеветник. Сама подумай, Шахло, кому больше поверит Муминджан-ака, чайханщику или Аскару?

Тут в соседском дворе раздались громкие голоса. Мунира ожидала, что сейчас над дувалом появится голова Анзора, но ошиблась.

— Когда же твой чайханщик насытится? — сердито сказал женский голос.— Ты же каждый раз возишь хворост. Неужели ему не хватает?

— Это мать Анзора...— тихо шепнула Мунира.

— Он хочет открыть пекарню,— со смехом ответил Анзор.— Запасается дровами.

— Ладно, иди! Только пораньше возвращайся!

Анзор не ответил. Послышалось, как за ним закрылась калитка.

— Опять за дровами поехал,— сказала Мунира.— Этот чайханщик страшно жадный: полдвора у него заполнено дровами.

— Теперь послушайте дальше...— продолжил Аскар.— Это вообще-то не относится к первому разговору. У выхода чайханщик спросил: «А с тем уже познакомился?» — «С кем? —

переспросил шофер.— А-а, с тем... Я даже не видел...» — «Ты непременно познакомься», — сказал ему Мулладост. Кажется, он был испуган. Интересно, о ком могла идти речь? Чайханщик люто ненавидит того человека. Вот послушайте, как чайханщик о нем отозвался: «Проклятый человек, у него тысяча жизней. Вот увидишь, он опять не даст нам покоя. Надо что-то предпринять». Жаль. Мулладост ничего больше не сказал. А тот ненавистный ему человек, наверное, живет в городе.

— Разумеется, — согласилась Мунира.

— Надо бы узнать, о ком они говорили, — сказала Шахло. — Кто это может быть?

— Видно, хороший человек, — сказал Аскар. — Жаль, я не знаю его имени, а то бы предупредил. Кто его знает, что замышляют чайханщик со своими друзьями...

— Вот загадка! — удрученно сказала Мунира. — Я совсем запуталась. Трудно будет что-либо выяснить.

— Ничуть! — возразил Аскар. — Надо найти конец клубка, а там...

— Попробуй найти!..

— И найду! Вот увидишь, найду! — И неожиданно Аскар спросил у Шахло: — Кажется, ты говорила, будто слышала голос тетки Мулладоста?

— А ты тогда смеялся!..

— Нет, Шахло, я все еще не верю. Наверное, там кто-то другой был. А ты решила, что это юродивая говорит. Ты не запомнила, о чем у них шла речь?

— Тогда... кажется, чайханщик спросил: «Это она?» Тетка или кто еще ответил: «Да. Только этого нам не хватало!» А почему ты спрашиваешь?

— Так... — Аскар разгладил нижний конец листка. — Опять загадка. Смотрите, значит, юродивая или кто другой увидел в кишлаке еще одного человека, неприятного им. Притом женщину. Значит, чайханщик опасается какой-то женщины! Поэтому он и спрашивает.

— Если так, то выходит... — начала рассуждать Мунира.

— ...то выходит,— прервал ее Аскар и ловко вскочил с места,— что вы поможете мне найти конец клубка и мы вместе размотаем его.

— Я согласна! — сказала Мунира.

Шахло молчала. Она уже знала, что Аскар надеется на ее помощь еще с того дня, когда его выгнали из отряда.

Глава XV

КАМЕНЩИК МАКСИМ

Дела на стройке пошли намного лучше. Каменщики Муйдйн и Гафур закончили недоделки на ферме и пришли на помощь к Ашуру. Работа спорилась. Уже сейчас можно было видеть, каким будет спортзал: широким, с толстыми высокими стенами...

Ашур-ака больше других мастеров возился с ребятами, учил их своему ремеслу. Он и с Мулладостом отлично справился. Тот уже не приставал с замечаниями, старался не попадаться каменщику на глаза.

И председатель Муминджан не мог не увидеть и не оценить того, как ребята учатся у мастера.

— Вот это другое дело! — сказал он однажды Ашуру, придя на стройку.

Он загляделся на своего сына, который работал наверху, как заправский каменщик. Где шалости Равшана, где его обычная ветреность? Откуда у него такая прилежность? Он выглядел очень серьезным. Ну точь-в-точь взрослый человек. Правда, в его движениях чувствовались некоторая торопливость и волнение. Все это так знакомо было Муминджану-ака. Как прекрасно, когда человек обнаруживает силу своих рук, их способность творить!

— Молодец, Ашур!.. — тихо прошептал председатель.— Значит, ты все-таки выиграл, друг...

Выходит, упрямый мастер сумел-таки обуздать «беспокойный поток», как он сам тогда выразился. Ведь и с Муминджаном

было точно так же, когда он впервые поднялся на леса,— и он тоже волновался...

Муминджан вспомнил, как он тогда от волнения не удержал в руках кирпич и уронил его на плечо прораба, маленького толстого человека, глаза которого были словно у пугача-филина. Прораб был неважный человек. Кажется, его звали Нигмáт... Да, да, Нигмат... Правда, тогда прораб ничуть не пострадал. Муминджан устыдился своего промаха, ходил извиняться, но тот и слушать не захотел. Настаивал, чтобы паренька выгнали со стройки. Даже судом пригрозил. Много времени прошло с тех пор. Он был в ту пору таким же подростком, как и его сын Равшан. Нет, еще моложе. Трудное было время. Мать ночами не спала, плакала, но ни слова не говорила сыну. Муминджан догадался, что мать получила похоронную, «черное письмо». Тогда Мирзакадыр-ака, ныне покойный отец Ашура, вернувшийся с войны без ноги и руки, устроил Муминджана на стройку, где он сам был сторожем. Работа считалась несложная: Муминджан подносил кирпичи на леса. Днем был занят на стройке, а вечером учился. Но скоро он начал присматриваться к работе каменщиков, к ровным безукоризненным стенам, которые они возводили.

Семье Мирзакадыра-ака жилось не лучше, чем Муминджану с матерью. Денег, которые получал сторож, явно не хватало. Ашур тоже был вынужден пойти на работу. Сперва ни Муминджан, ни Ашур не думали, что станут строителями. Мастера получали сдельную плату, потому не до учеников им было. Шарахались от новичков, словно от болезни какой. Но если молодые очень настаивали, их отправляли к каменщику Махсуму, пожилому мастеру, который работал «медленно». Махсум-ака был русским, настоящее его имя — Максим, Максим Савельевич, но никто не называл его так, для всех он был Махсум-ака. Узбекский язык он знал получше, чем некоторые узбеки. Человек скромный, тихий, кажется, даже болезненный, он много времени отдавал молодым рабочим. Потому Махсум-ака и получал раза в два, а то и в три меньше, чем другие каменщики. Но он ни на что не сетовал. Прораб за глаза смеялся над чудачком мастером, который тратит время на молокососов.

Правда, самому мастеру он не смел сказать, что Махсум занимается пустым делом. Станный был человек этот Нигмат, он ни на минуту не расставался со своим синим портфелем, будто без этого портфеля его могли и не признать. Рабочие даже шутили, что он спит с портфелем. Глаза его вечно слезились, он их потирал то рукою, то рукавом рубашки. Наверное, Ашур давно его забыл. А вот мастера Махсума-ака нельзя забыть.

В один из дней зарплаты выяснилось, что мастер и оба его ученика получили одинаковую сумму.

— Видите, вы уже наравне со мною работаете! — шутил тогда Махсум. — Теперь вы должны меня обогнать. Какие вы ученики, если не обгоните своего учителя!

Муминджан тогда и увидел, как учитель может радоваться успехам своих учеников. Это было от души, только так мог радоваться искренний, щедрый человек!

Зимой работать Махсуму-ака было трудно. В холодную пору он хворал по нескольку недель из-за какой-то старой раны. Ашур и Муминджан часто ходили его навещать. И жена Махсума-ака была под стать ему: заботливая, добрая. Когда друзья заглядывали к ним, она не знала, куда их посадить, — так рада была видеть учеников Максима Савельевича. Мастер говорил очень мало, не любил хвастать, а болтливых просто презирал. Изредка тетя Мария — так звали его жену — коротко рассказывала о каком-нибудь случае из его жизни. Старый мастер ее не прерывал. Рассказывала тетя Мария очень просто, будто все это вовсе касалось не ее мужа, а кого-то другого. Однажды, когда ребята спросили о болезни мастера, она поведала им такую историю.

— У него не просто болезнь, а рана с давних времен, — сказала тетя Мария. — В ту пору всюду было беспокойно. Басмачи то и дело нападали. Ваш мастер тогда и получил тяжелое ранение. А ранили его в дороге, в то время, когда мы переезжали в город. Это была моя затея — уехать: надо было, чтобы наша единственная дочь могла продолжить учебу. Вещей у нас было мало несколько тюков, книги и еще старая

швейная машина. Мы быстро собрались и двинулись в путь. Несколько суток тащились на старенькой арбе. Дорога была трудная, приходилось то и дело делать привалы, чтобы дать отдохнуть лошади. Однажды на ночь мы остановились у большой чинары. Не успели развязать узелок с едой, как вдруг послышались выстрелы. Значит, где-то поблизости был кишлак и на него напали басмачи. Мы с дочерью хотели быстрее уехать из этих мест, но Максим не согласился. Да и выстрелы вскоре прекратились. Мы остались у чинары.

Утром, когда рассвело, увидели в ста шагах от себя лежавшего на земле человека с ружьем. Совсем молоденький! Его ранило в ночной перестрелке, он бежал от преследователей, упал здесь и потерял сознание. Кто был этот паренек? Простенькая одежда мало о чем говорила. Максим Савельевич понял мои мысли и сказал: «Кем бы он ни был, надо ему помочь». Мы перевязали ему рану и уложили на арбу. Когда он пришел в себя, очень удивился, увидев нас, даже пытался бежать. Но понял, что силы не те, и вынужден был лечь. Мы просили его назвать свой кишлак, чтобы отвезти к родным. Но он не согласился. Тихо сказал: «Я с вами поеду...» Мне показалось странным: кажется, басмачей было мало, и они быстро, должно быть, отступили, встретив сопротивление. Но если они сбежали, то почему этот парень не хочет возвратиться в кишлак? Когда я спросила его об этом, он... Ах, как же его звали, Максим?

— Кажется, Мурадуллá,— нехотя сказал Махсум-ака.

— Да, он так назвался. Парень объяснил, что в кишлаке его непременно убьют. Был он, как я вам уже говорила, очень молод, жалко нам его стало. Через три-четыре дня мы кое-как поставили Мурадуллу на ноги и были довольны, что в этом опасном путешествии есть у нас спутник с ружьем. Как-то ночью наша лошадь споткнулась и упала посреди дороги, оглобли арбы сломались. Думали, что лошадь покалечилась, но она оказалась цела. Нельзя представить наше счастье, когда мы убедились в этом. Ночевали там же, в открытом поле. Мучила жажда. И лошадь надо было напоить. Максим сел на

коня и поехал искать воду. Паренек пошел за ним. Мы с дочерью остались одни в темноте. Дочь заснула, устав от ожидания. Я не могла спать, было очень тревожно за мужа и Мурадуллу. Вдруг они наткнутся на басмачей?.. Где-то далеко за полночь услышали выстрел и конский топот. Мы с дочерью вскочили, бросились искать Максима. Он лежал с простреленной грудью. Я думала, что он уже мертв, но дочка прислушалась, говорит: «Дышит». Он потерял много крови. Не знаю даже, как выжил. Еще два месяца он пролежал, прикованный к постели. Потом... Потом мы потеряли дочку... Она уехала в кишлак и больше не вернулась. Что с ней стало? Единственная дочь... Это она выхаживала Максима, тяжело раненого. Старая рана все еще мучает его. Да, с первого взгляда не раскусишь человека. Разве я тогда думала, спасая паренька, что мы пригрели на груди змееныша...

Муминджан помнил и тот день, когда его мать пришла на стройку, чтобы увидеть мастера и поблагодарить за доброту. Но они не нашли Максима Савельевича. Отправились к нему домой и застали тетю Марию в великом горе! Махсум-ака умер. Мария недолго протянула после смерти мужа. Хорошие и чистые были люди! Тогда на стройке Муминджан показал матери выложенные им и Ашуром стены. Она нежно погладила холодные кирпичи руками...

Глава XVI

ПИСЬМО

— Ота! — окликнул Равшан отца. — Посмотрите на мой ряд. Ну как?

— Неплохо, Равшан!.. — похвалил Муминджан-ака.

Равшан улыбнулся, ударил мастерком по кирпичу, словно бывалый каменщик, и ушел с ведром за раствором.

Заметив, что к председателю идет Ашур, Мулладост отошел в тень кухни и стал резать морковь, прислушиваясь, о чем будет говорить мастер и председатель.

— Песка маловато осталось, Муминджан,— произнес мастер.

— Я уже послал машину,— ответил председатель.— Распорядился, чтобы вырубili еще несколько тополей у дороги. Эти бревна тоже для тебя.

— Сейчас самое время рубить тополя,— сказал каменщик Ашур.— Старые будут непригодными для строительства.

Муминджан-ака встал, радуясь, что ни он, ни мастер не вспомнили о недавней размолвке. Прежде чем уйти, он пошарил в кармане и позвал сына:

— Тебе письмо, Равшан!

Равшан быстро разорвал конверт. Читая письмо, он то улыбался, то опять становился серьезным.

Разговор мастера с председателем насторожил Мулладогста. Он поручил следить за кухней Анзору, а сам куда-то ушел.

— От кого письмо? — спросила Озода у Равшана.

— А ты угадай!..

— Скажи, Равшан!..— подошла к ним Мунира.

Она впервые с ним заговорила после ухода Аскара. Кажется, все еще она была недовольна Равшаном. Сейчас Равшан не мог ей отказать. Письмо было от их учителя Усмани-ака. Он почти ничего не сообщал о себе, но много спрашивал о делах своих учеников. Просил, чтобы они поподробнее написали ему.

— Может, сейчас и ответим? — предложил Равшан.

— Конечно! — воскликнул Миркабул.— Только с одним условием: надо ему написать всю правду. Ничего не упустить!

Равшан достал ручку, бумагу и отдал их Озоде:

— На, Озода, почерк у тебя хороший! С чего начнем? С того, сколько успели сделать. Что молчите? Скажи ты, Сайфи!

Сайфи будто в рот воды набрал. Это было совсем не похоже на него. Обычно он во всем поддерживал Равшана, но сейчас молчал. Мунира глядела под ноги и улыбалась, будто ждала чего-то. Наконец Нартаджи спросил:

— И об Аскаре напишем?

— Сами решайте,— проговорил Равшан, удивленный такой переменной в настроении друзей.— Как скажет большинство, так и сделаем.

— Ого! — заметила Озода.— С каких это пор?

Равшан сердито взглянул на нее, но не нашелся что ответить.

— Не удивляйся, Озода,— сказал Миркабул.— Равшан стал таким, как только Аскар ушел от нас.

— Миркабул,— выкрикнул Равшан.— Не язви!

— Разве я сказал неправду?

— Если так, почему ты не защитил Аскара, когда я предложил выгнать его со стройки?

— Я был дураком, Равшан, понимаешь, дураком!— ответил Миркабул.— Не знал, что меня будет мучить мой поступок. Я не поверил Аскару. Но теперь... теперь я не верю, что Аскар способен на подлость!

— Почему же? — вскочил Равшан.— Ведь это уже доказано.

— А сам он признался?

— Будет Аскар признаваться! — усмехнулся Равшан.

— Ведь он отрицал свою вину, ты помнишь?

— Вот теперь можно подумать, что ты тогда действительно был дураком,— сказал Сайфи.— Сам ты подумай, какой болван сознается в собственной вине?

— Ты приведи хоть тысячу свидетелей,— выпалил Миркабул,— но я им не поверю. Я просто чувствую, что Аскар ни в чем не виноват. Он не боится признавать свои ошибки. А ты пиши, Озода, коротко, но и об этом напиши учителю.

— Пиши,— поддержал Миркабула Нартаджи.— Пиши обо всем, раз договорились.

— Еще,— добавил Миркабул,— напиши и о самом Равшане!

— Что она может написать обо мне? — засмеялся Равшан.

— А ты не смейся, написать много чего найдется. Ведь это он тебя назначил старшим? Разве ты старший? Ты всего лишь тень чайханщика!

— Что-о?!

— Да помолчи ты!.. — махнул рукой Миркабул. — Сразу берешь за горло, если кто тебе не понравится или возразит. Будто ты один умный, а все кругом дураки.

— Что, по-твоему, я сижу и бездельничаю? — закричал Равшан. — Или хуже тебя работаю?

— Ты не кричи, здесь глухих нет, — оборвала его Озода. — Кто говорит, что ты хуже работаешь?

— Старший должен думать обо всех! — сказал Нартаджи.

— А я?.. Я разве не думаю?

— Ты о себе только заботишься!

— Это я-то? Я о себе забочусь?!

— Да, ты, — ответил ему Миркабул. — Ты лучше скажи, зачем я здесь торчу? Ну, и Сайфи, и Надира, Анзор и все другие? Скажи, разве Анзор обязан все время коптиться у самовара? Мы должны лишь таскать кирпичи и месить раствор? Вечно возле мастера ты да Озода. Иногда и Нартаджи перепадает. А мы?.. Если ты скажешь, что мастер у нас только один, ошибаешься. Еще двое вернулись с фермы. И они могли бы нас учить!

— Ведь правда! — сказал кто-то.

— Ах вот вы о чем! — попробовал улыбнуться Равшан.

— А что, — проговорил Миркабул, — если я скажу, что завтра не выйду на работу? Кто меня заставит? И на аркане не приведет!

— И меня! — сказала Мунира.

Равшан исподлобья посмотрел на Муниру. Не ожидал, что она способна на такие слова. Но чувствовал: и Озода, и Надира, и Сайфи, и все его одноклассники думают то же самое.

Анзор сидел чуть подальше, у казана, радуясь возникшему спору ребят. Пришел чайханщик, весь красный и напуганный. Он сразу смекнул, в чем дело, и громко сказал Анзору:

— Анзор, пора подавать плов, а то он в кашу превратится!

Анзор встал, пошел за тарелками. Пока Озода писала письмо, чайханщик несколько раз неслышно приблизился к ней и заглянул через плечо. Все, кроме Равшана, остались

довольны письмом. Шахло увидела, что Анзор о чем-то шепчет чайханщику. Уловила лишь слова:

— Молодцы, они его проучили.

— Тише, ослиная голова!..— одернул чайханщик.

Анзор побледнел и умолк.

После обеда Озода ходила в правление, чтобы опустить письмо в почтовый ящик. Когда пришла назад, заметила, что Равшан все еще не в духе, сидит поодаль, словно посторонний.

К концу рабочего дня Мулладост привез провизию на завтрашний день. Он подозвал к себе Равшана:

— Вы чем-то удручены, племянник?

— Нет, почему же...

— Не скрывайте, я все знаю,— хитровато улыбнулся Мулладост. Он вынул из кармана помятый конверт и бросил его в трубу самовара.— Если это письмо огорчает вас, пусть оно сгорит. Один ключ от почтового ящика я держу в кармане. Вы можете быть спокойным, племянник.

Равшан растерялся.

Глава XVII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАИНСТВЕННЫХ ДЕЛ

Как только легли сумерки, Аскар вышел из дому. Надо все успеть сделать вовремя, а то перед приездом своего гостя чайханщик усядется у калитки, прямо на пороге, тогда трудно будет пройти незамеченным. Правда, сегодня собрание правления колхоза, значит, чайханщик все еще в конторе. Но вдруг он сошлется на какое-нибудь неотложное дело и отправится домой пораньше?

Аскар сел на толстую ветвь тала, свесив ноги. Отсюда хорошо были видны дом Муниры и лампочка, горевшая над входом.

Вот лампочка мигнула два раза: значит, Мунира побывала

в конторе и убедилась, что чайханщик не отлучился. Надо спешить.

Аскар прыгнул с ветви и побежал через пустырь. Вскоре он был у дома Мулладоста. Прежде чем вскарабкаться на крышу, Аскар немного постоял, перевел дух и огляделся. Никто его не заметил. Когда он полез по лозе на крышу, что-то зашуршало. Аскар вспомнил про кота и посмотрел вверх, вытянув шею, но никого на крыше не было. Он лег на плоской крыше и прислушался.

Шорохи возобновились, Аскар боязливо оглянулся: по внешнему двору бродила юродивая тетка. Вот чудачка, кругом темно, а она что-то ищет в хворосте. «Бедная,— подумал Аскар,— будь она здоровой, разве стала бы совать руку в сухие ветки? Чего там искать?»

Постучались в калитку. Тетушка остановилась и застыла на месте. Стук повторился. Юродивая быстро направилась к калитке, едва не запугалась в длинном подоле платья. «Явился,— подумал Аскар.— Бросил контору и пришел...» Чайханщик и его тетя молча вошли в дом.

Аскар рассчитывал, что сегодня опять у Мулладоста будет гость, но кто именно? Тот самый шофер, который был у него три дня назад, или другой? А что, если они тогда на улице договорились и перенесли встречу?

Вдруг Аскару показалось, что лоза дрогнула, будто ее кто-то трогал внизу. Он подполз к краю крыши и нагнулся, чтобы посмотреть, и увидел мальчишку, который поднимался вверх по лозе. Аскара словно палкой по голове ударили. От испуга он потерял равновесие и упал с крыши на того, кто лез. Мальчишка пошатнулся, но не выпустил из рук лозы. Аскар полетел на землю, но тут же встал и одним прыжком сел на плечи чужака. Тот пытался крикнуть, но Аскар вовремя зажал ему рот руками. Противник изо всех сил дал Аскару под ребра и свалил с плеч. Аскар решил защититься, но — странное дело! — тот не собирался нападать.

— Осел!..— прохрипел мальчишка.— Зачем прыгнул мне на голову?

— Миркабул, это ты?

Да, это был Миркабул, хотя в темноте он показался чуть ли не великаном. Он тихо засмеялся и спросил Аскара, пока тот еще не опомнился:

— Что ты тут делаешь?

Аскар сделал ему знак: молчи! Посмотрел вокруг и сказал с укоризной в голосе:

— Эх ты... за мной шпионил?

— Да нет же!..— ответил Миркабул.— Я мимо проходил, честное слово. Вдруг вижу: ты бежишь сюда, будто за тобой сто чертей гонятся! И я за тобой. Только потом... когда ты на крышу полез, я понял, зачем ты сюда торопился... За виноградом ведь?

— Ни черта ты не понял. Ладно уж, не время об этом говорить. Ты иди к речке, залезь на дерево и затаись. Скоро приедет машина из города. Узнай, что у нее в кузове. Следи, что они привезут и что увезут. Понял?

— Хорошо, я пойду.

— Не уходи, пока я не приду. Сиди на дереве.

— Понял.

Аскар опять поднялся на крышу. Миркабул отыскал под ногами небольшой булыжник и подал Аскару, когда тот выглянул из своего укрытия. Аскар взял камень: кто его знает, всякое может случиться. Если его обнаружат, Аскар кинет камень и, пока те опомнятся, ударит.

Издали донесся гул машины. Дверь дома открылась, и вышел из нее Мулладост с маленькой хантахтой и ковриком. Коврик он расстелил на супе, поставил хантахту и вернулся в дом за скатертью и угощением. Кажется, он хотел встречать гостя здесь, на открытом воздухе. Наконец во дворике появился шофер.

Аскар ждал затаив дыхание, когда заговорят, но голосов не было слышно. Вот он услышал треск сломанной сухой ветки. Удивительно, кажется, Мулладост и шофер тоже копаются в хворосте... Нет, переносят его. Через полчаса во дворе стихло. Видно, сели перекусить.

— Заберешь то, что есть,— сказал чайханщик.

— Не с пустыми же руками ехать,— засмеялся шофер.— Далеко до вашего кишлака, надо как-нибудь покрыть расходы.

— Мало, конечно,— сказал чайханщик.— Но паренек не управляется. Я тебе говорил.

Они замолчали. Аскар подумал, речь наверняка идет о хвороте. Значит, Анзор не успевает возить. Чайханщик еще что-то сказал, шофер ответил смехом.

— Я опаздываю,— произнес шофер.— Только пиалушку можно. Как себя чувствует тетка?

— Неважно,— ответил чайханщик.— Старость дает себя знать. Думал, повезу ее на недельку в город, но председатель не отпускает. Бедная, она терпеть не может шума стройки!

— Еще бы! — засмеялся шофер.— Неужели вы с этим не справились?

— Нет,— сказал чайханщик.— Я старался, но не вышло. Все равно продолжают.

«Стройка! — подумал Аскар.— Значит, это Мулладост пытался приостановить работу, но не вышло... Это он пустил воду в яму!.. Теперь уже не может быть сомнения, это он сделал!»

Аскар напряг слух.

— Жаль...— сказал шофер.— Я уже познакомился с тем человеком.

— Неужели? — вырвалось у Мулладоста.

— Да, не удивляйтесь.

— Ну и что ты узнал? — взволнованно спросил чайханщик.

— Он собирается приехать в кишлак.

— Что ты говоришь! — со страхом воскликнул Мулладост.— Встань ему поперек дороги. Пусть не приезжает. И без него полно забот.

Жаль, что чайханщик был потрясен неожиданной вестью. Последующие слова он говорил почти шепотом.

— Чудной вы человек,— заметил шофер.— Разве я могу запретить, если он захочет сюда приехать. И без меня дорогу найдет.

Чайханщик долго молчал. Кажется, он был очень испуган.

— Я сейчас приду...

Аскару пришлось ждать минут двадцать, чтобы опять услышать голос чайханщика.

— Ладно! Пусть едет,— сказал он.— Только постарайся, чтобы он добирался сюда на твоей машине. Лучше попозже, ночью...

— Это вы предоставьте мне,— согласился шофер.

— Гостем будет, что еще! — многозначительно сказал Мулладост.— Угостим, чем можем.

Они вышли на улицу. Минут через пять машина тронулась. Чайханщик, против обыкновения, на этот раз не задержался на улице, быстро вернулся во двор.

Когда Аскар подбежал к талу, Миркабул спрыгнул с дерева.

— Что он увез? — спросил Аскар.

— Хворост.

— Хворост? — удивился Аскар.

— Да, Аскар, машина полна веток.

— Значит, он возит в город хворост, собранный Анзором,— сказал Аскар.— Смешно, но факт!.. Идем, Миркабул!

— Куда?

— Не спрашивай, потом узнаешь! — Аскар быстро зашагал.

Миркабул, слегка озадаченный, молча следовал за ним. Он очень удивился, когда они подошли к дому Муниры.

Потом, когда понял, что она в курсе дела, даже рассердился:

— Почему ты не сказала никому о ваших подозрениях? Почему не вступилась за Аскара? Боялась обидеть Равшана?

— Нет, Миркабул, спроси у самого Аскара.

Аскар засмеялся:

— Лучше будет, если все останется как было. Ты понял? А теперь, друзья, конец клубка в наших руках.

Ребята почувствовали, что им предстоит серьезное испытание. Когда Аскар сообщил им о разговоре чайханщика с шо-

фером, всем стало ясно, что стройка крепко мешает Мулладосту. Он хотел приостановить работу, старался посеять вражду среди ребят, и вообще ему было выгодно, чтобы председатель перестал им доверять. Потому он и пустил воду в яму с цементом. Теперь это ясно.

Настораживало другое: неужели шофер приехал издалека только за каким-то хворостом? Что за паренек, который не успевает? Кому нужен хворост в городе? Все это выглядело более чем странно. Да еще они не знали, о ком Мулладост и шофер говорили в последний раз. Почему его так боятся? И кто тот человек, которому должен помешать шофер?..

— Наверное, он пострадал от чайханщика,— сказала Мунира.— Если он придет сюда, чайханщику будет плохо.

— В том-то и дело,— поддержал ее Аскар.— Но меня больше всего волнует поведение Мулладоста. Кажется, он посоветовался с теткой, потом вышел и сказал шоферу: «Привези его сам, только попозже, лучше, если ночью...»

— Выходит...— вставила Шахло,— тетка чайханщика все понимает?

— Похоже на то...— кивнул Аскар.

— Что же могла сказать тетка?— задумался Миркабул.

— Не знаю. Он с ней говорил — это точно. Потом только Мулладост вышел и сказал шоферу, что угостят того человека.

— Все понятно,— проговорил Миркабул.

— Что именно? — обратился к нему Аскар с усмешкой.— Тогда объясни нам.

— По-моему, чайханщик хочет подкупить того человека. А что ему стоит: пошлет Анзора за фруктами в сад! И все дела.

— Фруктами? — переспросил Аскар.— Соображаешь, о чем говоришь?

— Конечно, за фруктами,— сказала Шахло вместо Миркабула.— Дадут ему два-три ящика винограда.

Аскар внезапно ударил себя по лбу и вскочил.

— Вот ослиная голова! — воскликнул он.— Почему это раньше я не догадался? Какой дурак будет возить хворост в город, когда там всюду газ? Анзор возит к чайханщику

фрукты. Да, да! Шахло и Миркабул, вы молодцы! Теперь-то мы знаем, что он хворостом прикрывает фрукты! Не зря тетка рылась в хворосте.

— Анзор?! — Мунире не хотелось верить. — Неужели он?..

— Да, он ворует, — уверенно сказал Аскар. — Выходит, его отец и чайханщик — сообщники. — Аскар опять вынул из кармана «стенограмму» беседы чайханщика с приезжим шофером. — Вот теперь во всем можно разобраться. С тех пор как мы начали стройку, чайханщику стало неудобно возить фрукты и переправлять их в город. Ему кажется, возле его дома бродят люди и следят за ним. Мы тогда неправильно истолковали слова, когда чайханщик говорил: «Паренек не успевает». Думали, что речь должна идти о Равшане. Мы ошиблись. Речь шла об Анзоре. Он не успевает подвозить фрукты! Он сейчас может воровать только по вечерам! Днем-то все на стройке: могут увидеть, как он часто подвозит «хворост».

— Надо его схватить! — сказала Шахло. — Завтра же мы его приведем к председателю.

— Нет, так не годится, — возразил Аскар. — Он не признается. Надо поймать с поличным, на месте преступления.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Миркабул.

— Сейчас Анзора нетрудно будет поймать, — сказал Аскар. — Но надо повременить. Чайханщик может испугаться. Тогда мы не узнаем, кто должен приехать к нему в гости.

— Верно, — с сожалением произнес Миркабул. — Но, Аскар, мы же не знаем, когда тот человек приедет.

— Почему? Он будет на той же машине.

— Дежурить будем?

— Да, — сказал Аскар. — Это чепуха! Давайте подумаем вот о чем: говорить об этом другим ребятам или нет?

Аскар сомневался: поверят ли ему? Чайханщик, по всему видно, человек очень хитрый. Надо и его поймать с поличным, чтобы не мог отпереться. Пожалуй, будет лучше пока помолчать...

Они распределили между собой обязанности: Аскар будет караулить на крыше, а Миркабул — сидеть на дереве. Это на

всякий случай, если Аскара заметят. Если случится что-нибудь, то Аскар даст сигнал лучиком карманного фонарика. Тогда Миркабул придет к нему на помощь. Но вначале надо уточнить, что все-таки находится под хворостом. Вдруг они ошиблись? Это было поручено тому же Миркабулу и Шахло, которая в последние дни немного «подружилась» с Анзором. Ее он не заподозрит ни в чем.

* * *

Назавтра к вечеру Шахло вышла на дорогу. Анзор вот-вот должен был пройти мимо со своим ослом. Она немного волновалась, хотя задача ее была довольно проста. Чтобы выглядеть беззаботной, она взяла с собой несколько яблок и ела их всю дорогу. Кишлак был безлюден. Только за рекой, на большой дороге, слышался шум машин. Она успокоилась. Миркабул шел за ней в ста шагах — на всякий случай, если что-нибудь случится!

Хорошо, что сегодня мать Муниры на ночном дежурстве. Мунира понесла в больницу ужин. Шахло скажет Анзору, что ей тревожно стало за подругу; та не возвращается, вот она и идет за Мунирой. А больница находится как раз напротив ворот колхозного сада. Странно, зачем таскать фрукты в такую даль, к чайханщику? Можно было бы увезти и из сада. Но это тоже опасно. Отец Анзора не один, с ним еще старый садовник работает. Если каждую неделю машина будет подъезжать к саду, тот поинтересуется: почему шофер так зачастил? Анзор совсем другое дело, вряд ли кто подумает, что он ворует средь бела дня.

Когда Шахло перешла мост, на дороге показался Анзор. Шахло опять разволновалась и оглянулась назад. Нет, Миркабула не было видно, кажется, он спрятался за стволами чинары. Заметив Шахло, Анзор остановил своего ослика. Он был очень удивлен этой встречей. Шахло подошла поближе, похлопала ослика по спине.

— Красивый у тебя ослик, Анзор!

— Порода,— осклабился Анзор.— Единственный во всем кишлаке!

«Ты — тоже!» — чуть не вырвалось у Шахло. Анзор был доволен, будто похвала была адресована не ослу, а ему самому. Шахло не упустила момента и заговорила о винограде, который, по словам самого Анзора, так сладок, что язык прилипает к нёбу. Анзор совсем растаял и показал ей широким жестом:

— Ты не побоишься пойти в сад?

— Нет, не боюсь, если ты меня проводишь...— торопливо произнесла Шахло, радуясь, что все так удачно получается.

По уговору ей надо было послать Анзора за виноградом в сад и проверить, как только он исчезнет за воротами, что находится под хворостом. Был и другой вариант, по которому Анзор, забыв про осторожность, угостит Шахло виноградом, спрятанным под хворостом. Но Анзор свел на нет оба варианта. Дело обернулось совсем по-иному. «Лишь бы Миркабул не замешкался!» — думала она.

Приостановившись возле тополя, Анзор привязал осла и повел Шахло к саду. Успеет ли Миркабул проверить? Вдруг сейчас Анзор обернется и увидит его! Но нет, зря беспокоилась Шахло. Анзор был так обрадован ее просьбой, что даже ускорил шаг. Левую руку он держал в кармане. Кажется, хотел что-то вынуть и не решался. Наконец он с трудом заговорил:

— Я... я о винограде стихи написал!..

— Ах, ты еще стихи пишешь! — сказала Шахло с деланным удивлением.

Бедный поэт наконец вытащил из кармана свое скомканное творение и вручил Шахло. Она попыталась прочесть, но Анзор отчаянно замахал руками:

— Нет! Не сейчас... Дома прочтешь!..

В волнении он даже забыл, куда они идут. Испуганно оглянулся и вдруг увидел, как Миркабул копается в хворосте. Чертыхнувшись, Анзор побежал назад.

Аскар, положив подбородок на камень, наблюдал за двориком Мулладоста. Чайханщик недавно вошел в дом и не показывался. Тетя его задерживалась на кухне. Раньше Аскар не обращал на нее внимания, но теперь, после того как они узнали, что юродивая может говорить, он стал и ее подозревать. Странно, что она там делает? Аскар не посмел заглянуть в кухню через дымоход. Ночь была лунная, а из кухни, где темно, хорошо будет видно, что смотрят сверху. Да и чем же таким важным может она заняться, чтобы Аскар из-за нее рисковал в такой ответственный момент. Он уже начал было думать, что сегодня не будет гостей из города. Ведь чайханщик сидит себе спокойно, даже из дома не выходит, а тетя копошится на кухне. Разве похоже, что они кого-то ждут?

Тихо заскрипела дверь. Аскар увидел длинную тень чайханщика в полосе света, падающего из открытой двери. Тень долго не двигалась, потом чайханщик вышел из дома и сказал появившейся во дворе тетушке:

— Пойду посмотрю...

Юродивая шла за ним по пятам до калитки, заперла дверь на крючок. Значит, чайханщик пошел встречать Анзора. Наверное, Шахло уже, смеясь, рассказала Миркабулу, как она одурачила Анзора, а Миркабул, сидя на ветке дерева... Постой, постой, а вдруг они не успели и встретятся с Мулладостом?

Прошло около получаса, чайханщик не возвращался. Наконец постучали. Тетушка поспешила к калитке. Вернулся Мулладост. Он сел на край супы и сказал:

— Нету еще негодника. Что могло с ним случиться?

Юродивая залилась хриплым смешком. Аскар впервые слышал ее смех. Ему стало жутко. Значит, юродивая действительно все понимает? Теперь Аскар уже ничуть не сомневался, что чайханщик передавал тогда шоферу слова своей юродивой тетушки — доставить «гостя» ночью.

— Может, мне привести сюда садовника? — сказал Мулладост немного погодя. — Если узнает, зачем он нам нужен,

ни за что не придет. Хоть убей, не придет! Был бы его сын, я бы передал через него, чтобы поторапливался. Опаздывает, подлец!.. Нет, лучше я сам пойду.

Юродивая стояла перед супой. Она не издала ни звука. Трудно было понять, согласна она с решением Мулладоста или нет. Чайханщик встал, но, услышав отдаленный гул машины, засуетился и опять сел.

Аскару было не менее тревожно, чем чайханщику. Больше всего беспокоил его Анзор. Почему он до сих пор не пришел? Вдруг Шахло и Миркабул выдали себя? Тогда все пойдет прахом, эти подозрительные типы уберутся в свои норы, даже носа не покажут! Аскар подумал, не позвать ли людей. Нет, пока этого нельзя делать. Главное, без паники. Надо дожидаться своего часа. Миркабул, должно быть, уже сидит на дереве. Как только машина подъедет, Мулладост выйдет на улицу, и тогда, пользуясь моментом, Аскар спустится и даст сигнал.

Это была единственная надежда Аскара. Он даст сигнал, а когда Миркабул придет, им вдвоем будет вовсе не страшно.

Шум машины приближался. Юродивая опять вошла в кухню. Чайханщик засуетился пуще прежнего, будто дом был охвачен пожаром. Аскар еще никогда не видел его таким. Он сразу понял, что сейчас должно произойти что-то из ряда вон выходящее! Лишь бы Миркабул сидел на месте!..

Глава XVIII

«ГОСТЬ» ЧАЙХАНЩИКА

Как только Анзор пустился назад, Миркабул понял, что уже нет смысла бежать или скрываться за чинарой, и остался стоять возле ослика.

— Что ты тут делаешь? — спросил Анзор. Глаза его чуть не вылезли из орбит. — Что ты трогаешь мой хворост?

— Я его не трогал.

— Трогал!

— Не говори глупости! — Миркабул сделал шаг вперед и сжал кулаки. Он знал, что Анзор труслив, потому решил подействовать на него угрозой.— На что сдались мне твои дрова?

— Зачем ты трогал мой груз?

— Вот это уже другое дело! — ответил Миркабул хитрой улыбкой.— Ты, дружище, сам знаешь, хворост мне не нужен. Лучше бы ты угостил меня виноградом, спрятанным под ветками.

— Что?!

Анзор выронил уздечку и бросился было бежать, но Миркабул успел дать ему подножку. Анзор растянулся на земле.

— Дурак! Куда ты бежишь? Осла твоего я, что ли, поведу?

Анзор встал. Страхивая пыль, он проклинал свою недogaдливость. Ведь он должен был почувствовать подвох! Почему он обрадовался, когда Шахло появилась на дороге, будто с неба свалилась? Что теперь будет? Нельзя вернуться в сад, нельзя идти к чайханщику. Некого на помощь позвать! Этим только испортишь дело. Ведь чайханщик его предупредал, чтобы сегодня привез попозже. Может, Мулладост что-нибудь знал? Но и раньше, бывало, Анзор возил груз в такое время, сам же разгружал, если хозяина не оказывалось дома. Хотел отвезти и вернуться пораньше домой. Надо, надо во что бы то ни стало выиграть время: чайханщик может в любой момент выйти на улицу, чтобы его встретить.

— Пошли, Анзор,— сказал Миркабул.

— Куда?

— Потом узнаешь.

Миркабул потянул осла за веревку. Анзор молча поплелся следом. Сейчас он понял, что чуть не совершил глупость, когда хотел убежать. Ведь это хуже всего. Тогда бы он выдал себя. А пока еще есть время что-то придумать.

Он весь покрылся холодным потом, когда Миркабул ступил на мост.

— Никуда я не пойду! — сказал Анзор дрожащим голосом. Миркабулу было не лучше. Он боялся, что чайханщик мо-

жет вот-вот появиться на дороге. А куда вести Анзора и его осла? В контору? Нет, туда тоже нельзя: чего доброго, натолкнешься на чайханщика. Лучше выбрать какое-нибудь укромное место. Там будет видно, что делать дальше.

— Хорошо, можешь остаться здесь,— сердито сказал Миркабул.

И Анзор не знал, что предпринять. Он уже решил, что его потащат к председателю. Но когда Миркабул увел его ослика шагов на десять, Анзор отчаялся и, подбежав к ним, изо всех сил потянул ослика за хвост.

Бедный ослик не был приучен к подобным шуткам. Он поерзал на месте, будто ему было щекотно, и двинулся дальше. «Эх,— подумал Анзор,— глупый ишак, кто тебя поведет за веревку, за ним и пойдешь». С досады он пнул ослика в живот, а тот, как назло, пустился вскачь.

— Молодец, Анзор! — похвалил Миркабул.— Из тебя вышел отличный погонщик.

Они прошли через мост и увидели на обочине дороги поджидающих Муниру и Шахло. Анзор понял, что теперь даже чайханщик ему не поможет.

Остановившись на том месте, где обычно купалась Мунира, Миркабул привязал осла к кусту. Потом повел Анзора на полянку, что была рядом.

— Пожалуй, начнем,— важно произнес Миркабул, приступая к допросу.— Расскажи все без утайки, тогда отпустим. Не то пойдешь с нами к председателю!

— Ладно,— согласился Анзор.

— Куда ты везешь виноград?

Анзор странно захихикал:

— К вам.

— Неужто?!

— Да, Миркабул, я вез его вам на стройку! — сказал Анзор, цепляясь за эту спасительную ложь.— Я должен был привезти виноград завтра утром, но не стал дожидаться. Не верите, можете спросить у председателя.

— Ах так! — Миркабул продолжал притворяться проста-

ком.— Тогда нет разницы, утром мы съедим этот виноград или сейчас.

Он подошел к навьюченному ослу, вынул большую кисть винограда и разделил поровну.

Анзор наблюдал за ним. Похоже, положение не такое уж безвыходное: его поймали случайно. Ведь и сам председатель сказал отцу, чтобы ребятам давали ежедневно по ящику винограда. Правда, Анзор вез побольше, но это тоже ничего. Он скажет, что это для своих друзей. Пусть председатель попробует не поверить ему, ведь для друзей ничего не жалко! Кажется, и Миркабул поверил. Разве сидел бы он так смиренно, если бы догадался?

— Ах-ах! — почмокала губами Шахло.— Язык к небу прилипает!

— Анзор, ты просто мировой парень! — сказал Миркабул.— Такой виноград!..

Но его мысли были заняты другим. Что делать с Анзором? Тот словно камень теперь будет висеть на его шее! Как дать знать Аскарю? Или оставить девочек возле Анзора, а самому отправиться к дому чайханщика. А вдруг Анзор убежит?.. Главное сейчас, чтобы он считал себя случайно пойманным. Пока машина не приехала, может, и Аскар там ненадолго задержится.

— Знаете, Анзор даже сочинил стихи об этом сладком винограде! — сказала Шахло.

Она вытащила из кармана помятый листок. Анзор хотел вцепиться в руку Шахло, но ему помешал Миркабул.

— Читай! — сказал он Шахло.— Только старайся, чтобы было выразительней! А то сочинитель обидится!

Анзор закрыл лицо руками. Шахло развернула листок и прочла его при свете луны.

Если спросят вдруг про брови,
Почему они черны,
Скрой, что их вчера усьмою¹
Подвела немножко ты.

¹ У с ь м á — растение, сок которого используется для окраски бровей.

Коль захочешь винограда,
Знай, на свете есть Анзор.
Ты ему — одна отрада.
Ты ему ласкаешь взор.

Если скажешь, я желаю
Золотую кисть, как мед.
Помни, я один лишь знаю,
Где такая кисть растет.

— Ого! — воскликнул Миркабул. — Вот мы какие!

— Наверное, и это где-то своровал! — сердито сказала Шахло и кинула листок в лицо Анзору. Но она тут же подобрала его, торопливо вновь пробежала глазами по строкам, удивленно заморгала. — Послушай, Анзор! Это ты сам написал?.. Своей рукой?

Анзор не мог отказаться от собственного творения, кивнул. Шахло сразу изменилась в лице и бросилась на Анзора. Тот в испуге отступил на несколько шагов. Но Шахло успела его схватить.

— Ты! Это ты написал? Твоя рука?..

— Шахло, что с тобой? — вмешался Миркабул.

Он хотел их разнять, но Шахло еще крепче вцепилась и стала трясти Анзора:

— Скажи, ты написал то письмо в город? На имя Салиджана Рахманова! Скажи!

Анзор вытаращил глаза.

— Отпусти меня! Я не знаю, не знаю такого человека!..

— Врешь! — сказала Шахло. — Ты врешь, я сразу узнала твой почерк! По круглому хвосту «ка»! Сама видела письмо, оно было написано твоей рукой!

Анзор вырвался, оттолкнув Шахло. Но Миркабул его обнял сзади и не дал убежать. Анзор толкался, пинался, но Миркабул не отпускал. Наконец Анзор устал и плюхнулся на траву. Миркабул, сняв ремень, связал ему руки. Анзор от страха хотел завопить, крик застрял в горле.

— Не двигайся! — пригрозил Миркабул. — Кричать беспо-

лезно, тебе уже никто не поможет. И чайханщика, и твоего отца уже поймали!

Эти слова магически подействовали на Анзора, и он сразу стал кротким. Не будь у него связаны руки, можно было подумать, что паренек просто лежит на траве и любуется лунной ночью.

Шахло была занята своими догадками. Она поняла, что письмо Салиджана-ака не было потеряно. Оно попало в руки чайханщика, а тот продиктовал ответ Анзору. Потом кто-то, скорее всего, тот шофер, доставил ответ Салиджану-ака. Не зря удивился тогда Салиджан-ака, что письмо было без конверта.

Но вот они услышали шум приближающейся машины. Шахло выбежала из кустарников. Миркабул не знал, идти ему к дереву или... Нет, надо, надо туда идти. А что с Анзором? Как быть? Наконец он сломал толстую ветку в кустах и передал Мунире:

— Стукни его, если захочет уйти!

Он даже не спросил, согласна ли Мунира оставаться здесь. Не до того было. Отдал палку и сам побежал к речке.

* * *

Как только грузовик подъехал, Аскар осторожно спустился вниз по лозе. Он весь дрожал, будто его лихорадило. Несколько раз зажег и погасил карманный фонарик — дал условный сигнал Миркабулу. Тот должен был увидеть с дерева.

Послышалась какая-то возня, и хлопнула дверца машины. Грузовик уехал.

Когда Аскар опять взобрался на крышу, двор был совершенно пуст. Странно, куда исчез гость чайханщика? Почему машина так быстро уехала? Может, они чего-то испугались?.. Где Мулладост? Или он с тетушкой вошел в дом? Тогда, получается, шофер лишь затем и приехал, чтобы сказать о поддержке гостя и успокоить чайханщика.

Через дымоход донеслось что-то вроде сдавленного стона

и какого-то хриплого кашля. На кухне зажгли свет. Оттуда немного спустя вышли чайханщик и юродивая.

— Я пойду! — сказал Мулладост.— Проклятый садовник, похоже, хочет нас привести...

Пока юродивая и чайханщик говорили, Аскар украдкой посмотрел в дымоход и чуть не закричал от ужаса. Посреди кухни лежал связанный толстым арканом незнакомый человек! Кто это? Неужели тот самый гость чайханщика? Нет, не может быть, чтобы с гостями так обращались! А может, у них возник скандал и его связали, чтобы гость немного остыл? Нет, это глупо, слишком глупо! Тут есть какая-то злая цель! Надо Миркабула послать за людьми, а самому остаться.

Юродивая вскоре вернулась на кухню. Она нагнулась над лежащим на земле человеком и несколько раз шлепнула его по лицу. Незнакомец очнулся и удивленно посмотрел на сморщенное лицо юродивой.

— Где я? Кто ты такая?

— Ты меня не узнал? Ты же сам хотел меня увидеть.

— Не понимаю.

— Ну как же!.. Ты приехал, чтобы разыскать людей своего детства. Так ведь, сынок?

— Вы... вы... Юродивая?!

— Да, ты не ошибся, сынок. Я та самая юродивая.

Аскар не поверил своим ушам. Голос у юродивой был очень странный, почти как у мужчины. Да и слова она умела произносить четко! Первой мыслью Аскара было прыгнуть с крыши и бежать во весь дух. Он сдержался. Нет, он должен остаться здесь. Скоро придет Миркабул, их будет двое, тогда не страшно будет. Да и других они позовут на помощь. Нельзя же бросать незнакомца одного! Вдруг его убьют!

Аскар опять приник к дымоходу.

— Скажите, где я? — спросил незнакомец.— Почему я связан?

— Не бойся, сынок, не бойся. Я же с тобой рядом!

— Вы теперь можете разговаривать?

— Аллах сам дает, сам же и забирает. Иногда он делает

наоборот — сначала заберет, а потом отдает назад. Вот он когда-то отнял у меня язык, а затем вернул. Увидела тебя и сразу вспомнила молодость. Грустно, сынок! Хорошие были времена! Все прошло. Будто только вчера было... Помню, как сгорел колхозный склад, где сторожем был твой отец. Его ударили и свалили с ног, потом подожгли склад...

— Кто? — закричал незнакомец. — Кто это сделал?

Юродивая засмеялась.

— Потом, когда хотели отобрать двор ишана, вот этот двор, где ты сейчас находишься, кто-то подпилит сваи под мостом, и твой отец провалился в реку вместе с лошадей и арбой. А не лез бы он не в свои дела, в живых бы остался. Покойный даже не успел закричать. А ты сам не помнишь, что с тобой было по дороге в город?

— Я упал с лошади.

— Нет, не сразу это было. Может, ты кого-то встретил до этого?

— Помню, встретил незнакомого человека. Он попросил, чтобы я подвез его до большой дороги.

— Память у тебя прямо-таки завидная, — сказала юродивая. — А я помню, как этот человек ударил тебя сзади по голове...

— Вы... Откуда вы все это знаете?

— Я, сынок, все на свете знаю! — ответила юродивая. — Я это услышала, когда тот злодей рассказал об этом ишану!

— Кто же это был?

— Не спеши, сынок, не спеши, — проговорила юродивая тихим голосом. — Сейчас ты увидишь сына того злодея и все поймешь. У меня больше можешь не спрашивать, все равно не скажу! Лежи, Салиджан, спокойно!..

Только теперь понял Аскар, кого держат у себя в кухне чайханщик и его тетя.

— Салиджан-ака! — закричал он.

От неожиданного крика юродивая вздрогнула и взглянула наверх. Увидев Аскара над дымоходом, она сразу вскочила с места, но Аскар успел взять лежавший рядом камень и ки-

нул его в юродивую. Она с криком упала. Аскар свалил торчащий над дымоходом навес и, прыгнув вниз через открывшуюся огромную дыру, начал торопливо развязывать руки Салиджану-ака.

Глава XIX

«ЮРОДИВАЯ»

В появлении Салиджана-ака в кишлаке не было ничего неожиданного, и мы долго не будем задерживаться на событиях, которые предшествовали его приезду.

Шахло ждала соседа. Но она никак не думала, что он появится ночью, да еще попадет в лапы Мулладоста и юродивой. Вот об этом стоит немного рассказать...

Однажды Салиджан-ака познакомился с молодым человеком, шофером, друг которого, как потом выяснилось, жил в том же самом кишлаке, куда он собирался ехать. Надо думать, Салиджан-ака немало обрадовался такому счастливому стечению обстоятельств. Дело было так: как-то вечером, возвращаясь из чайханы, он увидел, что забуксовала машина, попав колесом в арык. Шофер пытался вытащить ее из арыка, но ничего не получилось. Салиджан-ака пожалел его и вынес из дома лопату. Вдвоем они кое-как расширили берег арыка, после чего шофер опять сел за руль и довольно легко вывел грузовик на дорогу. Шофер остановился в стороне, вернулся и, сколько ни просил Салиджан-ака этого не делать, сам же поправил берег арыка. Тогда Салиджан-ака пригласил шофера в дом. Тот не стал отказываться. Они вошли, Салиджан-ака поставил чай, и беседа завязалась. Шофер, немного смущаясь, рассказал ему о себе и заодно сообщил, что собирается ехать в кишлак к своему другу. Когда же он узнал, что и Салиджан-ака хочет ехать в тот же кишлак, сам вызвался отвезти его туда.

Назавтра в полдень любезный шофер заехал за Салиджа-

ном-ака. Учитель был очень рад и не замедлил занять место в кабине.

На полдороге мотор несколько раз чихнул и заглох. Шофер вылез из кабины и поднял капот. Через минуту он вернулся и сказал:

— Нужно время, чтобы наладить мотор... Может, я вас посажу в автобус? Не смею задерживать, вы меня простите...

— Нет, что вы!.. Куда мне спешить! Подожду, пока вы не исправите.

Шофер занялся мотором. Салиджан-ака рад был бы ему помочь, но ничего в технике не смыслил. Было темно, когда мотор опять весело загудел. Шофер крикнул Салиджану-ака, чтобы тот садился в кабину.

В кишлак они приехали ночью, Салиджан-ака ничего не мог здесь узнать. Он даже не знал, куда ему идти, у кого остановиться.

— Давайте не расставаться сегодня,— сказал шофер, будто угадывал его мысли.— Куда вы пойдете в такое позднее время? Да и друг меня ждет, я ему сообщил, что сегодня приеду. Лучше вам остаться у него. А завтра видно будет...

Салиджан-ака согласился. Ничего не подозревая, он спокойно шагнул в калитку чужого двора, где встретил их не менее любезный друг...

* * *

Как только Аскар развязал Салиджану-ака руки и ноги, учитель поспешил выйти из кухни. Аскар взглянул на юрковую — она не двигалась, кажется, была без сознания. «Пусть лежит,— подумал он,— поделом ей досталось». Аскар подошел к Салиджану-ака, но тут открылась калитка, и вбежала Шахло:

— Салиджан-ака!

Учитель не поверил своим глазам.

— Неужели это ты, Шахло?!

Когда девочка успокоилась, Салиджан-ака рассказал

о шофере и о том, как он очутился здесь. Пришел председатель с людьми.

— Где чайханщик?

— Он отправился за садовником,— ответил Аскар.

— Подождем здесь,— сказал председатель.— Только без шума.

Все вошли в кухню, где лежала юродивая. Она застонала и медленно разомкнула веки, но, увидев собравшихся, опять закрыла глаза. Ее вынесли из кухни и положили на супу.

Появился садовник. Застав председателя и других, он нерешительно остановился.

— Ну, Турдыкул, рассказывай,— проговорил председатель.

Салиджан-ака внимательно разглядывал этого тощего человека с густой щетиной на лице.

— Турдыкул? — сказал он, волнуясь.— Это ты, Турдыкул?

— Вы его знаете? — удивился Муминджан-ака.

— Знаю,— ответил Салиджан-ака.— Помню. Мы с ним тогда были маленькими.

Садовник не изменил своей позы, молчал. В калитке показался Миркабул. Аскар побежал к нему, и они снова вышли на улицу.

— Где чайханщик? — спросил председатель.

— Он уехал,— глухим голосом сказал садовник.— На машине.

— Где его ждала машина?

— У больницы.

— А ты зачем сюда пришел?

— Сына ищу.

— Может, ты скажешь, что твой сын возит по ночам?

Садовник оторопел.

— Хворост...— сказал он.— Вы сами разрешили Мулла-досту.

— Еще что?

— Что еще? Только хворост...

— Почему ты сына ищешь здесь? Кажется, твой сын сюда не заходил?

— Чайханщик сказал, что Анзор повредил себе ногу. Говорит, перенес его, раненного, сюда. Поэтому я прибежал!

В это время во двор один за другим вошли Мунира и Анзор. За ними показался улыбающийся Миркабул с навьюченным ослом Анзора. Увидев отца, Анзор всхлипнул. Турдыкул кинулся было к калитке, но председатель крикнул ему:

— Стой!

— Чайханщика...— пробормотал садовник и сел.— Я ему морду...

— Не надо,— сказал ему председатель.— Он пока улизнул. Ничего, далеко не уйдет.

Председатель дал знак Миркабулу. Тот быстро снял с осла вязанки хвороста, и под ними открылись два ящика, доверху наполненные виноградом!

— Впервые вижу, чтобы виноградом топили! — проговорил Муминджан-ака. Затем кивнул на Салиджана-ака.— Что вы хотели с ним сделать?

— Я не знаю.— Турдыкул весь покрылся потом.— Вы лучше спросите вон у того человека!

Юродивая лежала на суге, не отрывая глаз от садовника.

— Что может знать о ваших намерениях эта женщина? — сказал Муминджан-ака.— Если вы задумали сами...

— Женщина?! Я вам покажу женщину!

Турдыкул побежал к суге, оттолкнул председателя и Салиджана-ака и разорвал одежду юродивой. Все увидели сморщенного старичка. Наступила тяжкая тишина.

— Кто вы? — спросил наконец Муминджан-ака.

Маленькие глаза старичка зло блеснули, но он ничего не сказал.

— Этот-то? — спросил Турдыкул и залился истерическим хохотом.— Ха-ха! Этот! Да я еще мальчишкой был, а он под женской одеждой прятался.

Старичок, казавшийся полуживым, вдруг вскочил с обезьяньей ловкостью и ударил садовника кулаком по шее. После того как старика опять уложили на суге, садовник заплакал...

— Боже, зачем, зачем же я испугался этого подлеца!..—

сказал он.— Не приди он в ту снежную ночь, не было бы у меня столько несчастья. Тогда жена уехала к больной матери. Она хотела и ребенка взять с собой, но я не согласился — холодно было. Ребенок остался со мной, долго с ним возился, и он заснул, устав от плача. Я сам хотел было лечь, но тут вошел этот проклятый оборотень. Я тогда впервые узнал, что это не женщина, а переодетый мужчина. Для чего он скрывался в женском платье, я даже спросить не осмелился. Верьте мне! Клянусь аллахом! В ту ночь он лил слезы, чуть ли не на коленях умолял меня, чтобы я ему нашел верного человека. Так как после смерти жены ишана ему трудно было жить одному. Я говорил: «Нет, ты не трогай меня, не то открою тебя перед всеми, скажу, кто ты такой». Он схватил моего ребенка и поднял за ногу над головой: «Пикнешь — выброшу его из окна!» Что я мог сделать? Вынужден был согласиться. Он сразу не поверил мне, потребовал, чтобы я клялся именем матери. Я поклялся. Потом я поехал в город и привел пройдоху Мулладоста. Просил его принять чайханщиком в колхоз, а этот человек остался здесь за его тетю. Не прошло и года, как Мулладост стал требовать, чтобы я воровал для него фрукты из колхозного сада. Я не мог ему отказать... Все остальное уже известно вам... И сын мой... остался калекой...

— Папа!..— заплакал Анзор.

Но садовник даже не посмотрел на него.

— Ты и раньше знал, кто был этот человек? — спросил Салиджан-ака.

— Нет, раньше не знал, клянусь. Он только потом раскрылся, в ту самую ночь, когда явился ко мне. Не знаю, почему он тогда раскрылся... Может, у него не было другого выхода. Он был уверен, что я его не выдам. Слишком долго я мучился...

— Почему ты его испугался?

— Он мне сказал, что мой отец был виноват в поджоге склада. И в смерти Нартая-ака тоже был виновен. А я ему поверил.

Турдыкул больше не мог говорить. Муминджан-ака с удивлением разглядывал старичка, лежавшего на супе.

— Вспомни, Турдыкул,— сказал Салиджан-ака.— Может, ты знаешь, что было после моего отъезда из кишлака?

Садовник отрицательно покачал головой.

— Нет, ты должен вспомнить, слышишь, должен! Ты знаешь, после исчезновения Гюльнары в кишлаке ходили слухи, будто Раиса Максимовна сбежала от нас! Разве ты не помнишь?

— Слухи были,— сказал Турдыкул после недолгого молчания,— но это неправда. Она не сбежала, она через десять дней вернулась в кишлак.

— Правду говоришь? Неужели Раиса Максимовна вернулась?

— Да, это я помню.

— А дальше? — поторопил его Салиджан-ака.— Ты не знаешь, куда она тогда исчезла?

— Нет, не знаю. Знаю только, что она вернулась в кишлак.

— Я знаю, где она до этого была! — произнесла вдруг Шахло.

Ее слова удивили присутствующих не меньше, чем то, что юродивая оказалась тщедушным старичком. Она и Аскар стали рассказывать подробности, услышанные ими из уст пастуха Джуманкула-ака. Старичок на супе нервно шевельнулся.

— Скажи, что было потом,— обратился Салиджан-ака к Турдыкулу,— что Раиса Максимовна делала в кишлаке?

Турдыкул хотя и сам был поражен рассказом ребят, но медлил с ответом...

Она пришла в кишлак в полдень, похудевшая и усталая. Кишлак в это время выглядел пустым — взрослые были на полях или в мечети, а детвора, обыкновенно наполнявшая улочки, ушла купаться к реке. Раиса Максимовна так никого из знакомых и не встретила. Тех женщин, которые с испугом глядели из-за дувалов, она не знала.

Вдруг в переулке показался сын суфи Турдыкул. Ему часто попадало от строгого отца, но, когда он начал рассказывать ему о русской женщине, о том, с кем она встречается, куда ходит, отец похвалил его, чего раньше никогда не делал. Сей-

час, увидев идущую по улице учительницу, Турдыкул пошел за ней следом. Женщина направилась прямо к мечети. Это показалось странным сыну суфи, он остановился. Учительница смело вошла во двор мечети. Айван был заполнен людьми. Молитва только кончилась, и люди еще не успели разойтись, ждали послемолитвенную проповедь ишана. Войдя, она увидела священнослужителя, который величаво спускался по ступенькам айвана. Их взгляды встретились, ишан часто-часто заморгал, будто не поверил своим глазам, и торопливо вернулся на айван. Там он споткнулся о сидевшего над молитвенным ковриком суфи и едва не упал. Воцарилось молчание: мусульмане были поражены появлением в мечети женщины!

— Рыжеволосая ведьма! — закричал ишан в страхе. — Сгинь, нечистая! Сгинь из покоев аллаха!

Раиса Максимовна, невзирая на враждебные взгляды прихожан, направилась к айвану. Некоторые мусульмане струсили, быстренько свернули свои молитвенные коврики и исчезли. Один человек сжал кулаки. Раиса Максимовна узнала его: это был Мумин-пахарь, отец пропавшей девочки. Ишан тем временем немного оправился от испуга.

— О, аллах! — тихо застонал он. — Зачем ты послал на мою голову ведьму!

Раиса Максимовна уже видела, что ишан испугался не на шутку. Он теперь юродствовал, надеясь втайне, что его причитания помогут и верующие набросятся на женщину. Она разгадала его намерение и засмеялась. Ишан попятился назад.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил он.

— Самую малость, я хочу с вами говорить перед всем народом, — ответила Раиса Максимовна. — Не бойтесь. Я не призрак. Я ничего не скажу им о ваших проделках за прошлую неделю, вы и суфи за это ответите в нужном месте. Сейчас я хочу узнать только одно, вы мусульманин или нет?

— Аллах сам видит, что я его раб и подданный! — сказал ишан.

— Говорят, будто слово и дело мусульманина не расходятся, правда?

— Истинно!

— А если они расходятся, то каково будет наказание ему?

Ишан сразу оживился и заговорил, словно читал проповедь:

— О горе тому грешнику! Надо его лоб, нос и щеки намазать черною сажей и посадить на паршивого осла лицом назад! — говорил он торжественно. — Надо такого грешника бить камнями!

— Вы слышали, что ишан говорит? — обратилась Раиса Максимовна к людям.

Те были ошеломлены ее разговором с ишаном и ничего не могли понять.

Раиса Максимовна решительно поднялась на айван и, оттолкнув с пути ишана, устремилась во внутренние покои мечети. Ишан от ее толчка упал на суфи так, что тот застонал под его тяжестью. Пока они успели прийти в себя, Раиса Максимовна вернулась с маленькой девочкой на руках и быстро сошла по ступенькам. Люди расступились, открыв им дорогу. Раиса Максимовна оказалась лицом к лицу с Мумином. Он разжал кулаки...

— Гюльнара!.. — закричал Мумин и бросился к дочери.

Раиса Максимовна вышла из мечети молча. Голова ее была высоко поднята. Люди тогда думали, что учительница направляется к конторе. Но она так и не дошла до нее, а исчезла таинственным образом.

В ту же ночь скончался ишан. Отчего, никто не знал. В кишлаке все до единого проснулись от громких причитаний его жены...

— А что было потом? — спросил Салиджан-ака. — Расскажи!..

— Больше ничего не знаю, — ответил Турдыкул.

— Ты должен знать! — сказал Салиджан-ака. — Ты как тень ходил за ней, ты должен и знать! Скажи, отчего это она не могла прийти в контору?

— Право, не знаю,— испуганно проговорил Турдыкул.—
Поверьте мне, я ничего об этом не ведаю.

— А что с Гюльнаррой? Как она оказалась в мечети?

— Ты это спрости у нее!

— У нее?! — воскликнул Салиджан-ака.— Она здесь?

Турдыкул почему-то попытался изобразить на лице улыбку, но вместо этого выступило у него какое-то страдальческое выражение. Он исподлобья взглянул на Муниру и сказал:

— Она ей матерью приходится.

— Это ты о нашем докторе говоришь? — спросил Муминджан-ака.

Садовник кивнул головой.

— Все понятно,— сказал председатель.— Появление здесь доктора, которая приехала на некоторое время в кишлак, затем письмо Салиджана, который хотел узнать о своих знакомых,— оба обстоятельства потревожили этих людей, и потому они решили первым делом избавиться от Салиджана, как от наиболее опасного для них человека, ведь именно Салиджан хотел разыскать следы пропавшей учительницы. И вот старичок поехал на арбе чайханщика в город...

— Но я чудом остался жив,— продолжал его мысль Салиджан-ака.— Странно, почему «юродивая» разоткровенничалась со мною? Ведь я ничего не подозревал...

Салиджан-ака рассказал собравшимся о разговоре с «юродивой», когда лежал связанный.

— Он был убежден, что вы уже не сможете никому сообщить его секреты,— сказал Муминджан-ака.— Иначе бы он не стал говорить. Но помешал Аскар. Кто его знает, может, этот старичок хотел убить вас руками Турдыкула?

— Да, похоже на то,— ответил Салиджан-ака. Он поближе подошел к сидевшему на супе старичку.— Значит, это вы подожгли склад и подпилили сваи моста?

Тот молчал.

— Кто вы? — Муминджан-ака нагнулся над старичком. Тот не ответил, закрыл глаза.

— Назовите себя! — повысил голос председатель.

Тот помотал головой с закрытыми глазами, потом прохрипел тихим голосом:

— Это известно одному только создателю!..

Муминджан-ака с сожалением покачал головой.

— Зря, зря вы упрямитесь. Почему вы столько лет скрывались под женским одеянием? — спросил он.

Старик был нем.

— До своего приезда в кишлак он, должно быть, совершил какое-то тяжкое преступление, отчего ему пришлось прятаться под обликом женщины,— рассудил Салиджан-ака.— Это обстоятельство и послужило на руку тем, кто лишился земли и богатств. С помощью этого человека они сожгли склад, оглушили моего отца, колхозного активиста, чтобы от него избавиться. Чтобы обеспечить себе алиби, ишан и его суфи ночевали в мечети, они же «заметили» пожар и первыми побежали звать людей. Когда люди подроспели тушить пожар, они вынуждены были помогать им! Никто тогда не мог заподозрить «юродивую» сестру жены ишана! Тогда им удалось спрятать концы в воду!

— После смерти вашего отца,— продолжил Муминджан-ака рассуждения Салиджана,— они решили убить учительницу. Украли девочку, украли с определенной целью: чтобы учительницу убил отец этой девочки!..

— Когда их планы сорвались,— сказал Салиджан-ака,— бандиты ночью вошли в ее комнату, связали и хотели утопить, потому что побоялись убить на месте. Они предпочли утопить учительницу подальше от кишлака. Но по счастливой случайности ее спас пастух Кабул. Раиса Максимовна среди бела дня вернулась в кишлак и напрямик направилась в мечеть, где была спрятана девочка. Видимо, она узнала об этом из разговора тех, кто должен был ее утопить.

— Увидели, что она направляется в правление,— воскликнул Муминджан-ака,— ишан, и его люди, и этот,— председатель показал на лежащего старика,— он-то наверняка наблюдал за ней! Перепугались. Если учительница дойдет до конторы колхоза, то им конец!

— Вы правы! — сказал Салиджан-ака. Потом он обратился к садовнику: — Ты шел за Раисой Максимовной?

— Нет, нет, — сказал Турдыкул. — Отец меня сразу отправил домой.

Салиджан-ака внимательно посмотрел в его глаза:

— Этому можно верить, — сказал он. — Мальчик им больше был не нужен. Они, видимо, остановили ее на полдороге с чьей-то помощью, куда-то завлекли. А куда, этот человек и должен знать.

Муминджан-ака обернулся к старику. Узенькие глаза старика вдруг открылись и обдали его своим холодным блеском.

Старик вздрогнул, будто в его тело вонзили нож.

— Не случайно, что ишан умер той ночью, — заметил Салиджан-ака. — Во-первых, его наказали за трусость, ведь он испугался убить женщину в кишлаке, а поручил своим людям утопить. Во-вторых, смерть ишана была ему необходима, — он показал на старика, — чтобы замести следы. К тому же ишан должен был выйти из игры после того, как была обнаружена девочка в покоях мечети.

— А все же я не понимаю, — сказал Муминджан-ака. — За что этот человек мстил учительнице? Может, он почему-то боялся ее?

— Наверное, Раиса Максимовна знала какое-то страшное преступление, которое было им совершено еще до приезда в кишлак. Он испугался, когда Раиса Максимовна приехала учительствовать в кишлак: вдруг она когда-нибудь узнает его.

— Ну конечно, Раиса Максимовна в первые дни не узнала этого человека: он был в женской одежде... Постойте, Салиджан... — Председатель даже вскочил с места. — Выходит, ее отца звали Максимом?.. Так ведь?!

— Как же иначе? — удивился Салиджан-ака.

— Неужели?! — закричал Муминджан-ака и заставил встать старичка на ноги. — Скажи... ты... ты и есть тот Мурадулла?..

Когда Муминджан-ака рассказал собравшимся о своем

учителя Максима Савельевича и его жене, сморщенное лицо старичка совсем омертвело. Вдруг он истерично захохотал, весь вздрагивая, потом воскликнул хриплым голосом:

— О боже! Откуда эти люди могут знать, что было известно только аллаху? Откуда?!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Будет излишне говорить о том, как волновались Салиджан-ака и Гюльнара-апа при встрече. Долгие часы вспоминали они о своем далеком детстве.

Салиджан-ака спросил:

— Ты хоть видела Турдыкула, когда приехала сюда?

— Видела,— улыбнулась Гюльнара-апа.— Он сам однажды остановил меня на дороге и чуть ли не плача умолял не говорить о его прошлом. Да что с него спрашивать: он-то в ту пору мальчишкой был. Я даже удивилась, почему он так испугался меня. Жаль Турдыкула, он очень постарел за это время. Я бы его не узнала, если бы не он сам... Подумала, как давно все это было...

— Кто тебя затащил тогда в мечеть?

— Никто.

— Шутишь, Гюльнара!

— Нет, Салиджан, не шучу. В мечеть я сама пошла.

— Сама?!

— Да, я отправилась за тобой,— сказала Гюльнара-апа, все больше удивляя Салиджана-ака.— Ты брел по нашей улице и плакал. А затем ты вошел в мечеть...

— Нет, не в мечеть,— прервал ее Салиджан-ака.— Рядом с мечетью на маленькой узкой улочке жила моя тетя. Я шел к ней, мне сказали, что она ночью умерла. Потому я и плакал.

— Я не знала. Подумала, что ты в мечети, и боязливо переступила порог. Там никого, кроме ишана, не было. Он читал молитву. Увидев меня, он прекратил молитву и, подозвав меня, спросил, зачем я пришла. Услышав, что я тебя ищу, он сказал,

что сын Нартая здесь, в мечети. «Иди туда». И показал на одну дверь. Я ему поверила. Помню только, как я вошла, дверь за мною захлопнулась.

— Ты не кричала?

— Еще как кричала! Колотила в дверь, но никто не открыл. Вечером пришел ишан и сказал мне: «Ты опозорила своих родителей, переступила порог школы. Теперь ты будешь сорок дней и сорок ночей молиться здесь, чтобы аллах простил их и спас от смерти». Я опять испугалась и закричала. Хотела выбежать, но ишан не пустил, он связал руки и ноги, рот закрыл кляпом и унес в дальний угол. Потом закрыл меня ковриком.

— А дальше?

— Я не помню, сколько дней лежала в сырой комнате. Есть мне не давали. Я могла только плакать, и то без звука. Потом поняла, что мне не вырваться отсюда. Силы мои были на исходе. А ишан не переставал твердить: «Молись, дочка, молись за своих родителей». Не будь Раисы Максимовны...

— Какая она была смелая! — проговорил Салиджан-ака. — Что с ней сделали, Мурадулла расскажет на следствии.

Некоторое время они сидели молча, но думали об одном и том же — об учительнице.

— Отец увез нас в город вскоре после ее исчезновения, — сказала Гюльнара-апа, прервав тягостное молчание. — Я давно здесь не была... Наверное, ты сам увидел, кишлак не тот, что мы с тобой знали...

Учитель за несколько дней своего пребывания осмотрел новый кишлак. Тех узких улиц и низких глинобитных домиков, где прошло его детство, и в помине не было. Ему показалось, что даже тот холм, который высился у реки, уменьшился чуть ли не вдвое. Но это только почудилось. Ведь он тогда был совсем маленьким и холм представлялся очень большим.

Мы-то знаем, что для наших юных героев холм все еще велик. Салиджан-ака искал знакомые пустыри, лужайки, но не нашел, на их месте были проложены новые улицы и построены новые дома. И садов в кишлаке стало больше. Только один

домик он узнал — домик ишана, куда его привез «добрый знакомый». Да и то председатель собирался вот-вот снести этот дом. Змеинное гнездо.

Однажды учитель и Гюльнара-апа пришли на стройку. Им захотелось своими руками немного помочь детям. Уста Ашур остался доволен их работой: оба ряда «памятной» кладки вышли безукоризненно ровными.

Когда спустились с лесов, подоспел Муминджан-ака.

— Молодец, мастер! — засмеялся он. — Вижу, ты уже и взрослых обучаешь!

— Потерпи, — ответил каменщик. — Скоро до тебя очередь дойдет!

Ребята уже знали о конфликте между мастером и председателем. Они теперь видели, что каменщик вышел победителем. Муминджан-ака позвал к себе Аскара и обнял его:

— Спасибо тебе, Аскар!

Аскар, как ни старался казаться скромным, не мог скрыть радость. Потом проговорил:

— Муминджан-ака, можно вас спросить?

— Конечно, сынок!

— Ведь вы нам верите?

Муминджан-ака многозначительно посмотрел на мастера Ашура и улыбнулся.

— Верю, сынок.

Эта улыбка была понятна всем, даже Салиджану-ака и доктору.

Вчера у председателя с мастером опять был разговор в конторе. Ашур пригрозил, что уедет с семьей в город, если Муминджан-ака не выполнит его просьбу. Мастер хотел, чтобы ребята закончили стройку своими же руками. Каменщики среди них уже есть. Двух мастеров пусть председатель заберет обратно в колхоз. А сам Ашур останется у ребят наставником. Вдобавок он на год перейдет в распоряжение школы и начнет их учить делать рамы для окон, двери, настилать пол, словом, все, что требуется для ремонта. Да и мелкие дела ребята будут выполнять на уроках труда. Нет, не зря Аскар

выяснял у председателя, верит он им или нет. Выходило, что председатель согласился.

Салиджан-ака и Шахло уезжали в город. Все вышли их провожать. Тутихан-апа даже всплакнула. Перед тем как гости сели в машину, Шахло спросила Равшана:

- Ты в будущем году приедешь к нам?
- Нет, ты сама приезжай!
- Ладно.

Аскар грустно стоял в сторонке. Услышав, что Шахло приедет, он очень обрадовался и подошел поближе.

Машина уехала. Аскар сразу засуетился. Ведь он не сказал Шахло, чтобы она писала ему. Он хотел было побежать за машиной, но понял, что не успеет догнать. Крикнуть? Нет, вряд ли Шахло услышит. Вдруг она сама догадается! Да, да, она сама напишет!.. Долго, очень долго до следующего лета! Лучше, если она сразу же, через неделю, нет, завтра же напишет ему...

Через неделю и Мунира с мамой перебирались в свой городской дом. Равшан пришел им помочь грузить вещи. Он чувствовал, что Мунира за последние дни очень изменилась, хотя между ними не было никаких тягостных разговоров. Что-то исчезло у них... Но что? Разве можно это выразить словами?

Когда грузовик проехал через мост и свернул на большую дорогу, Мунира попросила водителя остановиться. Вышла из кабины с книгой в руках и побежала к мосту, крепко прижимая книгу к груди. На мосту она несколько минут молча смотрела в воду. Потом осторожно вынула из книги высушенные тюльпаны, бросила в реку. Шумные волны подхватили их и понесли вниз по реке. Мунира вздохнула, медленно пошла к машине.

...Равшану вдруг показалось, что все вокруг опустело. Он не мог себе найти места. Странно, что же происходит? Вот он сидит на вершине холма, обняв колени, сидит и не хочет отсюда уходить. Раньше здесь сидела Мунира. Теперь ее нет.

Будет ли она думать о Равшане? Да вряд ли... Ведь она обиделась на него. Одно только ясно: она вспомнит этот холм, речку, яркие звезды, которые зажигались на небе, пока она ждала здесь, на холме, мать, вспомнит она все это и его, Равшана, вспомнит!..

Равшану очень хотелось, чтобы Мунира не забыла о нем.

1975—1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>С. Баруздин. О повести Латифа Махмудова «Холм с тюльпанами»</i>	3
Глава I. Ночные путники	5
Глава II. Заботы председателя	9
Глава III. Букет тюльпанов	17
Глава IV. Вечером на холме	21
Глава V. Почему Шахло задержалась?	27
Глава VI. Учительница Рейхан	34
Глава VII. Гюльнара	42
Глава VIII. Мечь, мечь, мечь...	47
Глава IX. Гости	54
Глава X. На стройке	67
Глава XI. На пастбище	79
Глава XII. Легенда перестала быть легендой	92
Глава XIII. «Зря его выгнали, сынок...»	103
Глава XIV. Таинственные дела	117
Глава XV. Каменщик Максим	131
Глава XVI. Письмо	135
Глава XVII. Продолжение таинственных дел	140
Глава XVIII. «Гость» чайханщика	151
Глава XIX. «Юрдивая»	159
Послесловие	171

Для среднего школьного возраста

Махмудов Латиф

ХОЛМ С ТЮЛЬПАНАМИ

Повесть

ИБ № 7509

Ответственный редактор Г. И. Московская. Художественный редактор Б. А. Дехтерев. Технический редактор И. С. Широкова. Корректоры Л. И. Дмитриук и Л. А. Лазарева. Сдано в набор 18.05.83. Подписано к печати 11.06.84. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шриф. литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,0. Усл. кр.-отт. 12,5. Уч.-изд. л. 9,41. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2343. Цена 55 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательству «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.